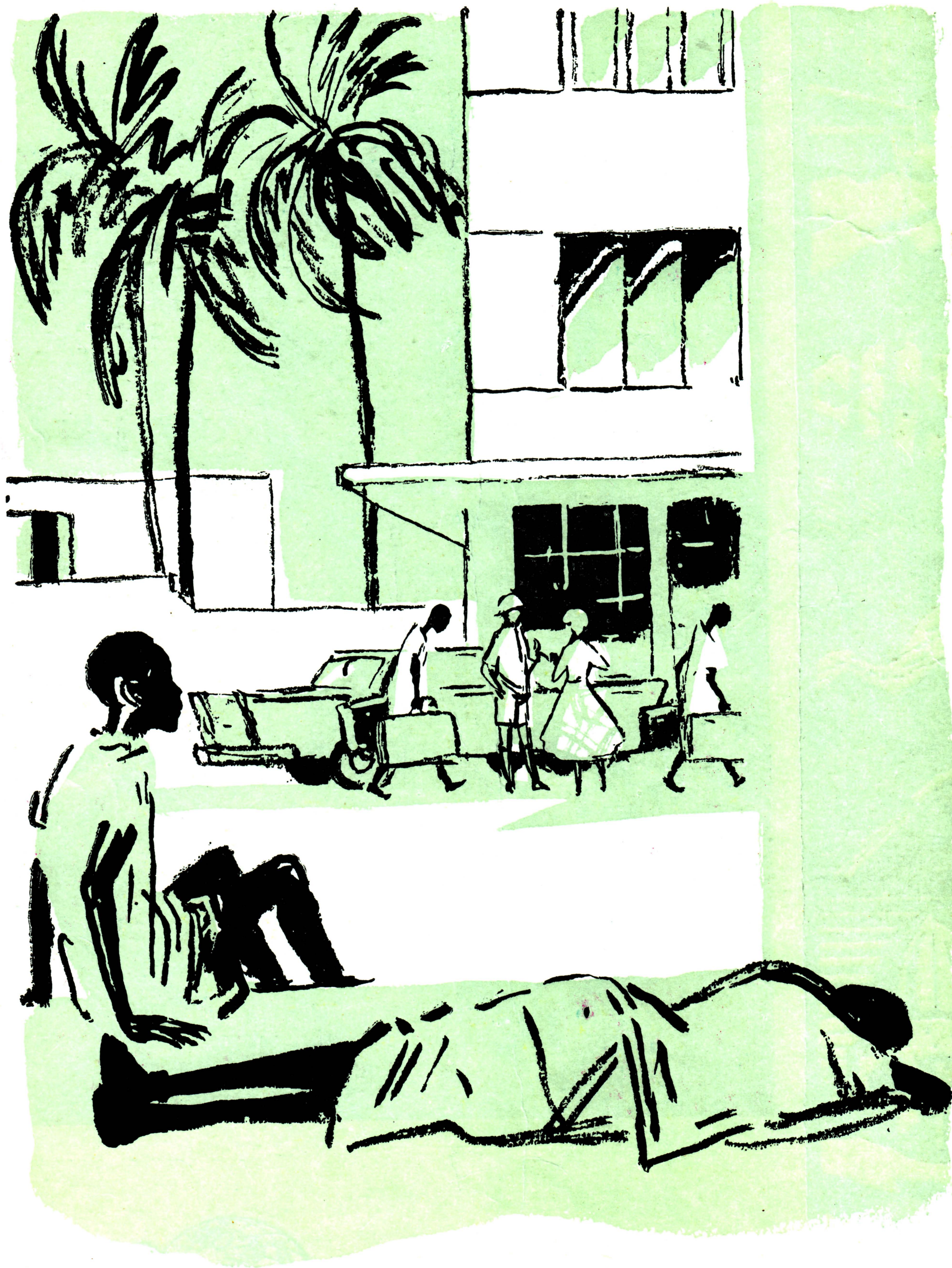

ВОКРУГ СВЕТА

3 1961 МАРТ

Работы не хватает для всех. Ее приходится ждать часами, днями, неделями...

Эту зарисовку художник АЛЕКСАНДР ТАРАН сделал для «Вокруг света» в городе Джибути — центре французской колонии Сомали.

ПОЛНЫЙ КРАХ КОЛОНИАЛИЗМА НЕМИНУЕМ. КРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ КОЛОНИАЛЬНОГО РАБСТВА ПОД НАТИСКОМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ — ВТОРОЕ ПО СВОЕМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ.

«Свободу Алжиру!» — таково требование народов.

ПОЛНЫЙ КРАХ КОЛОНИАЛИЗМА НЕМИНУЕМ!

1961

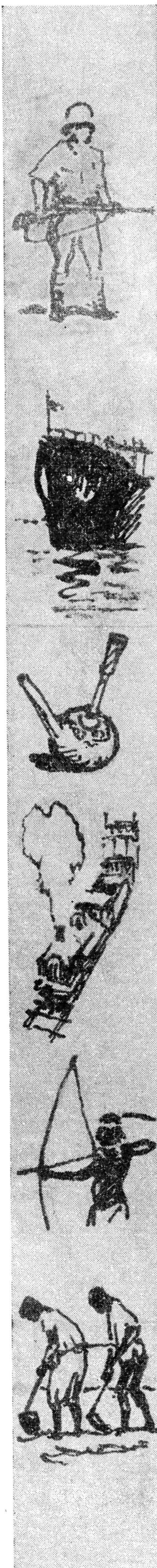
ВОКРУГ СВЕТА

№ 3
МАРТ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

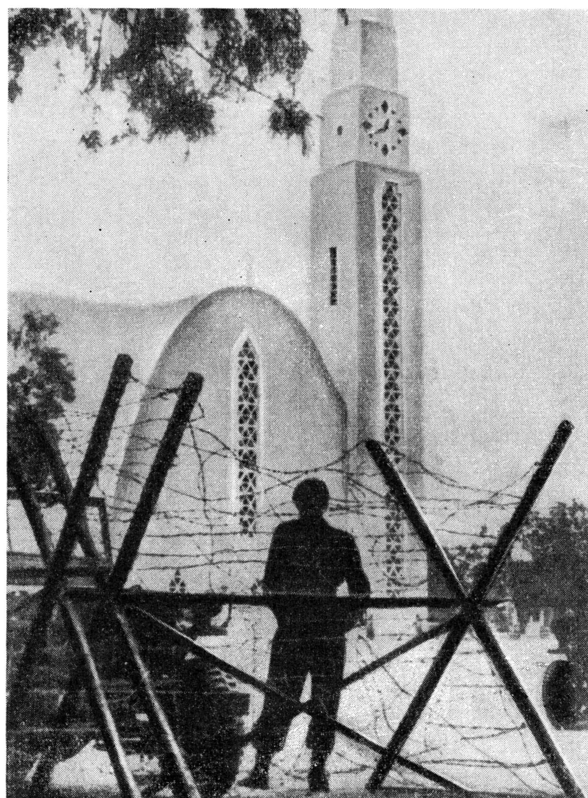
В ЭТОМ НОМЕРЕ:

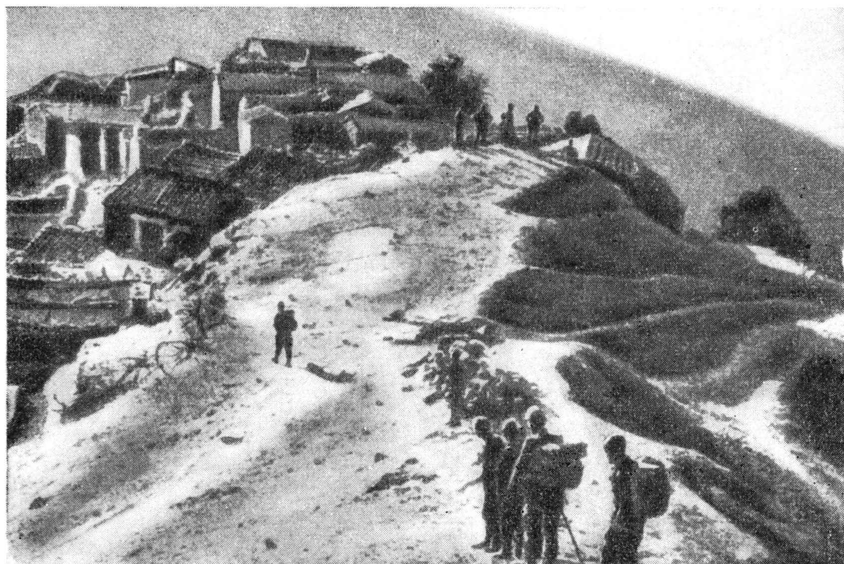
АЛЖИР — АЛЖИРЦАМ!

Это началось в ноябре 1954 года в горах Ореса. В руках тех, кто первым поднял восстание, были лишь охотничьи ружья и дубины, у французских колонизаторов — напалмовые бомбы, реактивные самолеты, тяжелые танки. Враг имел огромную, хорошо обученную армию, ему помогали союзники по НАТО. Повстанцев подвергли блокаде с моря и суши. Но они начали сражение за свободу родины, и за ними пошел народ. Так родилась в Алжире армия национального освобождения.

Борьба алжирского народа, являющаяся частью общего движения за полную ликвидацию колониализма, пользуется поддержкой людей во всем мире.

Алжирская армия национального освобождения контролирует сейчас многие районы страны. Французские войска запираются в фортах, городах и укрепленных районах. Города Алжира превращены в военные лагеря, улицы перегорожены рядами колючей проволоки. Днем и ночью вооруженные до зубов французские солдаты патрулируют кварталы.

Из укрепленных районов войска колонизаторов совершают карательные экспедиции в деревни. Парашютисты и наемники из «Иностранного легиона» учиняют дикие расправы с мирным населением, грабят и убивают беззащитных стариков, женщин, детей. Варварские насилия цинично оправдываются ссылками на официальный закон о «коллективной ответственности», введенный французскими властями в мае 1955 года. По этому закону за участие в «восстании» наравне с муджахидами — бойцами повстанческих отрядов — жестоким репрессиям подвергаются их семьи и жители деревень, где родились бойцы.

Сотни верст шагают муджахиды по тропам Атласа, по пескам Сахары, чтобы, подобно горному обвалу или смерчу, обрушиться на врага.

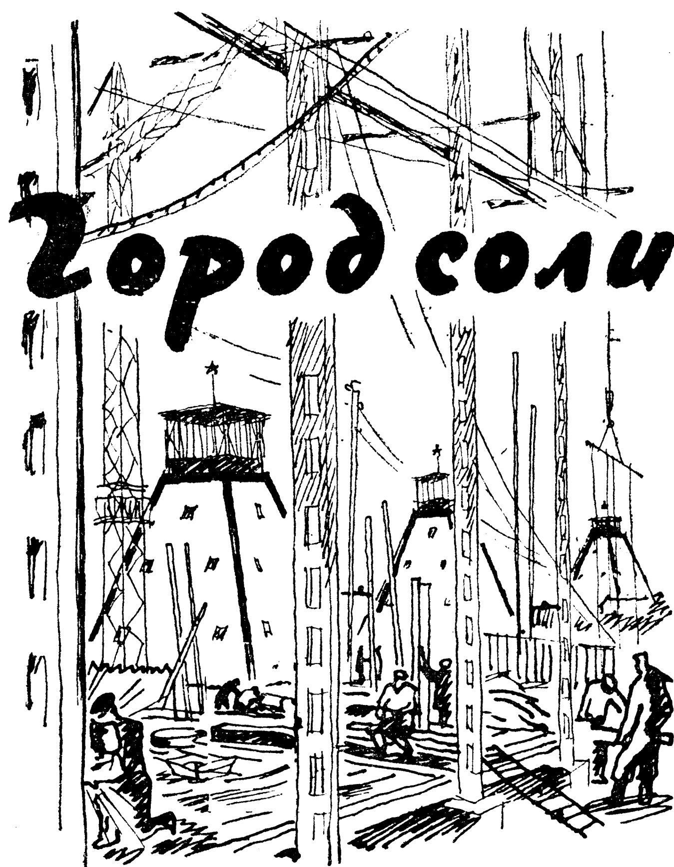

Неисчислимы бедствия алжирского народа, но он верит в правоту своего дела и уже сейчас думает о том дне, когда его родина станет, наконец, свободной. Надежда будущего Алжира — дети. И временное правительство Алжирской республики заботится о том, чтобы они могли учиться. У ребятишек нет учебников и тетрадей, даже в непогоду они занимаются под открытым небом, но с каким вниманием они слушают своих учителей! Здесь дети учатся не только читать и писать, — здесь воспитывается у них неугасимая любовь к родной стране.

От Минска мы повернули на юг.

Прошелестели сто километров асфальта и булыжника под колесами экспедиционного «газика». В пути мы остановились, чтобы справиться о дороге. Шофер, подливавший воду в радиатор своего грузовика, сказал:

— Дорога здесь одна — что моя, что ваша.

На ветровом стекле грузовика белел пропуск. «Груз идет на комсомольскую стройку — Солигорский калийный комбинат».

Да, дорога у нас была одна.

Комбинат открылся пирамидальными четкими силуэтами копров, за которыми виднелись решетки железобетонных конструкций. Еще дальше — ряды желтых кубиков, коттеджей рабочего городка. По пыльным дорогам шли бульдозеры, подняв тяжелые ножи.

Стройка как стройка. Но...

У въезда, близ копров, ветер колыхал алое полотнище. Лозунг начинался со слов: «Горняки Белоруссии!» Должно быть, каждого, кто впервые попадал на стройку, поражало необычное сочетание двух слов: горняки Белоруссии.

Еще школьные учебники экономической географии рассказывали о Белоруссии как о республике, лишенной больших запасов минерального сырья. Торф и лес — вот ее главные природные богатства; для того чтобы овладеть сокровищами этой земли, незачем углубляться в ее недра. «Профессии шахтера нет в Белоруссии», — так говорили книги.

И тут, в юном граде Солигорске, мы получили еще одно доказательство того, что в наше время авторам книг трудно поспеть за жизнью.

Первую страницу в историю Соляного города вписали геологи. Они искали здесь нефть — и нефти не нашли. Зато нашли калийную соль. Этот геологический парадокс не вызвал разочарования изыскателей, нет. Они были обрадованы не меньше, чем если бы им удалось открыть запасы «черного золота».

До сих пор у нас разрабатывалось лишь одно крупное месторождение калийной соли — Уральское. Об открытии этого месторождения рассказал Константин Паустовский, побывавший в начале тридцатых годов на Урале. В очерке «Соль земли» он писал о том, как «вырисовывались исполинские контуры будущей «химической республики», мирового центра калийной промышленности».

«Республика» эта давно создана, но скоро вступит в строй Солигорский комбинат и он отберет пальму первенства у знаменитых уральских предприятий.

Новый комбинат поможет произвести переворот в сельском хозяйстве республики и ближайших областей. Об этом говорил нам Леонид Поляков, известный на стройке инженер.

«Земли наши — песок да суглинок — нередко называют тощими, бедными. Но ведь мы в силах обновить поля.

Надо только подобрать ключ к секрету плодородия!

И оказалось, ключ этот скрыт глубоко, под тем же бедным песком и суглинком. Там, на глубине пятисот метров, калий, из которого можно

изготовить первоклассные удобрения, — в них-то и нуждается белорусская земля. Будущий комбинат позволит нам облагородить почвы всей республики. Специалисты говорят, что урожаи в Белоруссии вырастут более чем на треть. А пока наши шахтеры пробивают дорогу к калию».

...Бадья стремительно падает в пустоту холодного влажного колодца. Здесь еще нет бесшумного, ярко освещенного лифта, и спускаться приходится в раскачивающейся железной бадье. Мелькают железные ребра тюбингов, которыми выложен колодец. Мы точно в тоннеле метро, поставленном на попа.

Июль с его тридцатиградусной жарой далеко наверху. Чугунные тюбинги покрыты инеем.

Бадья останавливается. Примостившись на круглом металлическом щите, закрывающем колодец, горняки ставят секции тюбингов, крепят стенки. В шахту не должна попасть вода: соляные разработки не терпят влаги. Счет воде здесь будут вести на капли. Несколько лишних капель в день — тревога! Воздух в шахте должен быть сухим и целительным.

Здесь, в первых белорусских шахтах, работает молодежь. Люди, пробивающие дорогу к соляным пластам, лишь недавно надели горняцкие каски, но они смело решают сложные технические задачи. Они сумели пробить шахтный ствол в невиданных по мощности плывунах, заморозив зыбкие породы так прочно, что первые 160 метров колодца им удалось пройти, не применяя креплений, с невиданной скоростью. Мороз превратил неверный грунт в монолит.

Молодые энтузиасты разработали новый, параллельный способ проходки ствола, когда одно шахтерское звено пробивало дорогу к соли, а второе, над головами товарищей, оградившись от них передвижным круглым щитом, образующим как бы искусственное дно шахты, крепило стенки колодца.

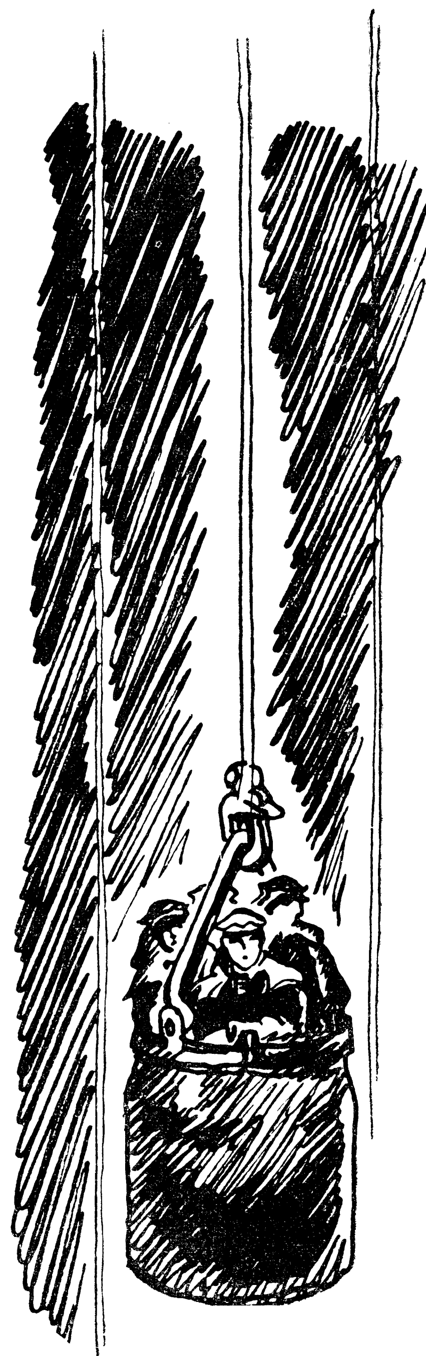
Прежде этим звеньям приходилось работать врозь, чтоб не мешать друг другу. Новый метод позволил бригаде коммунистического труда Толи Селиванова добиться рекордной проходки. Глубоко под землей и наверху, на залитой солнцем площадке, где сооружаются цехи будущего комбината, работают десятки молодежных бригад. Духом творческого соревнования, юношеским задором проникнут их труд. Недаром Солигорск называют ударной молодежной стройкой белорусского комсомола.

...Мы приехали в Солигорск, когда еще город не сбросил с себя строительные леса, блестящее покрывало асфальта не легло на ухабистые, разбитые подъездные пути, пыль еще забивала клейкие листки только что высаженных деревьев, но уже проявлялись, становились все более четкими очертания нового великолепного социалистического города.

Как символ первой большой победы строителей три пирамиды, три копра встречали приезжего. Три яркие звездочки алели над копрами, — горняцкие звездочки, впервые взошедшие над белорусской землей.

Материал подготовлен участниками экспедиции «По стройкам семилетки» **И. ГОЛИЦЫНЫМ, В. СМИРНОВЫМ.**

Редколлегия и редакция благодарят всех советских и зарубежных друзей, приславших свои поздравления и приветствия журналу «Вокруг света» в связи со столетием со дня выхода первого номера.

В. ШЕЙНИС

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

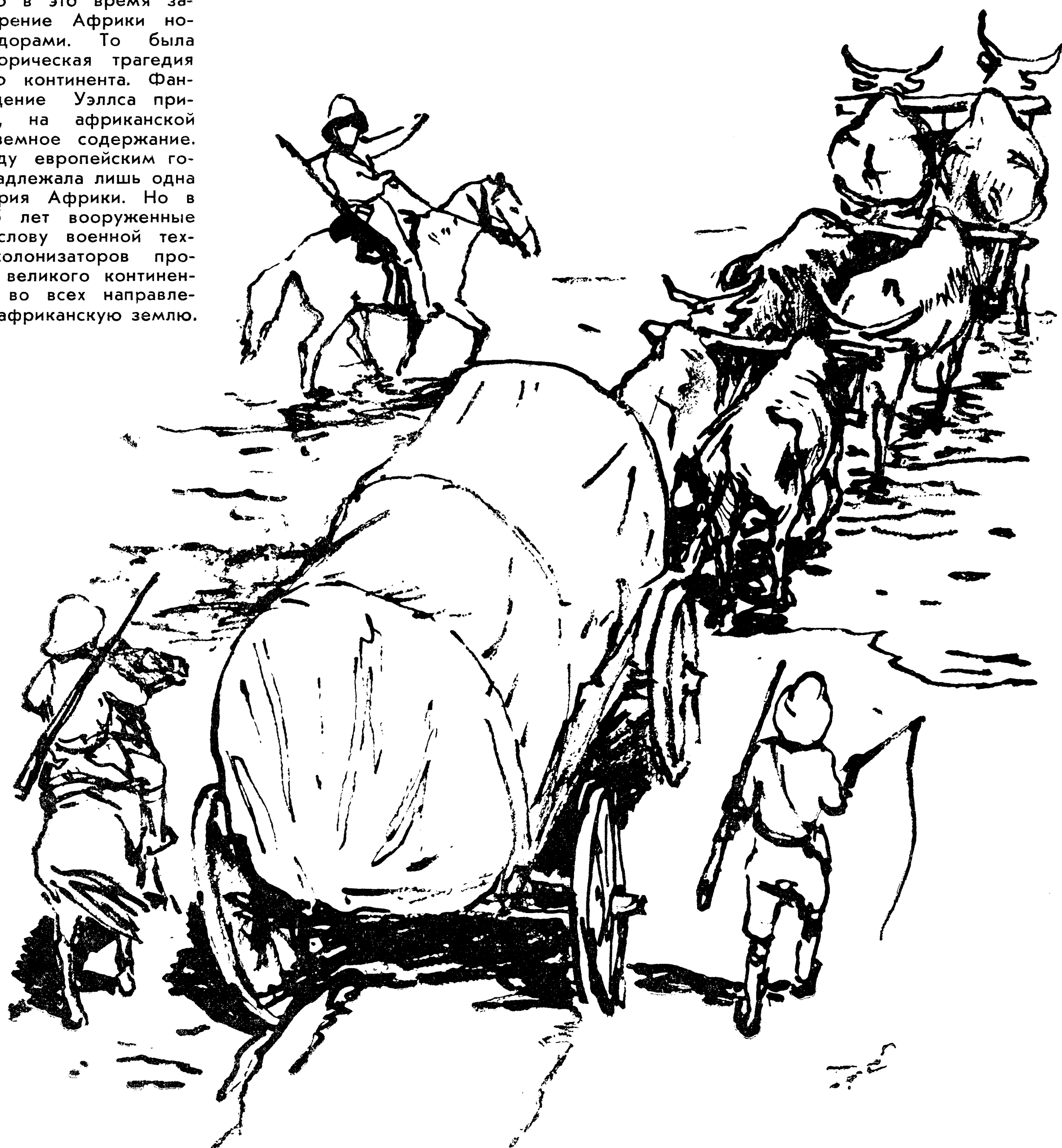
КОЛОНИЗАТОРЫ

▲ОБМАН, НАСИЛИЕ, РАЗВАЛИНЫ, КЛАДБИЩА—ЧЕРНЫЕ ВЕХИ НА ПУТИ КОЛОНИЗАТОРОВ. ▲АГЕНТ БЕЛЬГИЙСКОГО КОРОЛЯ ОБЪЯВЛЯЕТ СЕБЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ ГЕРОЕМ КОНГО. ▲КАКОВА ЦЕНА КАУЧУКА ДЛЯ АФРИКАНЦА?

▲—КОГДА К НАМ ПРИШЛИ БЕЛЫЕ ЛЮДИ, ОНИ СТАЛИ УЧИТЬ НАС ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ, НО КАК ТОЛЬКО МЫ ЗАКРЫЛИ ГЛАЗА, У НАС УКРАЛИ НАШУ ЗЕМЛЮ (африканское предание).

В 1898 году вышел в свет роман Герберта Уэллса «Борьба миров». Респектабельный европейский читатель, перевернув последнюю страницу книги, мог предаться успокоительным размышлениям о том, насколько далека от реального мира нарисованная писателем жуткая картина земли под властью марсиан. Но именно в это время завершалось покорение Африки новыми конкистадорами. То была величайшая историческая трагедия народов Черного континента. Фантастическое видение Уэллса приобретало здесь, на африканской земле, вполне земное содержание.

Еще в 1876 году европейским государствам принадлежала лишь одна десятая территория Африки. Но в последующие 25 лет вооруженные по последнему слову военной техники отряды колонизаторов проникли в сердце великого континента, прошли его во всех направлениях, раскроили африканскую землю.

Буржуазная печать изображала завоевание Африки как нормальный для «века прогресса» процесс приобщения «дикарей» к «цивилизации». На деле путь «цивилизаторов» по Африке был отмечен обманом и насилием, дымящимися развалинами деревень и кладбищами. Если бы в течение 25 лет на континенте непрерывно свирепствовали стихийные бедствия, урон, нанесенный африканским народам, был бы ничтожен по сравнению с «издержками» приобщения их к «цивилизации». Целые племена были стерты с лица земли, а другие оттеснены в непригодные для жизни районы и обречены на постепенное вымирание.

Сотни лет из Африки вывозили рабов; теперь рабство стало уделом африканцев на их собственной земле.

Здесь пойдет рассказ о том, как ковались цепи рабства для народов Африки, как некоторые из африканских стран стали добычей империалистических хищников, каждый из которых норовил урвать кусок пожирнее, не останавливаясь ни перед какими зверствами.

БОЛЬШИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ АППЕТИТЫ МАЛЕНЬКОЙ БЕЛЬГИИ

В январе 1878 года в марсельский порт вошел корабль, доставивший пассажиров из далекой Африки. Среди них был Генри Мортон Стенли, авантюрист, названный великим открывателем. Еще в 1871 году он на деньги и по заданию владельца одной из американских газет отправился в африканские дебри на поиски путешественника Давида Ливингстона, о котором много лет не было никаких известий. Предприятию сопутствовала удача. Издатель, ловко использовав сенсацию, поднял тираж газеты, а третьеразрядный репортер приобрел всемирную известность.

Но еще до того как Стенли разыскал Ливингстона, он успел найти общий язык с работорговцами и возглавил карательную экспедицию против племени ваньямвези.

Проведя несколько лет в Африке и исследовав бассейн Конго, Стенли увидел, какие несметные богатства таятся здесь, на древней африканской земле. В голове у предприимчивого дельца созрел далеко идущий план. Он решил предложить свои услуги в качестве проводника в Африку тому, кто больше заплатит.

Вот почему для встречи Стенли в Марсель прибыли барон Грейндель и генерал Санфорд — личные представители бельгийского короля Леопольда II.

...А двумя годами раньше в Брюсселе состоялась Международная географическая конференция, на которую были приглашены виднейшие путешественники из разных стран. Коронным номером этой тщательно продуманной постановки явилось выступление бельгийского короля Леопольда II: «Открыть цивилизации путь в единственную часть света, куда она еще не успела проникнуть, рассеять тьму, которая окутывает еще целые народы, — вот крестовый поход, достойный нашего века прогресса».

На конференции по инициативе Леопольда была создана «Международная ассоциация для исследования и цивилизации Центральной Африки». Короля очень вдохновляло то, что в Центральную Африку не успели проникнуть английские, французские и иные соперники. Вскоре возник и Бельгийский национальный комитет как ответвление этой ассоциации. Леопольд не замедлил сделать крупный взнос. Его примеру последовали и другие тузы бельгийского капитала. За несколько месяцев пожертвования составили 287 тысяч бельгийских франков. Разглагольствуя о служении науке и цивилизации, группа бельгийских спекулянтов во главе с Леопольдом готовилась наложить руку на обширные и пока еще «ничейные» земли в Центральной Африке. Но кто лучше Стенли мог осуществить эту задачу?

Вот почему агенты Леопольда поджидали Стенли у причалов марсельского порта.

„ЛУЧШЕ ПУСТЫНЯ, ЧЕМ НЕПОКОРЕННАЯ ЗЕМЛЯ"

Сделка была совершена, задаток получен, и в феврале 1879 года на судне «Альбоин» Стенли вновь отправился в Африку в сопровожде-

ИДУТ по АФРИКЕ

нии небольшой группы агентов ассоциации.

В то время в бассейне Конго не было ни крупных государств, ни четко установленных границ. Многочисленные раздробленные племена враждовали друг с другом. Это-то и учитывали те, кто посылал Стенли. Ему было поручено от имени якобы Международной ассоциации заключить договоры с вождями племен. Леопольд нагло заявил, что, несмотря на свой королевский титул, он не прочь стать одновременно президентом конфедерации племен Конго. Король был человеком без предрассудков: «...деляга, финансист, аферист... Типик!!» — так характеризовал его В. И. Ленин.

На высоком холме, неподалеку от водопада Йеллала на реке Конго, Стенли построил станцию Виви — первый опорный пункт ассоциации. Это был хорошо оборудованный и укрепленный поселок, соединенный широкой дорогой с рекой. За участок, которому суждено было стать плацдармом закабаления народов Конго, местный вождь получил товары на сумму в 32 фунта стерлингов и ежемесячную пенсию в 3 фунта.

Но Стенли уже познакомился с африканцами во время первых путешествий в Африку, он знал, что не так просто сделать их рабами. Завоевать их доверие! Но как? Стенли называет себя «Мбула Матади».

Из поколения в поколение народы Конго передавали легенду о бесстрашном герое, который возглавил сопротивление португальским захватчикам. «Мбула Матади» — «Тот, кто разбивает камни», — звали его. Он организовал войско, которое нанесло сокрушительные поражения колонизаторам.

С именем Матади в сознании конголезцев было связано представление о могущественном защитнике народа от чужеземных угнетателей.

И вот теперь это имя присвоил себе Стенли. Это он якобы был способен разбивать камни. Он, представитель великого и могущественного белого короля из М'Поутон — Европы. Щедрый король готов подарить новым друзьям бусы, зеркала, водку и даже несколько старых ружей. И все это лишь первые дары.

Жизненный опыт подсказывает темнокожему вождю, что у дарителя должны быть какие-то скрытые замыслы. Он осторожно замечает:

— Ваш великий король очень мудр, и я понимаю, что он хочет получить товары для того, чтобы иметь выгоду в торговле.

Но чужеземец немедленно пресекает такое меркантильное истолкование своей миссии:

— Ты ошибаешься. Наш король очень богат и не нуждается ни в какой выгоде.

Теперь настало время разъяснить, зачем же, собственно, прибыли сюда посланцы белого короля.

И вот из багажа чужеземца извлекается бумага. В ней надлежащим языком, который не вызовет возражений у юриста, излагаются основы договора о «дружбе», протекторате, а заодно и о праве ассоциации на эксплуатацию богатств страны. Суть договора — отказ от независимости, подчинение иноземному владычеству. Но выражено все это крайне витиевато, и пришельцы позаботились о том, чтобы сознание вождя было затуманено винными парами. И вот под текстом договора вождь племени ставит крест. По местным неписаным законам он не имеет права подписывать такой кабальный договор, но вождь и не ведает, что поставленный им крест — это крест на свободе и независимости его народа.

За несколько лет Стенли и его приспешники проникли в самые глухие уголки страны и заключили в общей сложности около 450 подобных договоров. В стратегически важных пунктах страны они строили станции. Так возникли Исанджи, Леопольдвиль, Экваторвиль, Стенли-Фоллз и другие. Но изолированные друг от друга станции не могли еще обеспечить господства колонизаторов в стране. Стенли созывал вождей племен — «союзников белого короля», щедро одаривал, поил ромом — и появлялся новый «договор», согласно которому тысячи конголезцев сгонялись на строительство дорог, которые связывали опорные пункты колониалистов.

Хозяйничанье пришельцев с каждым годом становилось все более наглым.

...Небольшой, но хорошо вооруженный отряд вступал в африканскую деревню.

— Ты знаешь, что я твой сосед, — обращался офицер к вождю. — Мбула Матади послал меня, чтобы осыпать тебя своими благодеяниями.

Солдаты извлекали куски цветной материи, яркие платки, стекляшки, бусы. Взамен офицер требовал всю слоновую кость, которая только есть в деревне.

— Слоновая кость принадлежит Мбула Матади. Если я плачу за нее, то только потому, что хочу жить в мире и согласии с вами.

У африканцев было другое представление о праве собственности.

— Слоновая кость, — с достоинством отвечал вождь, — принадлежит тому человеку, который убил слона.

Офицер оглядывался вокруг. Вся площадь, на которой совершался его торг с вождем, была занята африканцами, на солнце сверкали их серпообразные сабли, над головами вспыхивали блестящие наконечники копий. И бельгийцы вынуждены были покидать деревню.

Случалось, что ночью пламя охватывало солдатские палатки. Солдат, отправлявшихся за пределы станции, осыпали градом стрел. Так было в разных концах страны. Африканцы поднимались на борьбу за свободу.

Организованное сопротивление угнетателям оказали племена мангбетту. От селения к селению переходили слова их вождя: «Чужеземцы всегда обманывали нас. Я не хочу

быть чьим бы то ни было рабом, я буду бороться против белых». И деревни мангбетту обносились земляными валами. Жители их отказывались покоряться «лгунам и разбойникам».

Даже на укрепленных станциях бельгийцы не чувствовали себя в безопасности. В 1883 году конголезцы взяли штурмом и уничтожили две станции в нижнем течении реки Конго.

Захватчики были превосходно вооружены, но африканцы использовали против них даже природу своей страны. Они завлекали преследователей в саванну, и когда бельгийцам казалось, что победа на их стороне, над саванной поднималось огненное пламя, от которого не было спасения. Бывали случаи, когда конголезцы известными только им способами привлекали к лагерям своих врагов несметное количество африканских муравьев, обращавших в бегство захватчиков.

По стране двигались отряды карателей. Был брошен девиз: «Лучше пустыня, чем непокоренная земля». И отряды наемников шли по дорогам, выстроенным подневольными конголезцами, оставляя за собой пепелища. Так приобщали «бедных, темных язычников» к «Христовой вере» и «цивилизации».

КАУЧУК И КРОВЬ

1 июля 1885 года жители Бананы, небольшого городка в низовье Конго, наблюдали торжественную церемонию провозглашения «Свободного государства Конго». Судьба конголезцев была предопределена еще раньше, когда дипломаты европейских государств и Северо-американских Соединенных Штатов собрались в 1884 году на конференцию в Берлине, за тысячи километров от Африки. На конференции не было ни одного африканского представителя. И тем не менее здесь решали будущее тридцати миллионов африканцев — таково было число граждан нового государства. Конференция признала права Леопольда на Конго. И очень скоро конголезцы почувствовали его тяжелую руку. Теперь, когда «права» группы бельгийских империалистов на Конго были зафиксированы в международных трактатах, они приступили к планомерной эксплуатации страны.

Конго стало крупнейшим поставщиком слоновой кости и каучука на мировой рынок. На плоскогорье Катанги были обнаружены богатейшие запасы меди, олова, марганца, радия и урана. Однако эти богатства принесли лишь несчастья народу Конго.

Конголезцев нещадно эксплуатировали. Способ для этого был найден очень быстро. В качестве компенсации за «благодеяния» Леопольда II для жителей «Свободного государства» был установлен высокий денежный налог. А так как обитателям лесов и саванн неоткуда было взять деньги, администрация милостиво соглашалась принимать налог в виде отработок.

В Брюсселе время от времени произносили речи о «цивилизаторской» миссии бельгийцев. Здесь, в Конго, звучал суровый язык декретов. Каждый конголезец, гласил один из первых приказов, обязан отработать бесплатно сорок часов в неделю. Скоро это показалось недостаточным, и «норма» была увеличена до 25 дней в месяц.

Миллионы африканцев проводили целые дни в густом сумраке тропического леса в поисках драгоценного сырья. Чем дальше удалялся сборщик в джунгли, тем бóльшим опасностям он подвергался. Сушить и окуривать собранный сок африканцу было некогда. Слой за слоем накладывал он сок прямо на голое тело. Каучуковая смола засыхала, образуя на коже панцирь, губительно действовавший на организм. Но не успевал африканец содрать с себя доставленный таким образом каучук и сдать его надсмотрщику, как он должен был отправляться в дальний путь на новые поиски.

Под вечнозелеными сводами тропических джунглей зазвучал трагический напев людей, обреченных на гибель:

«Для нас лес печален, мрачен и враждебен. Мы не свободные люди, не охотники, не путешественники — мы рабы белых.

Каучук — это смерть!

Белый требует от нас: каучука, каучука! А мы отвечаем, мы отвечаем ему:

— Каучук — это смерть!»

Лес — наша могила. Эта могила всегда открыта и неустанно требует новых жертв.

— Каучук — это смерть!

Чтобы избавиться от непосильного труда, многие африканцы бежали из своих деревень в глубь леса. Но от чиновников и солдат не так-то легко было скрыться. По стране в поисках беглецов рыскали вооруженные банды. Солдаты и полицейские обязаны были демонстрировать в качестве доказательства своего усердия отрубленные правые руки своих жертв. Вскоре этот кровавый «обычай» приобрел широкое распространение: конголезцам рубили руки за невыполнение нормы по сбору каучука, за малейшую попытку сопротивления, просто из садистской забавы.

За несвоевременное возвращение сборщиков каучука из леса носители христианской цивилизации подвергали их жен и детей распятию на кресте.

Принудительный труд применялся не только при сборе каучука. Десятки тысяч конголезцев сгонялись на строительство дорог, в рудники. Привязанность к семье могла помешать «ленивым» африканцам трудиться на хозяев. Вооруженные банды врывались в деревни, отбирали трудоспособных мужчин, а затем поджигали жилища, не позволяя выходить из них женщинам, детям и старикам. «Завербованные» рабочие за горсть бобов или миску каши трудились по 12—14 часов в сутки.

Жизнь конголезца законом не охранялась, бельгийские офицеры упражнялись в меткости стрельбы по живым целям, а губернатор Стенли-Фоллза капитан Ром устроил перед своим домом цветочные клумбы, обрамленные отрубленными головами африканцев.

Так жили граждане «Свободного государства Конго». В 1908 году Леопольд продал Конго своему собственному королевству: возникла колония Бельгийское Конго. «Благодеяния» Леопольда II и его наймитов дорого стоили конголезцам. Население страны быстро сокращалось: за тридцать лет оно уменьшилось более чем в два раза.

„АЛМАЗНАЯ ЛИХОРАДКА“

В 1867 году произошло событие, которому суждено было открыть новую страницу в истории Южной Африки.

Несколько бурских мальчиков играли на берегу реки Оранжевой, вблизи фактории Хоптаун. Они собирали красивые камешки, которые были вынесены рекой во время половодья. Среди прибрежной гальки ярко блеснул на солнце сверкающий камень. Это был довольно большой алмаз. Когда год спустя еще один алмаз был найден на реке Вааль, в Южную Африку прибыл специалист из Лондона. Высказав глубокомысленное предположение, что алмазы принесены издалека в зобах страусов, специалист отбыл обратно в Англию. Но находки продолжались. В 1869 году пастух африканец нашел белый алмаз весом в 83,5 карата (16,7 грамма) и за бесценок продал его. Впоследствии этот камень, названный «Южной звездой», был оценен в 625 тысяч франков. На Оранжевую хлынул поток искателей. Ожила пустыня, где прежде не ступала нога человека. Со всех концов света, с семьями и в одиночку, спешили люди, охваченные «алмазной лихорадкой». По ночам над иссушенной землей поднимался дым костров. Но как только вставало солнце, старатели вновь двигались в путь.

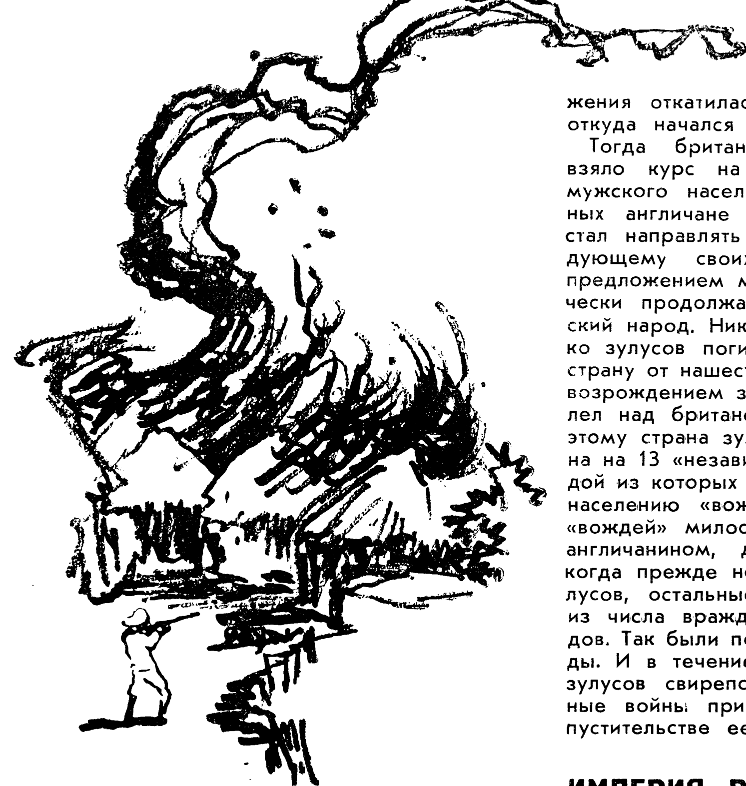
Вскоре к югу от реки Вааль было обнаружено несколько сот месторождений. Шахтные стволы все глубже уходили под землю. А вокруг шахт быстро возникали новые поселки и города. В 1871 году добычей алмазов уже занималось сорок тысяч человек.

Прошло еще несколько лет, и старатели срыли верхний слой земли, богатый алмазами. Нужны были мощные машины, транспортные средства, обслуживающий персонал. На смену одинокому старателю пришли крупные капиталистические компании. Между ними возникла острая конкурентная борьба. Победу одержала «Де Бирс компани», которая и монополизировала добычу алмазов.

Не прошло и полутора десятков лет с начала «алмазной лихорадки», как за рекой Вааль были обнаружены крупные месторождения золота. На Вааль хлынул новый поток искателей наживы. Рядом со столицей одной из бурских республик — Преторией — возник мощный горнопромышленный район. Но «медовый месяц» золотоискателей был еще короче, чем у искателей алмазов. Владельцы могущественной «Де Бирс компани» быстро скупили лучшие золотоносные участки. Богатства недр Южной Африки оказались в монопольном владении небольшой группы английских капиталистов.

Чтобы окончательно утвердить свое господство, британским империалистам нужно было покончить с самостоятельностью бурских республик и захватить земли тех африканских народов, которым, несмотря на двойной натиск колонизаторов, английских и бурских, еще удалось сохранить независимость.

Алмазная «Де Бирс компани», золотая «Голд Филдс компани» и их глава Сесиль Родс стали застрельщиками дальнейшего колониального грабежа.

ВОЙНА ПРИХОДИТ В СТРАНУ ЗУЛУСОВ

Войны, в ходе которых обосновавшиеся на юге Африки колонизаторы расширяли свои владения, собственно говоря, мало напоминали обычные войны. Это было скорее безжалостное истребление африканцев при помощи новейшей военной техники.

После захвата Наталя английские колонизаторы вплотную подошли к реке Тугела, за которой начиналась страна зулусов. 11 декабря 1878 года британские представители предъявили зулусскому вождю Кетчвайо ультиматум. Они требовали роспуска зулусского войска — главного оплота независимости страны, допуска в страну неограниченного числа миссионеров и особого представителя, который обладал бы правом наблюдать за всей деятельностью Кетчвайо. Подобные условия можно было навязать стране лишь после полного военного разгрома. Как и следовало ожидать, британский ультиматум был отвергнут.

В январе 1879 года английские саперы навели переправу через Тугелу. Двадцатитысячная армия, оснащенная дальнобойными орудиями, вступила в страну зулусов, основным оружием которых были короткие ударные копья — ассегаи. Но война развернулась совсем не так, как рассчитывали захватчики. Несмотря на колоссальные потери, зулусские воины добирались до передовых рядов английской пехоты и завязывали рукопашные схватки, в которых они были неотразимы. Вскоре после начала войны английская армия вторжения откатилась к берегу Тугелы, откуда начался ее поход.

Тогда британское командование взяло курс на истребление всего мужского населения страны. Пленных англичане не брали. Кетчвайо стал направлять к английскому командующему своих парламентеров с предложением мира. Но он методически продолжал истреблять зулусский народ. Никто не считал, сколько зулусов погибло, защищая свою страну от нашествия. Но страх перед возрождением зулусской армии довлел над британскими властями. Поэтому страна зулусов была разделена на 13 «независимых» частей, каждой из которых был навязан чуждый населению «вождь». Один из этих «вождей» милостью оккупантов был англичанином, другой — базуто, никогда прежде не живший среди зулусов, остальные были подобраны из числа враждебных Кетчвайо родов. Так были посеяны семена вражды. И в течение трех лет в стране зулусов свирепствовали междоусобные войны при благосклонном попустительстве ее новых хозяев.

ИМПЕРИЯ РОДСА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА СЕВЕР

В 1884 году Германия завладела пустынной и малонаселенной береговой полосой в Юго-Западной Африке. У бурских республик появился возможный союзник. Поэтому Англия поторопилась вбить клин между территориями своих соперников.

— Горький плач бечуанов должен быть услышан немедленно, — заявил британский министр колоний, ближайший соратник Сесиля Родса Д. Чемберлен.

Огромная страна бечуанов, якобы для защиты населения от немцев, была объявлена британским протекторатом. «Услышали» в Лондоне, разумеется, не «плач» бечуанов, а голос могущественной группы дельцов: Родса, Радда, Бейта и других, в чьих руках находились алмазные шахты Кимберли и золотые копи Витватерс-Ранда. Не нищий, пустынный Бечуаналенд привлекал внимание золотых и алмазных королей. К северу от страны бечуанов и бурского Трансвааля, в междуречье Лимпопо и Замбези, протянулись благодатные земли, населенные народами машона и матабеле. На европейских путешественников, побывавших в этой стране, большое впечатление производил не только удивительно мягкий для Африки климат. Они увидели здесь развалины громадных каменных стен и башен, разрушенные каналы, протянувшиеся на десятки километров, и — что самое главное — огромное число заброшенных золотых рудников.

Через Бечуаналенд лежал кратчайший путь из районов, захваченных англичанами на юге материка, к междуречью Лимпопо и Замбези. «Суэцкий канал, ведущий во внутренние области», — так назвал эту дорогу Сесиль Родс. Но немедленно двинуть по этой дороге войска Англия не решалась. Слишком свежи были воспоминания о боях с зулусами. Англичане хорошо знали, что матабеле, родственное зулусам племя, переняло их военную организацию и теперь, после поражения зулусов, имело самую сильную армию в Южной Африке. Пускаться в открытую военную авантюру англичане не хотели, но и медлить было нельзя. Охотников поживиться богатствами междуречья было немало: вождя матабеле Лобенгулу осаждали не только англичане, но и буры, немцы, португальцы.

— Белые люди, — говорил Лобенгула, — приходят, как волки, без разрешения и прокладывают новые пути в мою страну. Сегодня еще сохраняется мир, но я не знаю, что принесет завтрашний день.

В январе 1888 года в столицу Лобенгулы явился Джон Моффат. Миссионер и сын миссионера, он действовал как представитель английского правительства. Моффат сумел склонить вождя матабеле к подписанию договора о «дружбе», который включал страну матабеле и машона в «сферу английского влияния».

А затем для получения концессии на разработку недр междуречья в резиденцию вождя, Булавайо, прибыл ближайший сподвижник Родса — Радд. Лобенгуле пообещали, что поиски золота будут вести не более десяти человек, которые должны подчиняться всем законам его страны.

Но эти важные положения не были включены в договор, хотя подкупленный агентами Родса переводчик заверил Лобенгулу, что в тексте договора содержится все, о чем было сказано. Зато в договоре оказались пункты, о которых Лобенгула не имел никакого представления.

Перед тем как поставить крест, Лобенгула еще раз спросил, правильно ли ему разъяснены условия договора.

— Мы даем тебе оружие! — воскликнул один из англичан. — Кто же станет давать человеку оружие, если опасается, что оно будет использовано против дающего?

Никто, конечно, не сказал вождю матабеле, что ему сбывают ружья старой системы, которые в Европе использовались в качестве железного лома.

Как только подпись Лобенгулы была получена, все заверения были забыты. И соглашение о концессии стали изображать как право на управление страной, якобы данное Родсу вождем матабеле.

Слухи об этом дошли до матабеле. И Лобенгула попытался найти справедливость. Он решил отправить в далекий Лондон к «белой королеве», о могуществе которой ему столько говорили посланцы Родса, двух самых доверенных приближенных — индуна, пользовавшихся уважением соплеменников.

Но к пожеланиям Лобенгулы в Лондоне отнеслись скептически. Лишь одна его просьба была «выполнена»: Лобенгула просил королеву прислать ему честного человека, чтобы разорвать хитросплетения той сети, которую плели Родс и его компаньоны. Можно представить себе удивление Лобенгулы, когда через несколько месяцев в Булавайо в качестве посланца королевы прибыл Джон Моффат, тот самый, кто положил начало обману.

Летом 1890 года в междуречье вошла «колонна пионеров». Это была не скромная группа мирных старателей, пришедших искать золото. Экспедиция скорее напоминала авангард армии. Тщательно отобранным авантюристам были обещаны за участие в походе немалые деньги и золотоносные земли в чужой стране. Их сопровождали 500 солдат и офицеров, поступивших на службу компании. Экспедиция обогнула с юга и востока земли матабеле — наиболее сильного из двух племен, населявших междуречье, и проникла в страну машона. Здесь англичане построили несколько фортов.

— Если, по вашим словам, я отдал вам всю страну, — говорил возмущенный Лобенгула англичанам, — почему же вы крадетесь, как воры, если она действительно принадлежит вам, зачем вам нужно ее красть?

За первой колонной вскоре последовала вторая. Авантюристы рвали друг у друга из рук участки, казавшиеся им золотоносными. Они грабили окрестное население, жгли селения, убивали людей машона.

Но междуречье на поверку оказалось не тем сказочно богатым Эльдорадо, каким расписывали его подкупленные Родсом газеты. Крупных месторождений золота найти здесь не удалось; компания несла большие убытки.

И тогда ее руководители решили: чтобы поправить дела, родсовская компания должна стать единственным хозяином междуречья, завладеть землей и скотом африканцев. А для этого нужна была война.

И вот началась серия провокаций против Лобенгулы. Вождь матабеле с каждым днем все яснее видел, насколько коварны и бесчестны люди, недавно убеждавшие его в своей дружбе. Но он понимал, что силы неравны, и всячески оттягивал конфликт.

В августе 1893 года он продиктовал письмо «белой королеве», которая, как он помнил, обещала дружбу его посланцам:

«Люди компании сказали моим людям, что белые купили эту страну и людей, которые там живут. Ваше величество, я хочу узнать у вас: разве можно купить народ за какую бы то ни было цену?»

Когда через два с половиной месяца английский корабль привез письмо в Лондон, на Замбези уже шла война. Булавайо горел, а отряды компании преследовали остатки войска матабеле.

Смело боролись матабеле с поработителями. Но в этой войне англичане впервые применили новинку европейской военной техники — пулемет «максим». Не помогла матабеле их прекрасная военная организация; шеренги атакующих пали, как скошенный маис.

Покорив междуречье, британские колонизаторы на весь мир прокричали, что они освободили трудолюбивых и мирных машона от «кровавой тирании» матабеле. На деле они очень быстро и решительно стали «освобождать» и тех и других от земли и скота.

Принудительный труд и телесные наказания — таковы были самые первые блага «цивилизации», с которыми познакомились народы междуречья. Сравнивая недавнее прошлое с владычеством чужеземцев, африканцы говорили:

— У нас отобрали родину, у нас отобрали скот, народ наш скитается, нам нечем жить: мы стали рабами белого человека.

Но не прошло и трех лет с того дня, когда войска компании вступили в Булавайо, как все междуречье было охвачено восстанием: «освобожденные» машона выступили вместе со своими «угнетателями» матабеле против английских «освободителей». И лишь после того как реки пролитой крови вновь захлестнули страну, родсовская компания смогла приступить к эксплуатации земель матабеле и машона, получивших новое наименование — Родезия — в честь Сесиля Родса, кумира британских империалистов.

В наши дни на древней земле матабеле и машона продолжается борьба против английских колонизаторов.

* * *

Африка рвет цепи колониального рабства. Недалек день, когда с карты громадного континента будет стерто последнее клеймо. Но никогда африканские народы не забудут своего трагического прошлого, не забудут кровавой эпохи владычества «цивилизованных» варваров.

Ухуру! Ухуру!

Этот снимок сделан в Республике Конго в те дни, когда конголезский народ торжественно отмечал великое событие в истории своей многострадальной родины — провозглашение независимости. Радостью и счастьем сияют глаза тысяч конголезцев — вот она, долгожданная свобода!

Но недолго народ Конго чувствовал себя хозяином своей судьбы — право покончить с нищетой нужно завоевывать у колонизаторов с боем. Если Африку называют «пирогом», который в свое время поделили между собой колониалисты, то богатства Конго — лучший кусок этого «пирога». И международный империализм предпринял все для того, чтобы он оставался в его алчных руках, чтобы по-прежнему в порты Европы и Америки отгружались урановая руда, медь, кобальт, золото, алмазы и другие сокровища страны. Бельгийская интервенция, заговор Касавубу, мятеж Мобуту — вот звенья той цепи, которой вновь пытались сковать конголезский народ.

Однако конголезцы едины в своем стремлении навсегда покончить с колониализмом. «Ухуру! Ухуру!» («Свобода! Свобода!») — этот клич несется над Конго. Он слышен во всем мире, и не за горами день, когда слово «ухуру» станет праздничным лозунгом победившего народа.

ГЕОЛОГИ НАЗЫВАЮТ АДРЕСА

Рисунки П. ПАВЛОВА

ПУТИ, ОТКРЫТЫЕ В ЗАВТРА

1

Есть такая замечательная профессия — «экономист-плановик». Это кудесник сегодняшнего и завтрашнего дня. С полной ответственностью он может «предсказать» будущее города, или района, или целого края. И главные помощники этого кудесника — геологи.

Где вырастут новые рудники, шахты, промыслы? Куда отправятся новые эшелоны добровольцев-строителей? Какие проекты предложат изыскатели дорог и речных трасс? Обратитесь к геологам — они первыми называют адреса будущих индустриальных районов. От находок геологов прямые нити тянутся ко многим важным отраслям промышленности.

Многие новые города, возникшие на карте нашей Родины, были «предсказаны» в свое время геологами: Магнитогорск и Ишимбай, Райчихинск и Караганда, Джезказган и Междуреченск, Воркута и Норильск...

2

Дарваза и Зеагли... Это не названия городов. Это бугры посреди «черных песков» — Кара-Кумов. Еще тридцать лет назад эти туркменские названия стали широко известны в стране. Первые советские геологические экспедиции в центральные Кара-Кумы принесли им популярность: у бугров нашли запасы серы. Об этой находке, о строительстве и буднях серного завода писали в своих книгах академик А. Ферсман и писатель М. Лоскутов. В их книгах звучал пафос покорения пустыни, реабилитированной поисковиками. Именно геологи зачеркнули перед словом «пустыня» постоянный, почти всегда сопровождавший это понятие эпитет — «бесплодная».

И все-таки в те годы виднейшие наши геологи — даже такие, как Ферсман, — не могли сказать, какие богатства, рожденные в недрах пустыни, откроют перспективу промышленного будущего этого края. Сказано это было только полтора года назад. И теперь по-новому звучат старинные туркменские названия «серных бугров», которые дали имя крупному месторождению природных газов — Зеаглинско-Дарвазинскому.

Летом 1959 года из скважины, пробуренной геологами-поисковиками, забил мощный газовый фонтан. Пять тысяч кубометров в сутки! Двести подобных скважин — и газа хватило бы на то, чтобы прокормить дешевым топливом большой промышленный город.

Будет экономистам работа. Раз промыслы — значит надо подумать о строительстве хорошей дороги от Ашхабада, значит надо искать решение проблемы водоснабжения, значит дойдет очередь до изыскания трассы газопровода. И для всего этого потребуются и средства, и техника, и кадры. А началось все с открытия геологов.

Дарваза и Зеагли... Бугры посреди «черных песков». Кто знает, может быть, это и названия будущих городов на туркменской земле.

Запасливый хозяин наш народ: он должен знать все, что хранится в подвалах его дома. По всей стране идет инвентаризация подземных кладовых.

Геологи наносят на карту все новые и новые месторождения ценных ископаемых, подсчитывают их запасы и передают в фонд будущего индустриального развития. Одни подземные склады пока держат в резерве; ключи от других сразу же передают строителям рудников, шахт и промыслов.

Каким краям пророчат геологи интересное будущее?

Средней Азии. Исследования последних лет говорят о том, что Средняя Азия — богатая нефтегазоносная область. Рядом с ветеранами газо-нефтяной промышленности этого края — Западной Туркменией и Ферганой — уже встают новобранцы — Газли, потом Дарваза и Зеагли (окрещенные уже «Вторым Газли»). Благоприятные результаты дает разведка на нефть и газ в других районах Туркмении и Узбекистана.

Несколько лет назад под Харьковом и Полтавой забили золотые фонтаны нефти. Шебелинское месторождение уже снабжает газом металлургические и химические гиганты Харькова и Днепропетровска. В гоголевских местах, близ Диканьки, геологи ищут большую нефть.

3

...Колоссальные запасы разнообразных полезных ископаемых «приготовили» разведчики недр в Восточной Сибири. Мы приступаем к разработке гигантских сибирских кладовых железной руды и многих других металлов. Все больше и больше промышленных оазисов будет возникать на севере и в центре Восточной Сибири. Скоро к золотым и слюдяным рудникам Бодайбо, к алмазным разработкам центральной Якутии прибавятся газовые промыслы на Вилюе.

А южная часть восточносибирского края — уже сейчас арена грандиозных строек. Здесь прокладывают новые железные дороги по направлениям, подсказанным геологами. Здесь строят рудники, горнообогатительные комбинаты, алюминиевый завод, угольные карьеры.

Недалек тот год, когда мощные экскаваторы вскроют кладовые самых крупных в мире угольных бассейнов — Тунгусского и Ленского, хранящих в себе чуть ли не втрое больше каменного угля, чем недра Соединенных Штатов Америки.

4

Геологи детально исследуют и старые, уже освоенные районы добычи угля, нефти, газа, цветных металлов. Это очень важная для народного хозяйства работа.

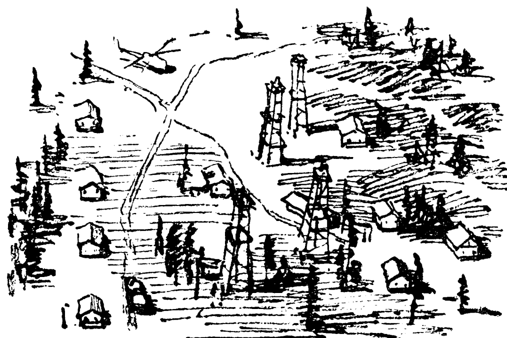
В Донбассе геологи искали... уголь. И — нашли. Еще пятнадцать лет назад считалось, что запасы угля в Донецком бассейне составляют 90 миллиардов тонн. А сейчас рядом с черным кубиком, расположенным на привычном месте карты, пишется цифра: 650 миллиардов.

Комсомол взял шефство над строительством новых шахт Донбасса. В разных городах страны проводили эшелоны молодых добровольцев, уехавших на стройки старого и вновь помолодевшего горняцкого края.

Новую молодость принесли исследования геологов и другому крупнейшему угольному бассейну страны — Кузнецкому (запасы угля в нем увеличены вдвое) и старинному рудному краю — Забайкалью.

Трудом геологов установлено, что казахстанские недра хранят медной руды значительно больше, чем предполагалось восемнадцать лет назад. Геологи сказали: можно расширять предприятия по добыче, обогащению руды и выплавке меди.

Донбасс, Кузбасс, Джезказган — это старые адреса, новый смысл придали им геологи.

5

Раньше зачастую случалось так, что месторождения полезных ископаемых геологи открывали неожиданно для себя. В наши дни «нечаянное открытие» — большая редкость. Геологи-поисковики приходят на новые места, заранее зная, что́ могут они найти в недрах.

Поисковикам помогают ученые-геологи, палеонтологи, физики, химики, геохимики, минералоги. Сопоставляя данные о глубинных породах со сведениями о происхождении полезных ископаемых, они делают научные прогнозы, которыми и руководствуются разведчики-поисковики. Ученые называют геологам районы вероятного обнаружения полезных ископаемых. Это тоже адреса будущих промышленных центров — правда, несколько общие адреса. Вот некоторые из них.

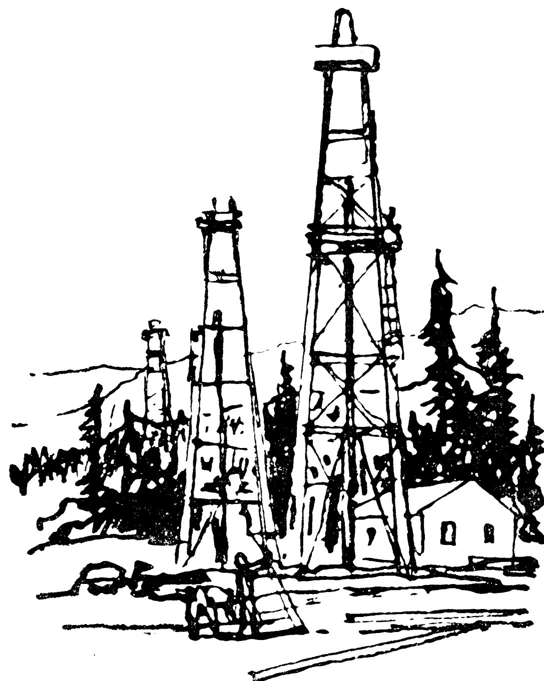
Западно-Сибирская низменность. Здесь, по предположению, должны быть запасы нефти и газа, калийных солей, серы, каменного угля.

Прикаспийские районы — Эмба, Мангышлак, Устюрт. Здесь должны быть нефть и разные руды.

...Советские геологи доказали, что на территории нашей страны, составляющей шестую часть земной суши, сосредоточено почти две трети мировых минеральных богатств. Это не только свидетельство щедрости нашей природы, но и показатель заслуг советских геологов перед народом.

А каждый год несет с собой все новые и новые значительные открытия. Работа геологов неразрывно связана с нашими хозяйственными планами, в которых мы видим яркую картину завтрашнего дня. В завтра устремлены все помыслы и труды славных геологов нашей Родины.

В. СИМАКСВ

МОРЕ ПРИШЛО в ХОДЕЙДУ

А. ГОРБУНОВ

Фото автора

«Счастливая Аравия» — так называли древние греки эту страну, расположенную на юго-западе Аравийского полуострова. Караваны, груженные индийскими товарами, шли через Йемен к странам Средиземноморья. В Йемене останавливались тысячи паломников, направлявшихся в Мекку и Медину — священные места мусульман.

К этой богатой стране издавна тянулись руки завоевателей. Но всякий раз йеменский народ давал отпор поработителям.

Английские колонизаторы до сих пор тешат себя надеждами поставить на колени этот свободолюбивый народ. Они отторгли от Йемена область Аден, острова Перим и Камаран. А три года назад британские войска ворвались в юго-восточные районы страны.

Опустошительные войны истощили экономику государства. И этим пытались воспользоваться империалисты. Однако Йемен отверг «доктрину Эйзенхауэра», отказался от американской «помощи». «Я своими руками разорву ваши договоры, закопаю в землю и затопчу ногами», — сказал правитель страны имам Ахмед, когда империалисты пытались втянуть Йемен в экономическую кабалу.

Иное дело — бескорыстная помощь Советского Союза. Советские суда доставляют в Йемен промышленное оборудование, сельскохозяйственные машины, строительные материалы. Сейчас йеменский народ с помощью советских специалистов заканчивает строительство первоклассного морского порта в Ходейде.

О том, как сооружаются морские ворота Йемена, и рассказывает один из участников стройки — техник А. Горбунов.

Самым жарким из влажных мест в мире и самым влажным из жарких называют йеменцы район Тихамы. Температура воздуха доходит здесь до 60 градусов, а влажность иногда составляет 95 процентов. В этой прибрежной полосе лежит город Ходейда.

Ходейда необычайно красив. Величественные здания мечетей, богато украшенные каменной резьбой, тонкие, устремленные ввысь минареты четко вырисовываются на фоне темно-синего неба и кажутся сказочным видением. Ослепительно белые дома на центральных улицах сменяются на окраинах соломенными хижинами, покрытыми сверху пальмовыми листьями. В них живут рабочие, рыбаки, ремесленники.

Самое многолюдное и оживленное место в городе — базар. Здесь торгуют почти круглые сутки. На прилавках — горы фруктов и гончарные изделия, сладости

и ткани, посуда и свежевыпеченный хлеб, сверкающие камни Джебельских гор и жемчуг, который добывают близ Лохея. Женщины, сидя на земле, жарят в масле саранчу. Всюду снуют ослики с бидонами. Для зажиточного населения Ходейды воду доставляют с гор. Простой люд пьет солоноватую воду из местных колодцев. Целый день скрипит деревянный ролик — у колодца никогда не бывает безлюдно.

Там, где есть вода, можно увидеть финиковые пальмы. Чудесная пальмовая роща поднялась у родника в семи километрах от Ходейды. Люди терпеливо выращивают и бережно хранят эти зеленые островки.

В энциклопедиях и справочниках Ходейда значится как порт. В действительности город стоит на берегу мелководной лагуны, входить в которую могут лишь небольшие арабские парусники — самбуки. Пристаней здесь не было, и портовые рабочие переносили грузы на спине, шагая прямо по воде.

Современный морской порт — вот в чем прежде всего нуждается страна, развивающая свою национальную экономику.

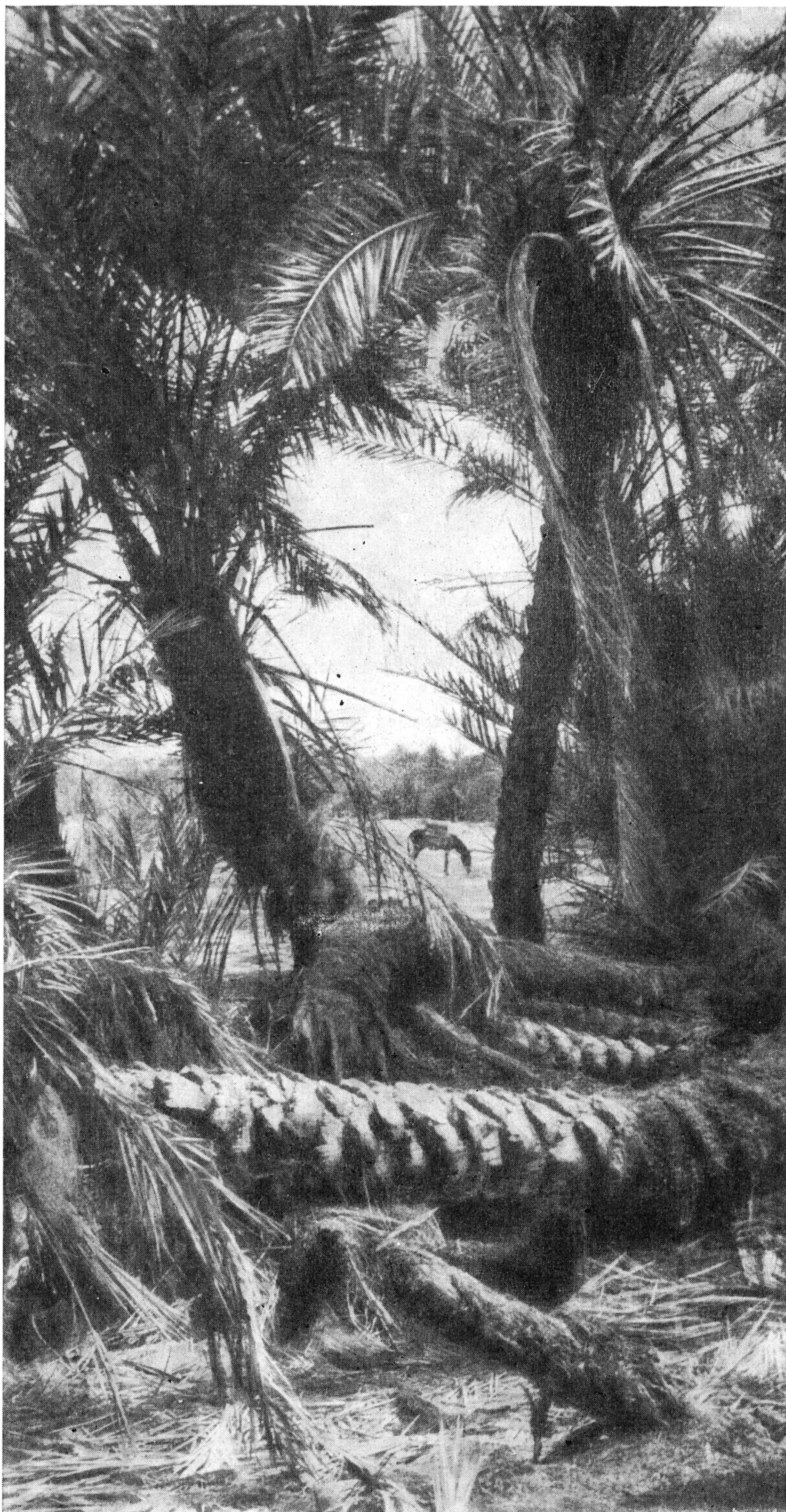
Наши инженеры предложили построить порт не у оконечности косы Рас-эль-Катиб, как это советовали йеменцам западные специалисты, а в глубине лагуны, неподалеку от города. Море по этому проекту «подойдет» к порту по девятикилометровому глубоководному каналу. Правительство Йемена одобрило советский проект, и в марте 1958 года начались работы.

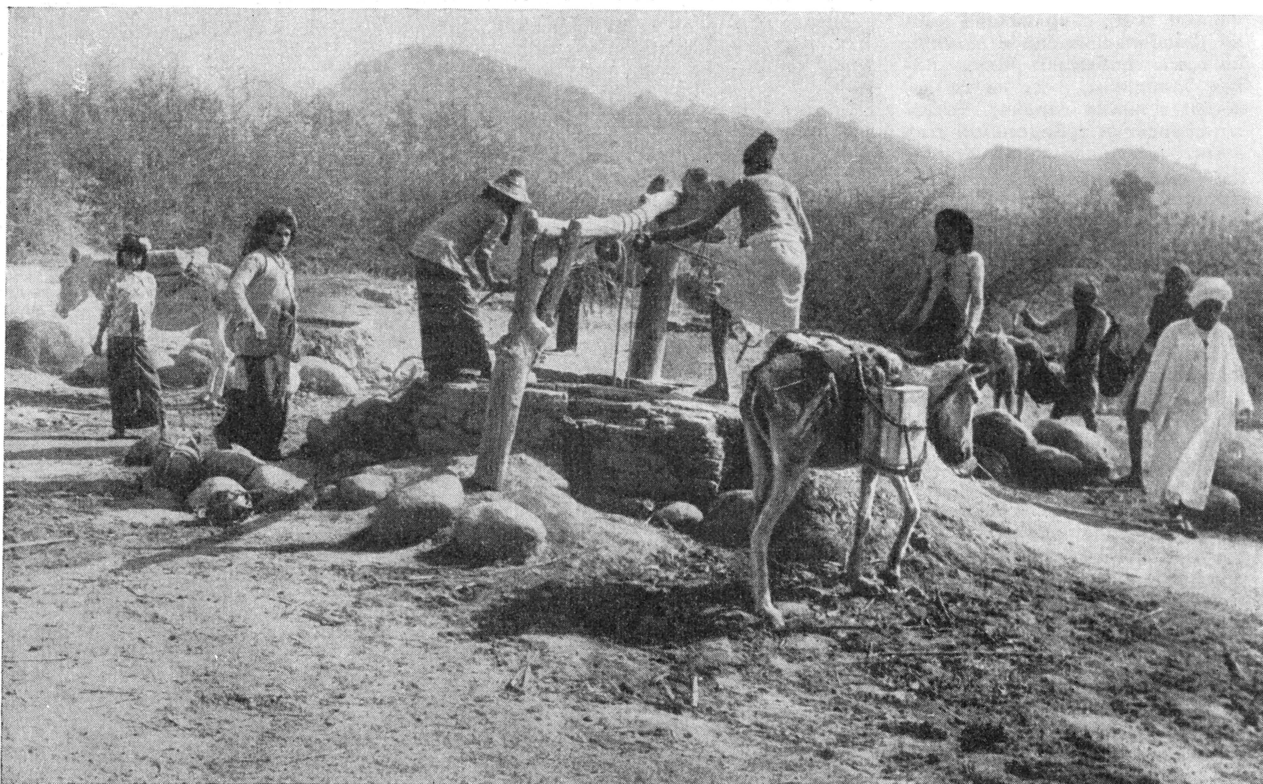
В Ходейду прибыла наша мощная техника: экскаваторы, бульдозеры, подъемные краны, землесосный снаряд и землечерпальный караван «Кубань».

Условия для работы строителей в засушливой Ходейде не легкие. В воде рабочих поджидают порой неожиданности. Водолазы, например, вынуждены то и дело отбиваться от акул. Однажды строители канала решили установить на песчаном островке в лагуне вешки, отмечающие фарватер. Однако не успели они высадиться на островке, как им пришлось поспешно обратиться в бегство: их атаковали полчища змей.

И все же работа идет споро. У всех одно желание — быстрее закончить строительство порта.

Рабочего дня не хватает — йеменцы хотят побыстрее овла-

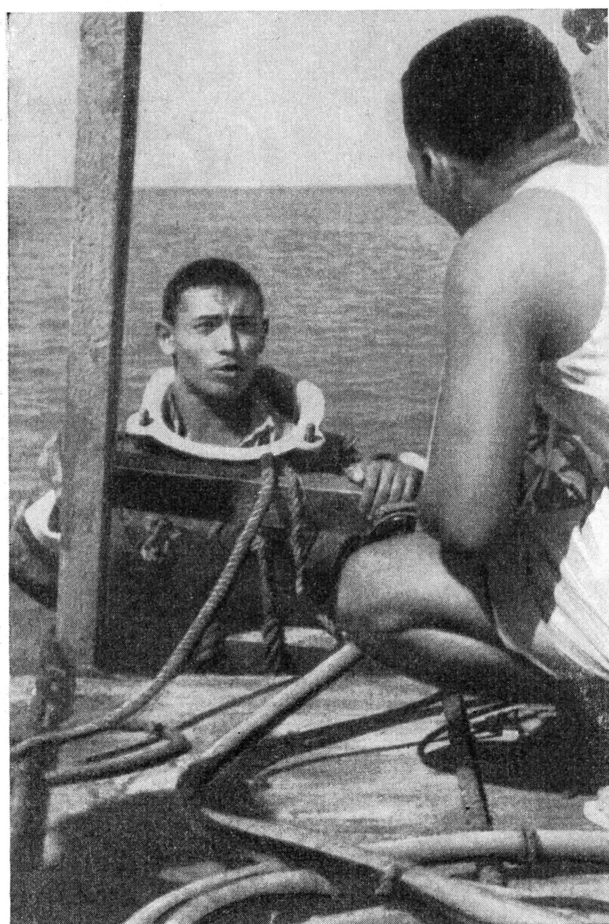

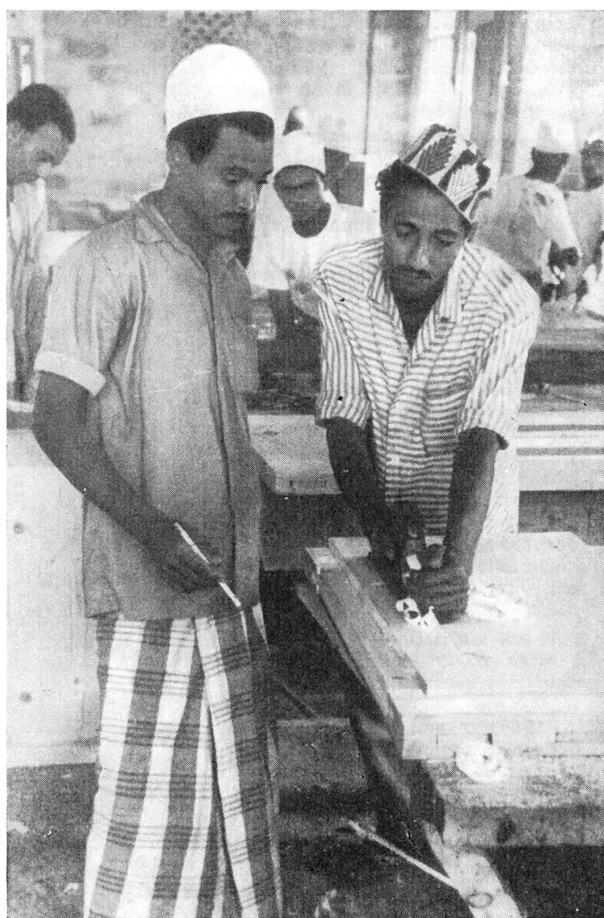

деть одной из профессий. Мухаммед Омар, которого вы видите на этом снимке, решил стать водолазом. Другим больше нравится столярное дело.

Мастер Виктор Орешкин передал свой опыт многим ученикам. Сейчас они умело хозяйничают в столярной мастерской. Когда Орешкин уезжал на Родину, арабы устроили ему трогательные проводы. Один из рабочих сказал: «Учитель, знай, память о тебе навсегда останется в наших сердцах. Ты уезжаешь, но имя твое остается: своего сына я назвал Виктором».

5 мая 1960 года к только что отстроенному при-

чалу пришвартовался первый йеменский пароход «Эль-Моиз». Этот день стал праздником для строителей и жителей Ходейды.

Сейчас строительство порта подходит к концу. Оделась в бетон причальная стенка длиной в 450 метров, закончено строительство электростанции и водопровода, который обеспечит пресной водой не только порт, но и прибывающие суда. Крытые склады общей площадью свыше 11 тысяч квадратных метров, нефтяная база, здание таможни и портовой администрации, поселок с гостиницей, мастерские — трудно теперь представить себе, что этого не было здесь всего лишь два года назад.

Пройдет еще немного времени, и морские ворота Йемена гостеприимно распахнутся навстречу судам многих стран мира.

Ходейда, декабрь 1960 г.

В. ДРУЖИНИН

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ГАБО ИЗ ПЛЕМЕНИ ИССА

„МОСЬЕ, КУПИТЕ СУВЕНИР!"

Я увидел его у ворот базара в Джибути — пыльного сомалийского базара, где торговали бараниной, французской картошкой, мадагаскарскими бананами и ананасами.

Габо держал в правой руке длинное копье, в левой — круглый щит из кожи носорога, украшенный круглыми металлическими бляшками. Белая холщовая ткань обвивала бедра Габо и, закинутая за спину, оставляла открытым черное костлявое плечо. Он выглядел очень картинно, этот воин, высокий, сверкающий белками глаз.

— Мосье, — обратился он ко мне и звякнул оружием, — купите сувенир!

Мы разговорились. Родом он из племени исса. Мулла назвал его Хайдаром. Хайдар, сын Гаруна... Дальше следуют наименования рода, семьи — словом, полное имя. А Габо значит — «Короткий». Так назвали его родители, чтобы он вырос высоким и стройным — обычная уловка, якобы сбивающая с толку злых духов.

Если бы не худоба, Габо выглядел бы совсем молодцом. Черты лица у него, как и у большинства его соплеменников, тонкие. Грифельно-темная кожа, прямой нос, высокий лоб. Волосы не курчавые, а гладкие, блестящие. Габо погасил их природную черноту известью, сделал рыжеватыми, из чего можно заключить, что он франт.

Родился Габо в семье кочевника. Рос крепким ребенком, ничем не болел, если не считать желтухи. Колдун обтер его тело внутренностями козла, и Габо вскоре поправился. Восьми лет он уже помогал матери складывать шатер и навьючивать на верблюда, когда кочевка снималась с места.

Вероятно, Габо и сейчас бродил бы со стадом, если бы не холера. Тут уж не помогли внутренности козла — болезнь пришла в родовые шатры и убила почти всех. Габо лишился отца, матери, братьев. Через год он прирезал барашков, чтобы справить поминки, и ушел на берег моря, к рыбакам. Ему не повезло. Хотя в ту осень у воды закололи черного быка и кровь его спустили в море, злые духи не насытились, захотели человеческих жертв. Они разбили парусник, на котором плавал Габо, и сам он едва спасся.

Габо покинул родную землю — работал грузчиком в Марселе, там научился французскому языку. Во Франции он служил также в ночном кафе — мыл посуду, а иногда исполнял на эстраде сомалийский танец с копьем.

— Хозяин кафе обманывал меня, не доплачивал. Я не знал этого, потому что плохо умел считать...

Габо умолк. К нам не торопясь шагал полицейский в широкополой шляпе, с резиновой дубинкой на поясе и хлыстом. Моя беседа с Габо вызвала

у него подозрение: о чем может белый иностранец так долго разговаривать с черным?

— Купите сувенир, мосье, — громко произнес Габо. — Я прошу недорого. — И, оглянувшись на полицейского, тихо прибавил, что доскажет свою историю в другой раз, если уж мосье так хочется ее узнать.

ВСТРЕЧА У „ЦИНКОВОЙ ПАЛЬМЫ"

Солнце приближалось к зениту. В это время Джибути — один из самых жарких городов мира — засыпает на четыре часа, разметавшись на желтом берегу залива Таджура.

Я иду по узкой улице к центру города — к площади Менелика. Невысокие, в два этажа дома замыкают четырехугольник разогретого асфальта. Обойти его можно, почти не выходя из тени сводчатых галерей. Здесь лучшие магазины города, гостиница, кафе, бар.

Хозяева лавок, чиновники спасаются от жары в своих квартирах — за узкими окнами, прикрытыми циновками или ставнями. Иногда вместо окна — лепная узорчатая решетка, пропускающая воздух и защищающая от солнца. Здесь боятся солнца, прячутся от его жестоких лучей. В комнатах полутемно, состоятельный горожанин проводит день на тахте, возле которой стоит узкогорлый кувшин с ледяной водой. Однако и здесь термометр показывает 38 градусов.

В киоске на углу я покупаю местную газету. Теперь бы посидеть! «Бар у цинковой пальмы», — зовет надпись. Столики расставлены на тротуаре, под навесом. Официант сомалиец разносит кока-колу, апельсиновый и манговый соки.

Что же нового в Джибути? «Прощальный аперитив», — сообщает газета. Командир французских воздушных сил на сомалийском берегу выходит в отставку, он прощается с офицерами в своей загородной вилле.

Программа местного радио — с утра чтение корана, затем легкая музыка и опять коран.

Реклама: пользуйтесь авиацией! Новые, комфортабельные реактивные самолеты совершают регулярные рейсы между Джибути и Парижем.

Газетка печатается для купцов, для военных и чиновников. Мой знакомый сомалиец, Габо из племени исса, не читает ее. Она ему не нужна. О нем и людях его племени в газетке ни слова, как будто их и нет на свете.

— Смешно, не правда ли?!

Против меня сел краснолицый человек. Он снял с головы каскетку — желтую, с длинным козырьком, вроде тех, что носят жокеи на парижском ипподроме — и провел ладонью по редким мокрым волосам. Я не мог понять, что рассмешило его.

— Смешно! — повторил он мрачно. — Где пальма? Одно название!

Ах, вот он о чем... В самом деле, куда же делась цинковая пальма, давшая имя этому бару?

— Говорят, она торчала тут когда-то... Цинковая пальма, за неимением живой. Что поделаешь, такая уж тут землица, забытая богом. Вы тоже воображали, верно, что тут, в Африке, рай земной? А пальма-то цинковая! Да и той нет.

— Вы из Франции? — спросил я.

— Да. Из Парижа.

И он с наслаждением затараторил о Париже, о каштанах в сахаре, о прохладе Булонского леса, о театрах. Литература? О, он в курсе новинок, ему посылают их из Парижа. Ведь тут, в этом проклятом городке, нет ни одного книжного магазина...

— Вы видели сомалийцев? Дикари, самые настоящие дикари! Сплошь неграмотные... И заметьте: они сами виноваты. Да, уверяю вас. Лентяи, каких мало! Ах, я еще не представился. Мерсье, Адольф Мерсье, коммерсант.

Полюбуйтесь, один из них стоит возле рынка. Продает доспехи, вместо того чтобы работать.

«Габо из племени исса», — подумал я.

— Но ведь в порту, на вокзале, не хватает работы для всех.

— Так пас бы стада, — изрек господин Мерсье. — Правда, цена на кожи мизерная. Биржа диктует. Для чего сюда приезжают европейцы? Развлекаться? Как бы не так — делать деньги! Но разве мы тут живем? Мы изнываем!..

Расстроившись, господин Мерсье вытянул почти до дна коричневую жидкость и перевел дух.

— Интересного тут ничего нет, — повторил он. — Грязь, дикость, только и всего. Я-то знаю сомалийцев. Я скупаю у них кожи. Их ничто не интересует. Редкий негритенок ходит в школу. Лечатся у колдунов. Есть болезнь солнца — по-нашему солнечный удар, болезнь луны — лихорадка, болезнь радуги — желтуха. Вот и вся их медицина. Больного желтухой обтирают внутренностями козла.

Я уже знаю это. Так лечили Габо из племени исса: в Сомали больницы, так же как и школы, только для белых.

— Возделывать землю их не заставишь. Кочуют, охотятся...

«Но ведь мотыгой пустыню не одолеть, нужно орошение», — хотел было возразить я господину Мерсье, но он уже отставил стакан и встал.

— Все-таки следовало бы поставить новую цинковую пальму. Как-никак еще немного тени... А впрочем, мне-то наплевать. Еще год промаюсь, а потом домой. От черных всего можно ждать... Мир сошел с ума, нет уверенности ни в чем!

Он двинулся прочь тяжелой походкой, поправляя на голове свою жокейскую каскетку — нелепую желтую каскетку с обезьянами и фигурками купальщиц...

В КВАРТАЛЕ „ЧЕРНЫХ"

Уже смеркалось, когда я вошел в тесную улочку — немощеную, душную от запахов нищеты.

Здесь квартал «черных». Потрескавшиеся, облупившиеся дома — кирпичные и саманные. Хижины, сколоченные из досок. Двери раскрыты настежь. Внутри тусклая лампочка или керосиновый фонарь освещают убогую утварь. Жестяная банка с проволочной дужкой — это ведро, в котором носят воду из колодца. «Эхэйре» — ручная крупорушка для перетирания жестких зерен дурры.

Хозяева этих домов и хижин — большей частью арабы. Сомалийцы и данакиль — пришельцы в городе. Они приходят сюда в поисках заработка и платят за кров, а иногда за угол во дворе под открытым небом. С кочевок приносят они и «эхэйре», и грубые плетеные корзины, и козьи шкуры, служащие им постелью.

Неясный шум привлек мое внимание. На пустыре, на мешках, разбросанных по земле, сидели негры. Один держал на коленях дощечку и выколачивал на ней дробь костяшками пальцев. Над черными телами, как свечка, возвышалось копье с острым мерцающим клинком. Я увидел Габо. Он узнал меня и кивнул, приглашая сесть рядом.

Негр, отбивавший дробь, вдруг запел. Он пел негромко, высоким печальным голосом.

Негры слушали песню и смотрели на меня: Габо, очевидно, уже рассказал им о нашей встрече.

Певец умолк, и в круг вошел Габо. Он улыбнулся мне, подбросил копье и ловко поймал на лету. Вновь раздалась дробь — на этот раз быстрая, яростная. И Габо пошел по кругу, сверкая копьем, кружась и подпрыгивая.

Очень скоро я понял, что Габо исполнял «Танец охотника». Он преследовал зверя. Габо двигался тихо, плавно, стараясь не выдать себя, не спугнуть добычу. Мускулы его напряглись, он стал как будто выше, шире в плечах.

Пустырь, стиснутый безглазыми стенами, исчез — я увидел равнину, поросшую кустарником. Охотник осторожно раздвигает ветви, прислушивается. Он выследил зверя. Жало копья нащупывает цель... Бросок! Копье остается в руке Габо, но я вижу, как оно летит, и слышу его свист...

Танец этот создавали поколения отважных охотников, которые настигали копьями кабанов, диких ослов, антилоп и львов. Верно, и сам Габо не раз приносил в свой шатер тушу бейзы — антилопы с рогами тридцатипятидюймовой длины. Бил он, наверно, и куду, антилопу с винтообразными рогами, и небольшую газель с блестящей шкуркой.

Габо пляшет. Поразительно, как преображает его мужественная пляска! Передо мной — сказочный богатырь. Плоские крыши черного квартала словно погрузились в землю — они по пояс великану Габо. А копье его достает до звезды...

Чары вдруг исчезли. На пустырь вбежал щуплый юноша в клетчатой рубашке и трусах и крикнул что-то. Габо прервал танец, негры зашумели и поднялись.

На вокзал прибыл поезд с грузом — возможно, будет работа. Габо попрощался со мной. Он все-таки досказал мне повесть своей жизни — только не словами, а языком танца, блеском своего боевого копья.

Рядом со мной остался старик в черной тюбетейке и в полотняном халате арабского покроя. Он выплюнул окурок сигареты и повернулся ко мне.

— Габо — славный парень, — сказал старик, помолчав. — Ему пора жениться. Но у него нет ничего: ни дома, ни денег. Мы плохо живем...

Оживившись, старик стал загибать пальцы. Сейчас три Сомали: французское, итальянское и английское. Но в конце концов они объединятся.

— Одним пальцем лицо не умоешь, — молвил он, усмехнувшись, и сложил пальцы.

...Я был в Джибути весной 1960 года, а спустя несколько месяцев возникло независимое государство Сомали. В него вошли пока два Сомали — английское и итальянское.

«Привет тебе, Габо! — хочется крикнуть мне. — Быть может, я еще увижу тебя. В Джибути, на свободной земле».

НИЩЕТА „БОГАТОГО ПОРТА“

Истощенное болезнью и постоянным недоеданием лицо матери, испуганные, не по-детски грустные глаза ребятишек...

Это пуэрториканцы. «Богатым портом» назвали испанцы их родину — остров в Вест-Индии. Здесь растут сахарный тростник и табак, ананасы и апельсины, кофе и бананы. Недра острова хранят марганец, медь, никель, ртуть, серебро, платину.

Но богатства Пуэрто-Рико не принадлежат народу. Вот уже свыше шестидесяти лет хозяйничают здесь американские колониалисты. На острове им принадлежит 80 процентов земли, которую они отняли у местных крестьян. Лишь немногие пуэрториканцы имеют крошечные участки, а остальным приходится гнуть спину на плантаторов и капиталистов.

Сельское хозяйство острова — монокультурное. Владельцам плантаций выгодно выращивать прежде всего сахарный тростник, идущий на экспорт. Поэтому основные продовольственные культуры не возделываются. Продовольствие сюда ввозится из-за границы, хотя жители Пуэрто-Рико легко могли бы прокормить себя сами.

Заработная плата рабочего-пуэрториканца во много раз ниже заработной платы рабочего в США. Богатства, созданные руками народа Пуэрто-Рико, оседают в сейфах американских компаний и банков. Монополисты США освобождены на острове даже от уплаты налогов. Это для них построены здесь белоснежные здания контор, особняков и отелей. Кажется, пропасть отделяет «деловой квартал» от нищенских конурок, в которых ютятся простые труженики «богатого порта».

СТРАНА

АЛЬБЕРТ ПИН

В ОКОВАХ

...Душно в набитом людьми корабельном трюме. Бисер пота покрыл темные лица. Даже песня и та задыхается, звучит прерывисто, глухо. О чем она? О матери, которая осталась теперь одна в родной деревне? О братьях, что погибли в рудниках? Или, быть может, эти мускулистые парни поют о смерти, поджидающей их там, на острове Сан-Томе?

Бурлит вода за кормой, легко режет волны теплоход. Далеко позади осталась родная земля — богатая и несчастная Ангола...

Почти пять веков назад высадились на анголезском берегу португальские завоеватели. Они обнаружили обширное и процветающее негритянское государство. Площадь его была раз в пятнадцать больше Португалии, жили здесь негры племен банту. Эти люди занимались земледелием, добывали слоновую кость, золото, ценные породы деревьев.

Грязные руки авантюристов тотчас потянулись к богатствам страны — так народы Анголы впервые узнали о «цивилизаторской миссии» европейцев. А несколько позже в Анголе началась охота на «чернокожих». И на протяжении трехсот лет ежегодно от ее берегов отплывали шхуны с «живым товаром». Они направлялись в Бразилию — тамошние плантаторы платили за рабов хорошие деньги.

Рабство в 1868 году было формально отменено, но оно и поныне удел анголезцев, только именуется несколько иначе — «системой контрактов». Завербованных «по контракту» португальские власти посылают куда заблагорассудится — на плантации какао и кофе, Бенгельскую железную дорогу, в алмазные копи. Над ними всегда стоит надсмотрщик с плетью, их подстерегают туберкулез и силикоз, костлявая рука голодной смерти держит за горло. Белого предпринимателя не беспокоит смерть черного раба: умрет один — администрация пришлет другого. У некоторых хозяев за время действия контракта умирает каждый третий.

Те, кого вербуют по контракту, ни в чем не провинились перед властями. Просто каждый анголезец по крайней мере шесть месяцев в году обязан гнуть спину на белых господ. И когда господину требуется рабочая сила, администрация направляет в деревни экспедицию. Ну, а солдаты вербуют первых попавшихся.

Анголезец, правда, и сам может явиться к местным властям, чтобы подписать контракт «добровольно». Но и тогда он не имеет права не соглашаться с условиями, которые выдвигает наниматель. Ему приходится безропотно сносить любые издевательства. За работу от зари до зари он получает около трех эскудо, четверть этой суммы уходит на уплату налогов. А даже на самую скудную пищу нужно два с половиной эскудо в день.

Есть в Анголе и еще один вид рабского труда — так называемые общественные работы. К ним относятся строительство и ремонт дорог. Сюда тоже сгоняют плетью, и за каторжный труд не платят ни песо. Последнее считается излишним— ведь здесь работают женщины и дети.

У тех, кого везут в корабельном трюме, дома тоже остались дети. Если им уже исполнилось десять, департамент «по делам туземцев», конечно, не оставит их — ведь он вербует и малолетних рабов. Сто тысяч детей в возрасте до четырнадцати лет занято ежегодно на принудительных работах.

Родная земля не принадлежит анголезцам. Еще в 1929 году власти предписали тысячам африканцев покинуть свои деревни и переселиться в другие, еще не освоенные районы. Обработанные земли были отданы португальским колонистам. Так происходит из года в год — анголезский крестьянин потом и кровью орошает землю, а когда наступает пора пожать первые плоды, колонизаторы попросту сгоняют африканца с его участка.

Доведенные до отчаяния диким насилием и произволом португальских властей, анголезцы не раз восставали против поработителей. После второй мировой войны возникли первые политические партии, выступившие за независимость страны. В глубоком подполье родилась партия Народное движение за освобождение Анголы, которая возглавила освободительную борьбу в колонии. Эта партия поставила задачу ликвидации португальского колониализма в Анголе и создания демократического правительства. Ей удалось сплотить вокруг себя народ.

Вириато да Круз, генеральный секретарь Народного движения за освобождение Анголы, сказал недавно корреспонденту агентства Франс пресс: «Патриоты Анголы готовятся в ближайшее время начать прямые действия с целью добиться предоставления независимости».

Колонизаторы пытаются запугать анголезцев террором. С «недовольными» расправа коротка: их бросают в тюрьмы, заключают в концентрационные лагеря, ссылают на плантации острова Сан-Томе. В 1953 году на острове вспыхнуло восстание против колонизаторов — его потопили в крови. Были убиты и зверски замучены тысячи африканцев, сожжены целые деревни. Оставшихся в живых участников бунта палачи заковали в двойные цепи (заковали со знанием дела, пропустив цепи вокруг шеи, пояса, ног) и загнали в воды Гвинейского залива. Волны захлестывали несчастных, которые должны были к тому же удерживать на голове огромные чаны, наполненные водой.

...Быстро идет корабль. Уже виднеется вдали остров Сан-Томе, мрачный символ колониального рабства. Ныне португальские власти ссылают сюда «самых опасных политических преступников» — борцов за независимость Анголы. Песня рвется из душного трюма. Это песня о свободе.

ПОЛЗУЧАЯ СМЕРТЬ

Это страшное бедствие началось в те годы, когда работорговцы продавали схваченных в африканских деревнях негров испанским и французским плантаторам. Рабы убегали в лес, собирались там в отряды. «Охота на негров» не давала желаемых результатов. Зачастую она оканчивалась поражением белых поселенцев. И вот тогда рабовладельцы пустили в ход это жестокое оружие. Из Бразилии на остров Мартинику привезли партию трехуглоголовов и выпустили в лес.

Трехуглоголовы — ядовитые змеи толщиной в руку, длиной от полутора до двух с половиной метров. Светло-коричневые тела их незаметны в зарослях болотистой местности. Трехуглоголов ползает легко и бесшумно, жалит молниеносно. Пораженное ядом место вспухает, окрашиваясь в лиловый цвет. Опухоль быстро распространяется по всему телу. Человек содрогается в конвульсиях, затем впадает в дремоту. Смерть наступает примерно через час после укуса.

Сотни беглых негров погибли в заболоченных лесах. Но вскоре оружие плантаторов обратилось против них самих. Трехуглоголов быстро размножился. Спустя некоторое время плантации и даже дома кишели змеями.

В течение трех лет — с 1822 по 1825 год — в районе города Фор-де-Франс умерли две тысячи человек от укусов трехуглоголовов. Бедствие приняло угрожающие размеры. Работы на плантациях начинались только после тщательного их осмотра; на клумбах, окружавших дома, были вырваны все цветы и травинки; каждый вечер приходилось обшаривать чердаки и углы жилищ.

В 1831 году английский корабль по просьбе колонистов доставил на остров мангуст. Но воинственные зверьки, успешно истребившие в Индии ядовитых змей, не пожелали меряться силами с трехуглоголовом. Выяснилось, что у мангуст нет иммунитета против яда американских гадюк. Голодные зверьки набросились на кур и домашних животных. Тогда попытались призвать на помощь другого пожирателя змей — африканскую птицу секретаря с длинными ногами и крепким клювом. Но и птица секретарь, отвергнув трехуглоголова, ограничилась ящерицами и лягушками.

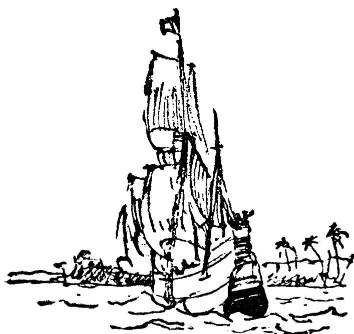
Отчаявшись, колонисты палили целые лесные массивы, поджигали даже собственные плантации. Многие из них покинули остров и переселились на материк.

Одно бедствие, созданное людьми искусственно, было, наконец, ослаблено другим — стихийным — бедствием. Началось мощное извержение вулкана Мон-Пеле. Лава покрыла две трети острова и погубила большое количество змей. Однако полное освобождение от трехуглоголова до сих пор является нерешенной проблемой на Мартинике.

Г. СМИРНОВ, И. ЩЕКИНА

НАЗВАНИЯ

В. МАКСАКОВСКИЙ

Рио-де-Оро — «Золотая река».

Александрия.

Водопад «Виктория».

Четыре года назад, в ночь с 5 на 6 марта, в Аккре, столице бывшей английской колонии Золотой Берег, произошло знаменательное событие — с флагштока Законодательного собрания упал английский флаг и на его месте взвился новый — красно-желто-зеленый с черной пятиконечной звездой. Из темницы колониализма вырвалось еще одно государство. Восторжествовала справедливость и в географии: не стало больше Золотого Берега. Освобожденный народ назвал свою страну «Гана» — так исстари звали эту землю отичи и дедичи, основавшие здесь еще в средние века свое государство.

Список географических названий Африки — это трагическая повесть о том, как в течение сотен и тысяч лет железная стопа завоевателя и колонизатора пятнала черный континент, как исконные африканские названия покрывались слой за слоем новыми названиями, принесенными пришельцами на кончике меча.

Взгляните на карту северной Африки. Здесь отчетливо виден «пласт» древнеримских и древнегреческих названий. Римского происхождения само слово «африка»: считают, что в основе его лежит имя одного из кочевых племен (афри), населявшего область древнего Карфагена. После завоевания Карфагена римляне образовали здесь провинцию Африка. Это название распространилось вскоре на весь материк.

Крупный город и порт Александрия был назван в свое время в честь Александра Македонского, совершившего ряд завоевательных походов в Африку.

В XV—XVI веках зачинщиком колониального разбоя выступала Португалия. Цепь португальских названий опоясала с запада африканский континент. Это бухта Рио-де-Оро — «Золотая река», названная так одним из португальских мореплавателей, который принял ее за устье фантастической Золотой реки, обозначавшейся на многих картах того времени. Это западная оконечность Африки — мыс Зеленый, где португальцы после долгого плавания вдоль пустынных берегов увидели вдруг буйную тропическую растительность.

Португалец Педро да Синтра присвоил части гористого побережья Атлантического океана название Сьерра-Леоне, что означает «Львиные горы»: очертания гор показались ему похожими на фигуру льва, а раскаты грома напомнили рычание грозного хищника.

Особенно «выразительны» названия, данные португальцами отдельным участкам побережья Гвинейского залива: Перцовый берег, Берег Слоновой Кости, Золотой берег, Невольничий берег. Эти названия напоминают товарные знаки рабовладельческих фирм, в них слышится звон наручников, от них разит духом спекуляции и наживы.

После создания голландской Ост-индской компании на карту Африки вторглись полчища голландских, а затем бурских названий. Река Оранжевая была названа в честь правившей в Нидерландах Оранской династии, а имя Маврикия Оранского было присвоено острову Маврикий, захваченному голландцами еще раньше. Крупный приток реки Оранжевой получил название «Вааль», что значит «мутный». К северу от этой реки буры основали в прошлом веке свою республику Трансвааль — «За Ваалем». Крупнейший город Южно-Африканского Союза Иоганнесбург был назван по имени одного из трансваальских чиновников, а столица страны Претория носит имя Преториуса, известного бурского политического деятеля, жестоко расправлявшегося с коренным населением.

Во второй половине XIX столетия в Африку ринулась стая империалистических хищников — Англия, Франция, Германия, Бельгия. На землях африканских народов появляются десятки и сотни новых чужеродных названий.

В честь английской королевы был назван знаменитый водопад на реке Замбези, который, по свидетельству Ливингстона, коренные жители называли Мосиоатунья, что означает «Здесь пар издает шум». Именем супруга королевы Виктории было названо озеро Альберт. Имя английского министра колоний оказалось зафиксированным в названии крупнейшего алмазного месторождения Кимберли в Южно-Африканском Союзе.

На карте Африки появляются имена Рудольфа (озеро Рудольфа) — наследника австро-венгерского трона, бременского купца Людерица, скупавшего земли на побережье Юго-Западной Африки (так называется

ОБВИНЯЮТ

город и бухта в Юго-Западной Африке), французского морского офицера де Бразза (Браззавиль). А чего стоят презрительные названия — прозвища, данные европейскими колонизаторами многим африканским народам: готтентоты — голландское «заики», бушмены — голландское «люди кустарника», кафры — от арабского «кафир» — «неверный».

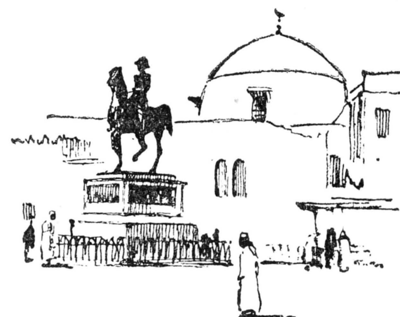
Возникли и своеобразные топонимические[1] «гибриды». Например, в названии страны Бечуаналенд первая часть — название африканской народности, в переводе означающее «равный», «одинаковый», а вторая часть — английское слово «ленд» — страна. Такого же типа названия Ньясаленд, Базутоленд.

В долгой и упорной борьбе за национальную независимость африканским народам удалось отстоять и сохранить многие исконные географические названия. Таковы названия Сахара («Пустыня»), Судан («Страна черных»), Агадир («Укрепленный замок»), Найроби («Студеная вода»), Чад, Танганьика (оба названия означают «Большое скопление воды»), Фута-Джалон («Отец рек»). Название Аддис-Абеба по-амхарски значит «Новый цветок»: так назвал новую столицу своего государства в конце прошлого столетия негус Менелик II.

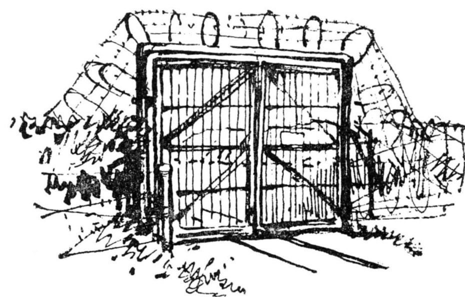
В наши дни Африка переживает пору великого обновления. И как художник, реставрирующий картину, снимает слой за слоем позднейшие наслоения красок, так и освобождающиеся народы Африки снимают с политической карты континента многие чужеродные имена и возрождают на ней исконные географические названия. Нет больше «бельгийского» Конго. На месте бывшей Французской Западной Африки появился ряд независимых государств. Мадагаскар, большинство населения которого составляют мальгаши, стал Мальгашской республикой.

Наряду с возрожденными старыми названиями на карте Африки появляются и новые названия, например Ат-Тахрир в Египетском районе ОАР. Этим словом, в переводе с арабского означающим «Освобождение», названа новая провинция, которая создается на землях Ливийской пустыни. Главный город ее решено назвать Ан-Наср — «Победа», а деревни (многие из них уже построены и туда переселились феллахи из других районов страны) — именами патриотов, погибших в борьбе за независимость.

[1] Топонимика — совокупность географических названий в данной стране.

Алжир.

Алмазные копи Кимберли.

ОГНЕННАЯ БУРЯ

Огненная буря разыгралась не так давно в саваннах Южной Родезии — на плодороднейших пастбищах в пойме Саби. Осенью здесь так жарко, что пожар возникает, как говорят местные жители, даже от блеска человеческих глаз.

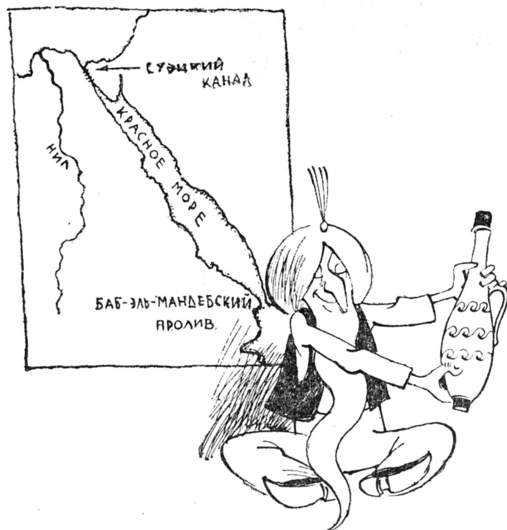
Неистовый, опустошающий смерч огня шел сорокакилометровой полосой. Пламя прокладывало багровые спирали среди леса и кустарников, поднималось по прилегающим к пойме холмам.

На борьбу с огнем было мобилизовано все население района. Какие противопожарные средства вручили африканцам белые владельцы ранчо? Топоры и лопаты. С их помощью негры могли бороться лишь против растекающихся ручейков пламени, но были бессильны остановить огневой шквал.

День и ночь шла битва с огнем. Нельзя было оставлять ни одной тлеющей веточки — иначе пожар вспыхнет с новой силой.

Три миллиона акров богатых пастбищ превратились в серое пепелище, погибли тысячи голов скота и огромное количество диких животных.

ГИДРОСТАНЦИИ НА МОРЕ

Запрячь море в энергетическую упряжку, заставить силы природы вращать турбины электростанций — эта мысль давно волнует инженеров и ученых разных стран. На страницах «Вокруг света» уже рассказывалось о приливно-отливных станциях. Недавно в мировой печати появились сообщения о новом смелом и остроумном замысле. Египетский инженер Мохаммед Хассан задумал использовать воды Средиземного моря и Индийского океана для получения электроэнергии.

Взгляните на карту. Между Средиземным морем и Индийским океаном лежит Красное море, напоминающее по форме сосуд с двумя узкими горлышками. В него не впадают крупные реки, осадки скудны — около 100 миллиметров в год, а испарение необычайно велико — 3 500 миллиметров.

Посмотрим, что произойдет, если в «горлышки» вставить пробки железобетонных плотин (в них будут построены шлюзы, необходимые для нормального судоходства). Благодаря интенсивному испарению уровень воды в море понизится за год на 3,4 метра. Воды Индийского океана и Средиземного моря нависнут над Красным морем. Они-то и будут вращать турбины гидростанций.

Предположим [1], что уровень Красного моря опустится на 75 метров. Это значит, что ГЭС, вмонтированные в Суэцкую и Баб-эль-Мандебскую плотины, смогут работать на полную мощность спустя 22 года (75 : 3,4 = 22) с начала «выпаривания» моря. Но вот необходимый уровень достигнут. Теперь, чтобы сохранить его неизменным, потребуется приток воды, который компенсировал бы испарение. Энергия воды, пропущенной через турбины гидростанций из Средиземного моря и Индийского океана, составит 30 миллионов киловатт.

Максимальная ширина Баб-эль-Мандебского пролива не превышает 26 километров, глубина его 170 метров. Поэтому гидротехники будущего смогут смонтировать здесь плотину. Вспомним, что уже в наши дни Асуанская плотина, строящаяся в ОАР с помощью советских специалистов, будет иметь высоту 110 метров и длину 5 километров.

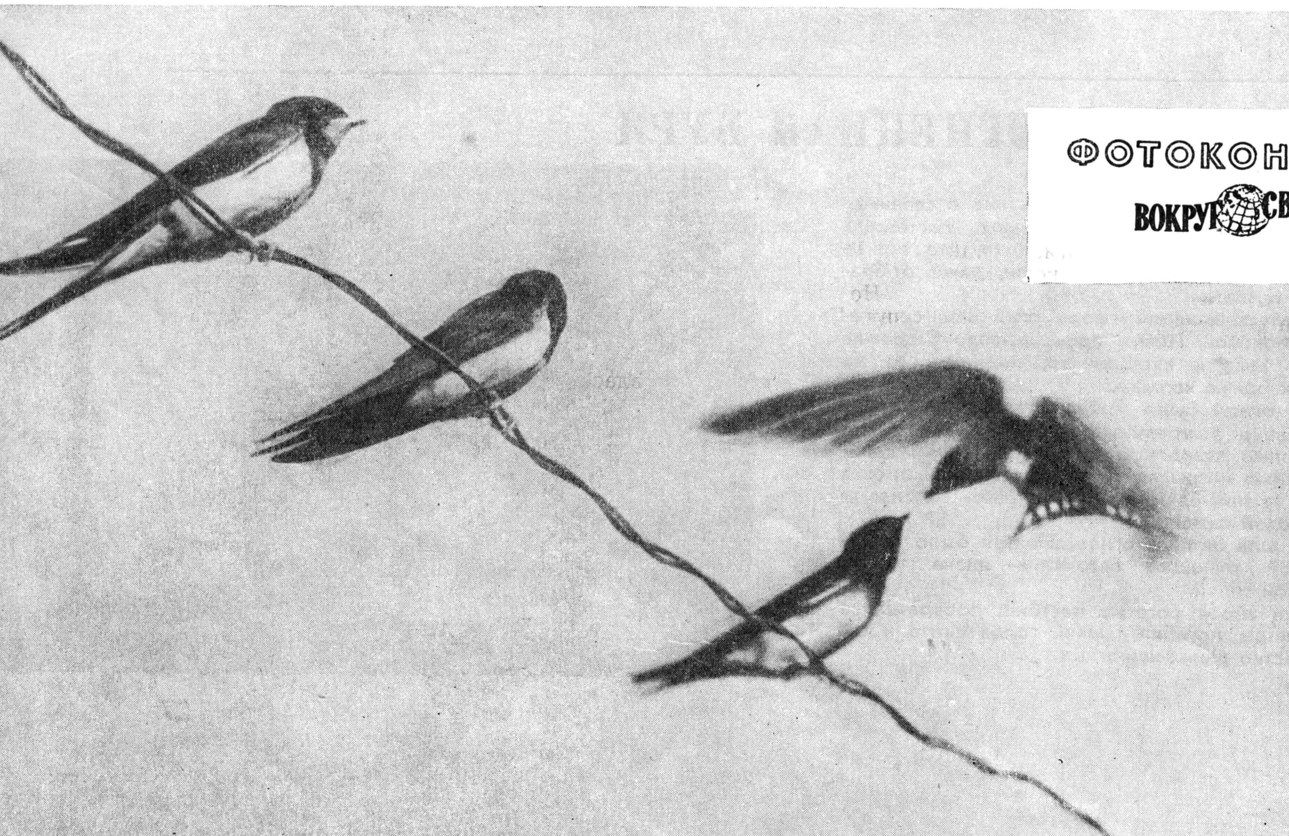
Разумеется, для осуществления такого проекта потребуются значительные средства и коллективные усилия многих государств. Но если даже часть средств, которые расходуются сейчас на гонку вооружений участниками различных военных блоков — НАТО, СЕАТО, СЕНТО, употребить на развитие и подъем стран Африки, проект египетского инженера станет делом не столь далекого будущего.

Г. МАТУШЕВСКИЙ

---

[1] О проекте инженера Хассана в печати говорилось лишь в общих чертах, и некоторые расчеты сделаны автором статьи. **(Прим. ред.)**

Фото Б. КОНСТАНТИНОВА (Москва)

ФОТОКОНКУРС
ВОКРУГ СВЕТА

А. ЕФРЕМОВ, Е. ФЕДОРОВСКИЙ

ХРУСТАЛЬНЫЕ ВЕРШИНЫ

Фото авторов и М. ЗАПЛАТИНА

Самолет не мог вырваться из тумана. Напрасно Дима Лойко бросал машину то влево, то вправо.

Вдруг тугой удар обрушился на фюзеляж, будто кто-то стукнул гигантским кулаком. Самолет тряхнуло. Мелко задрожали крылья.

— Гнездо ветров, — сказал Лойко.

Гнездо ветров... Так в приполярном Урале называют район вблизи самых больших вершин — Народной, Неройки, Монараги, Сабли. Здесь гуляют самые могучие, самые коварные ветры.

Резкий удар снова подкинул самолет. Но на этот раз он выбросил нас из тумана к солнцу. Вырвались! Лойко передал штурвал второму пилоту, закурил. На его ладонях остались отпечатки ребристой рукоятки штурвала.

Самолет летел над белоснежной пеленой облаков. Кое-где торчали, как зубья, островерхие вершины.

...Уральский хребет. Впервые мы встретились с ним здесь, у самых высоких его вершин. Встретились, чтобы долго не расставаться. Следуя вдоль 60-го меридиана, мы более тысячи километров будем во власти его суровой красоты. Строго по прямой вытянулся Урал с юга на север. И лишь в одном месте, на одном своем отрезке, называемом приполярным Уралом, горный хребет сворачивает в сторону. Как будто остановленный свирепым натиском арктических ветров, он уходит на восток. Но, видимо, только затем, чтобы, набравшись сил, снова двинуться на север, и, достигнув Ледовитого океана, склонить перед ним свою убеленную снегами голову.

Этот единственный изгиб Уральского хребта позволил нашей экспедиции пересечь горы, следуя вдоль меридиана. Ведь только у приполярного Урала есть северный и южный склоны. Северный склон — Большеземельской тундры, южный — ханты-мансийской тайги. Горное приполярье —

Подступы к Народной нелегки: переправа за переправой.

край серых, крутых скал. В межгорьях светлеют ледники; они поят водой быстрые речки. Тяжелыми облаками висят над вершинами туманы, тучи разряжаются обильными дождями, градом и снегом.

Малолюден приполярный Урал. Деревеньки разбежались друг от друга на десятки километров: охотникам и рыбакам нужно приволье. Лишь близ горы Нáродной теснятся поселки горняков: здесь, у заснеженных вершин, часто встречается горный хрусталь, главное богатство приполярного Урала, его будущее. Разумеется, нам не терпелось посмотреть, как добывают этот замечательный минерал. Но прежде всего мы решили побывать на самой большой вершине древнего Урала...

ЗДРАВСТВУЙ, НАРОДНАЯ!

Слева от нас Большой Чендер, справа — Малый.

— Чендер значит перевернутая лодка, — поясняет Генрих Симаков. — Так назвали эти хребты коми...

Между двух хребтов, двух огромных — вверх дном — лодок лежит ущелье, по которому вьется речка Нáродная. Вдоль речки, вдоль синих отвесов двух Чендеров медленно бредет наш отряд.

По древним легендам коми, Народная старше всех остальных гор Урала. Это она народила десятки других вершин и со своей двухтысячеметровой высоты по-матерински присматривает за ними.

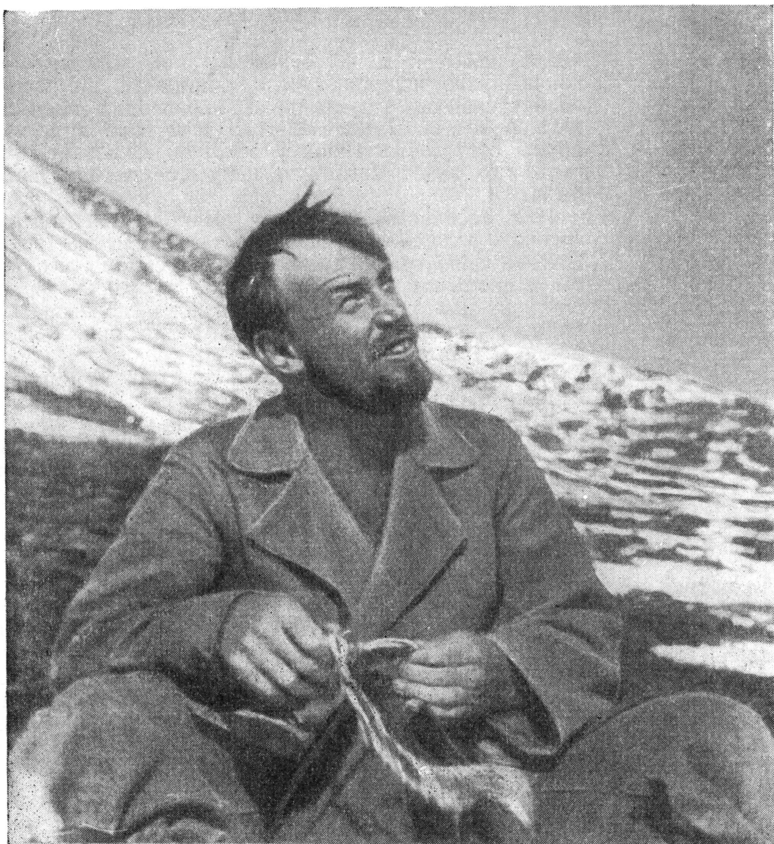
Геологи, досконально изучающие биографию Урала, не согласились с легендами. Народная, как и весь приполярный Урал, еще сравнительно молода. Во всяком случае, моложе других уральских гор. Оттого она и может гордиться статным ростом. Она еще не согнута, не сгорблена временем, которое так беспощадно расправилось с ее более южными старшими сестрами. Но выветривание хозяйничает и здесь.

На каждом шагу мы видим следы титанических усилий воды и ветра. Река Народная беспрерывно, камушек за камушком, разбазаривает сокровища своей высокочтимой тезки. Расшатывается каменная кладка. Все меньше кирпичиков в грандиозном фундаменте горы. Мы идем по этим кирпичикам, внимательно глядя под ноги. Скользко. Некоторым обкатанным водой голышам выпадает редкая удача — им предстоит возвратиться на родину, побывать на самой вершине родной горы. Этот необычный путь они проделают в котомке Володи Хлыбова.

Лаборант Володя Хлыбов и петрограф Генрих Симаков — участники экспедиции филиала Академии наук Коми. Их маршрут совпал с нашим. И это было для нас большой удачей: кто же лучше их знает эти горы? Они выполняли обычный маршрут. Но для нас восхождение на Народную было знаменательным: как-никак выше этой горы нет на Урале.

Ноги проваливаются в снежник. Снизу снег серый, а сверху — ослепительно прозрачный и нежный. Берешь в горсть, а он не тает. Он здесь никогда не тает. А следы в снегу голубые, будто сапоги были вымазаны синькой. Может быть, это отражается небо?

Мы идем вверх и вверх. Вдали, слева — чаша озера. Кажется, что там нет воды. И льдинки пла-

вают будто в воздухе. Над озером висит снежный карниз. Подходим ближе — толщина метров десять. Висит над головой такая громада, готовая рухнуть в любое мгновение, и ты чутко прислушиваясь к звону капели, стараешься проскочить бесшумно, как тень.

Бредем по хаосу камней. Камни большие, тонн по десять, обросли мхом, намокли от стаявшего снега. Ноги скользят.

Да, Народная невысока, ее не сравнишь с Эльбрусом. Но не так уж часто встретишь человека, побывавшего на ней. Гора далеко отстоит от всех дорог. К ней, как говорят альпинисты, «тяжелы подходы» — через таежные дебри, болота, горные речки.

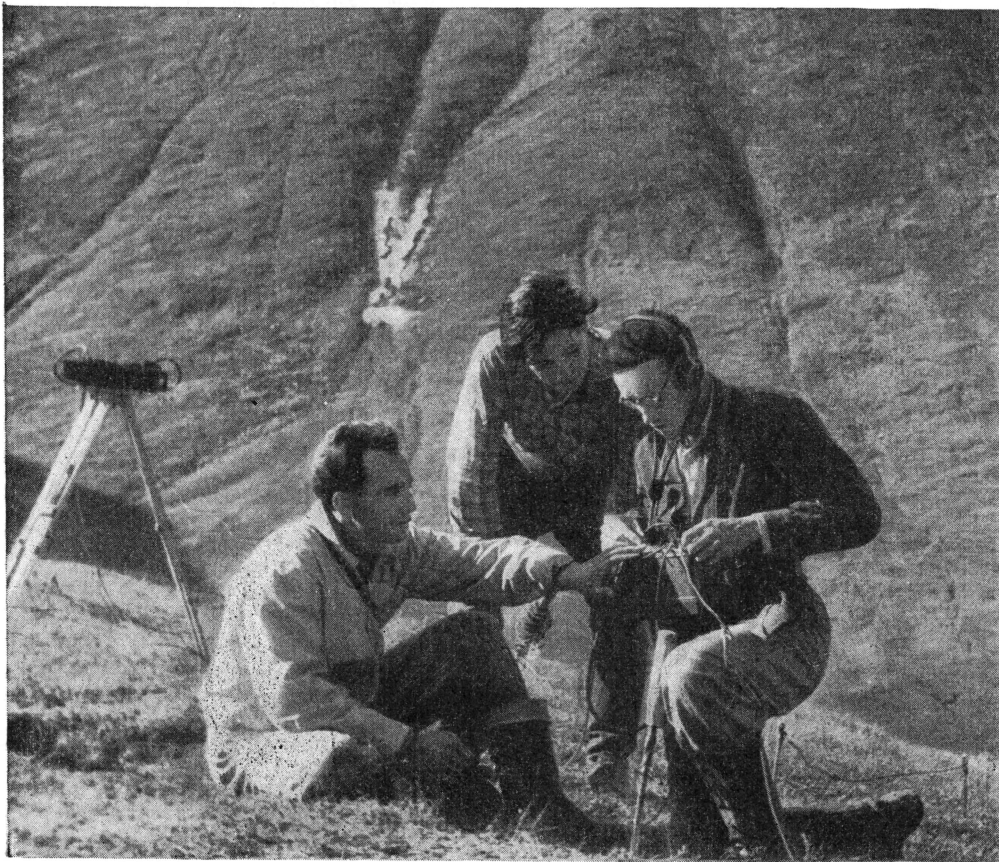
Вот и гребень. Острым, как лезвие, краем он уходит к небу, к вершине. Последнее усилие.

Две скалы прижались друг к другу. Протискиваемся в узкую щель. Ухо припадает к стенке.

— Слушайте, камень поет!

Взбираемся на камень, и вдруг ветер резко обжигает распаленные лица. По привычке смотрим вверх — небо! Мы на вершине, выше всех уральских гор!

Владимир Хлыбов не один год провел на приполярном Урале — здесь ему знакомы все вершины.

Искатели хрусталя Александр Веретенко, Игорь Филатов и Евгений Зырянов «прослушивают» землю чуткими приборами.

Задорная, никогда не унывающая, с неизменной записной книжкой в руках — такой запомнилась нам геолог Галина Плисовских.

Теперь нам ясен секрет гудящих камней: ветер, он здесь хозяин.

Народную венчает геофизический знак и пирамидка, сложенная из камней. На ней оленьи рога — дань «царице гор». Разбираем камни и извлекаем традиционную банку из-под консервов. В ней надо оставить записку. Один из нас выводит: «Здравствуй, Народная!»

СИЯНЬЕ НЕТАЮЩЕГО ЛЬДА

У этих гор хрустальная начинка. Блестящие, чистые, как лед, кристаллы часто встречаются на склонах, неглубоко под землей. Хрусталь залегает небольшими гнездами, поэтому здесь, в приполярном Урале, не строят больших шахт. Ступеньками опускаются по склонам неглубокие шурфы, в которых искали хрусталь.

Гёте сказал о хрустале: «В мире минералов самым прекрасным является самое простое». Хрусталь сравнивают со льдом. В жару от него исходит холод. Древние греки думали, что этот минерал — лед, потерявший способность таять.

О хрустале многие судят по дорогой посуде, которая при легком прикосновении звенит мягко и мелодично. Но это не хрусталь, это искусная подделка — стекло «баккара», вытеснившее горный хрусталь из художественных ремесел.

Настоящий горный хрусталь сейчас применяется в оптике, электронике, радиотехнике. Чистый природный хрусталь в виде призм, пластинок, линз, клиньев служит эталоном для оптических измерений — это кристалл точности.

В радиотехнике использована самая оригинальная способность минерала — излучать ультразвуки под действием тока. Благодаря гидрофону, где самая важная деталь — пластинки горного хрусталя, акустики «Северянки» впервые услышали «разговор» сельдяных косяков.

Словом, истинная ценность прозрачного, искрящегося светом минерала не имеет ничего общего с обыденным представлением о нем как об украшении, материале для поделок.

Вместе с геологом Олегом Федюковичем мы поехали к месторождению хрусталя. Олег, скромный, приветливый парень, недавно окончивший Ленинградский горный институт, с увлечением рассказывал об истории хрусталя, о древних потрясениях земной коры, о тектонических сдвигах, о редких друзах — спайках гигантских кристаллов, найденных здесь, на приполярном Урале. Геолог находил для хрусталя массу ласковых наименований.

— Считайте, вы не видели настоящей красоты, если не встречали хрустальных гнезд, — уверял он.

И вот мы там, где гнездится хрусталь. Гора покато бежит к обрыву. Возле обрыва несколько палаток и домиков. Рассказывают, что зимой эти постройки по самую крышу тонут в сугробах. Выше поселка — штольня. Черный прямоугольник входа обрамлен тяжелыми стойками.

Уходим в гору. Нас ведет подземная дорожка. У поворота штольни несколько горнорабочих. По какому-то тревожному напряжению догадываемся, что происходит нечто значительное. Проходчики на первый взгляд все одинаковые, в куртках и касках, с блестками пота на лицах.

— Смотрите!

Ничего не видим. Проходчик, как пику, вскидывает тяжелый отбойный молоток. Та-та-та — длинная очередь пронзает большую глыбу. Камень падает, взметывая густую едкую пыль. Мы напрягаем зрение и различаем покрытую изморозью стенку.

Льдинки не таяли. Они робко мигнули в сумеречном луче, а потом вдруг затрепетали голубым пламенем, словно радуясь избавлению от мрака и тесноты. Это и был горный хрусталь!

Нам подарили небольшую друзу. Кристаллы бодро поблескивали, отражая свет. Позднее мы показывали подарок своим знакомым; на многих необработанный хрусталь не производил впечатления. А мы не могли забыть, как при виде этой друзы загорались глаза у тех, кто добывает хрусталь, кто знает истинную цену прекрасного минерала.

Над поселком Северная На́рода высится пик Лезвие: плитка аметиста, поставленная на ребро. Высота пика около километра, но склоны его круты и скользки. Никто на Лезвие не ходил — вершина не для прогулок. Но однажды геологоразведчики, взобравшись на этот угрюмый пик, обнаружили хрустальную жилу.

Оставалось только втащить на гору компрессор, отбойные молотки и «вскрыть» ее... Легко сказать — доставить компрессор. На руках не втащишь. На тракторе нельзя. Угол самого пологого склона у пика — 25 градусов. Это критический угол. На таком склоне работать нельзя — инструкцией запрещено.

Трое рабочих, тракторист Саша Батняев, его помощник Степан Кузин и компрессорщик Михаил Киба, пришли к начальнику партии и сказали:

— Разрешите попробовать...

План в то время «горел» — начальник согласился.

Батняев сидел в кабине, Киба и Кузин несли жерди — для тормоза, если машина «поползет». Не один и не два года они работали на Урале, но такой подъем им пришлось преодолевать впервые. Шесть километров крутизны! И только вперед. Ни отступить, ни свернуть. На развороте и трактор и прицеп перевернулись бы.

Тяжело мотору. Он воет, с трудом переваривая соляр Гусеницы буксуют, гребут под себя камни, постепенно поднимают в гору пятитонную махину.

Выдержит ли мотор? Ведь трактор не остановишь для передышки. Тормоз не спасет, и прицеп потянет вниз весь поезд...

Наступает ночь. Лучи фар отражаются на мокрых камнях. Трактор лезет и лезет вперед.

Гусеницы высекли из камня искру, поползли вниз. Киба с размаху воткнул жердь между гусеницей и ведущим колесом. Жердь треснула.

Трактор заскользил вниз, камни под ним, точно катки, понесли к обрыву. Батняев выжидал момент. В боковом окне мелькнула скала, торчащая у обрыва как последняя приступочка. Если опереться о нее? Рывок рычагов. Трактор будто прыгнул вперед. Скала сдержала тяжесть машин. Мотор захлебнулся. Стих. Только ручей внизу шумел, перекатывая упавшие с обрыва камни.

— Ну, что Сашка?

— Сам видишь, — ответил Батняев.

— А дальше как?

— Что дальше? Попробуем...

На рассвете удалось выправить погнутое дышло компрессора. Снова взревел мотор, и трактор упрямо полез вверх. Сорок восемь часов трое ребят из поселка Северная Народа втаскивали компрессор на пик Лезвие — и они проложили дорогу к кварцевой жиле.

* * *

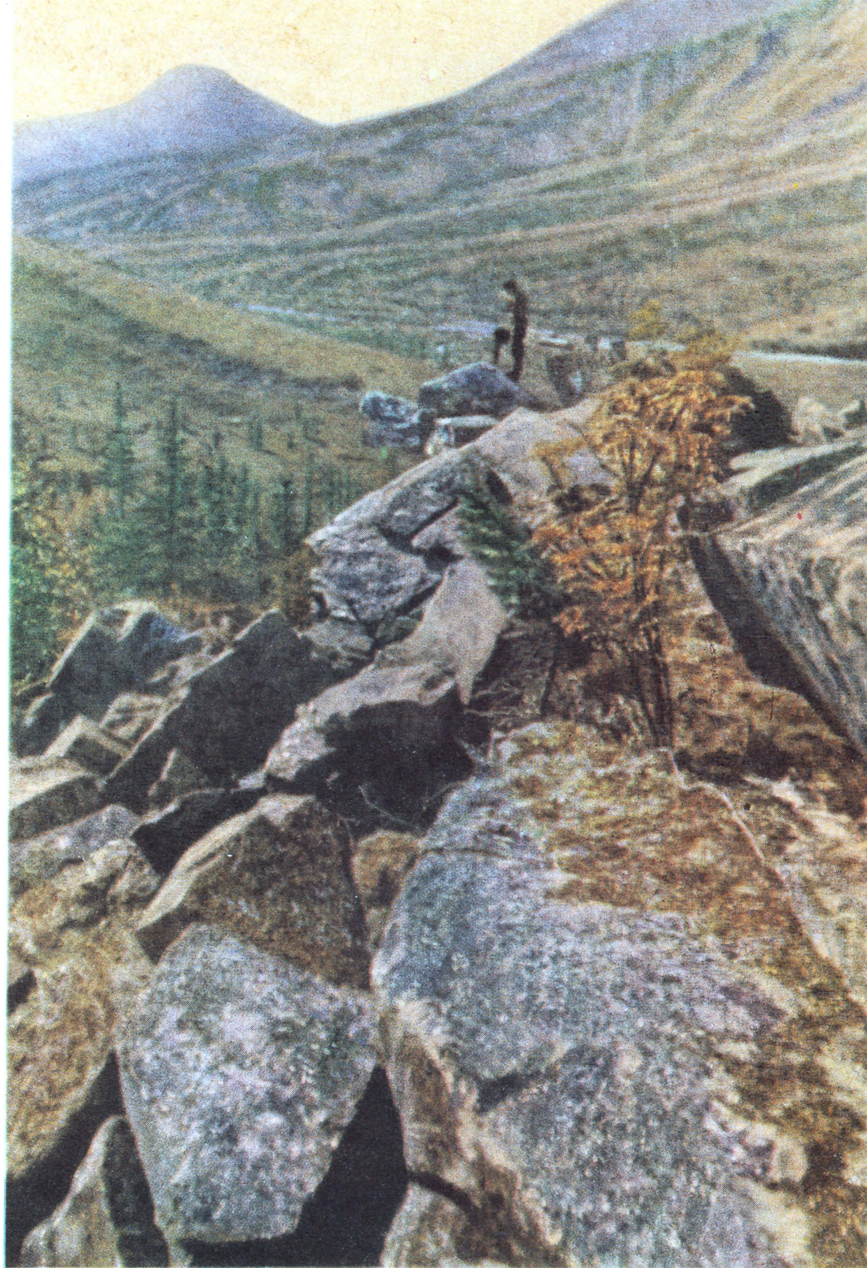
...Мы покидали эти места вечером. Закат поджег горы. Похожие на языки пламени снежные шапки пылали на небе. Приполярный Урал показывал под занавес свою самую лучшую декорацию.

Удаляясь от гор, мы нет-нет да и оглядывались. Романтический, красивый край! Причудливые рисунки скал. Каменные россыпи. Речушки с холодной прозрачной водой. Хрустальный блеск гор.

Суровый, холодный край. Но тем теплее, тем радостнее были встречи с приветливыми, гостеприимными людьми, осваивающими богатства уральского приполярья.

(Продолжение следует)

Река Народная пробила путь в горах, разрушив прочную каменную кладку.

Нелегко добраться до хрустальных вершин через эти баррикады.

Вот и гребень горы Народной.

Фото М. ЗАПЛАТИНА и Е. ФЕДОРОВСКОГО

Песнь освобо

Фото
Н. ДРАЧИНСКОГО,
Д. БАЛЬТЕРМАНЦА,
М. САВИНА,
В. КАССИСА,
В. КИСЕЛЕВА

ждения

Мы живем в великую эпоху освобождения и возрождения еще недавно забитых и придавленных наций, народов и племен. Только за пятнадцать последних лет около полутора миллиардов человек — половина населения земного шара — сбросили оковы колониального гнета.

Строят самостоятельную жизнь Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон. Каждый год все новые и новые страны встают на путь национальной независимости. Песнь освобождения летит над землей, как крылатая птица.

Посмотрите на эти фотографии.

— Свобода! — звенят голоса ганских ребятишек.

— Свобода! — врывается победный гимн в мелодию старинного индонезийского танца.

— Свобода! — гудит над трубами Бхилаи ветер Индии.

— Свобода! — вторит бирманцам строителям горное эхо.

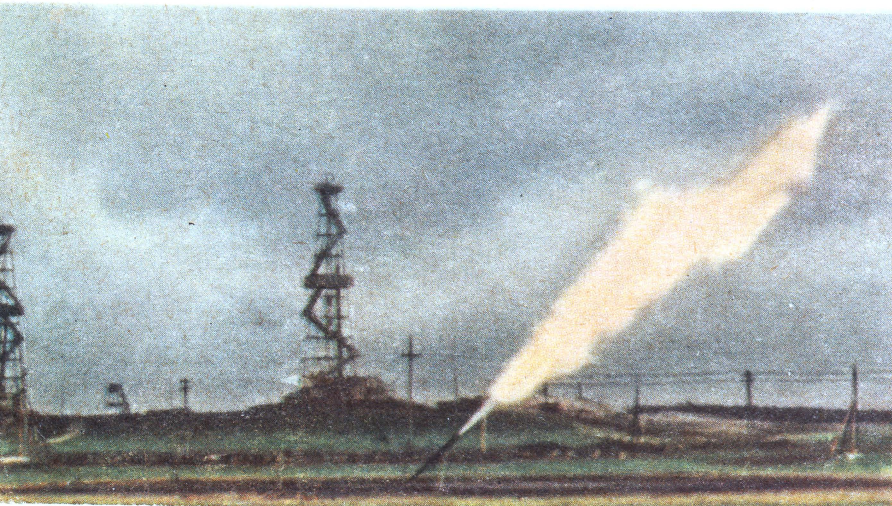
Так это началось. Газ вырвался со дна Днестра. Вода забурлила, как в котле, и от поднесенного факела вспыхнула оранжевым пламенем.

Языки газа — грифоны — поднялись и над землей...

Люди вступили в борьбу за сохранение подземных богатств. Близ «больной» скважины, откуда газ прорвался на поверхность, выросли две новые вышки: буровики решили пробиться к источнику бедствия, лежавшему на глубине полутора километров под землей.

У вышек день и ночь дежурили пожарные.

Фото Ю. ГАВРИЛОВА, В. СМИРНОВА

Ю. ГАВРИЛОВ

Укрощенные грифоны

Это произошло на газовом месторождении в Прикарпатье. Газ прорвался с большой глубины, минуя металлический ствол скважины. По песчаному пласту он распространился на огромной территории. Там, где пласт подходил близко к поверхности земли, газ вырывался наружу. Луга на берегу Днестра «задышали». Струйки газа, вспучивая дерн, пробивались сквозь землю то тут, то там.

В селах близ Днестра день и ночь дежурили пожарные. С помощью специальных приборов они отыскивали самые неприметные струйки газа и поджигали их, чтобы не допустить опасной концентрации газа в домах. Необычная работа для пожарных. Дежурные действовали умело и обдуманно. В районе бедствия не произошло ни одного несчастного случая.

Над водами Днестра, как и над землей, метался огонь. На поверхности реки вода бурлила, как в огромном кипящем котле. Клокочущую воду лизало жаркое пламя. Казалось, будто сказочное чудовище набросилось на реку. Видимо, не случайно газовым вулканам дали имя мифического чудовища грифона...

Бороться с пожарами на газовых промыслах трудно. За рубежом известны случаи, когда пожары на промыслах длились по нескольку лет. Не всегда удается точно определить место, где прорвался газ. И даже если это место будет найдено, не так-то просто преградить газу путь к поверхности земли. В схватке с пожарами на промыслах побеждают в конечном счете не только бесстрашие пожарных, но и расчет и находчивость инженеров.

Специалисты, приехавшие на газопромысел в Прикарпатье, заметили: в одной из скважин упало давление. Скважина «заболела». Приборы подтвердили, что место утечки лежит именно здесь, на глубине 1 400 метров. Чтобы еще больше снизить в «больной» скважине давление, газ отвели в сторону и подожгли. Огромный грифон рвал кровавым языком тучи. Земля вокруг содрогалась. Теперь можно «задушить» скважину, решили газовщики. Заработали насосы, закачивая в ненасытное горло скважины раствор жидкой глины, которая должна была преградить дорогу взбунтовавшемуся газу.

Но первый штурм не удался.

Вторую атаку инженеры повели с фланга. На расстоянии трехсот метров от «больной» скважины они пробурили две другие, наклонные, чтобы оттуда нащупать бурами место аварии и залить его глиной.

Задача была не из легких. Врезавшись в землю на значительном расстоянии от «больной» скважины, бур должен был на глубине в полтора километра встретиться с ней. Самый незначительный промах — и работы пришлось бы начинать заново.

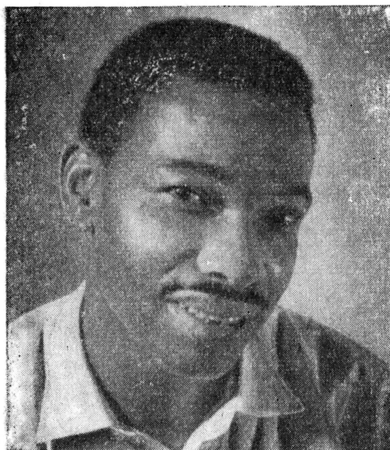
Неутомимо вращается бур. Пройдено пятьдесят метров, сто, сто двадцать пять... и вдруг: «Прекратить бурение!» На глубине ста двадцати восьми метров — газ. Если давлением вышибет из скважины буровой инструмент, газ вырвется наружу и вспыхнет от первой искры. Погибнет вышка со всем оборудованием.

Как быть? Решили заливать в скважину глину, утяжеленную порошком железной руды, чтобы противопоставить давление этого раствора напору газа. Никогда еще в мировой практике бурильщики не применяли такой тяжелый раствор. И снова суетятся поршни насосов, с трудом загоняя в скважину потемневшую густую жижу.

Круглые сутки не уходили с буровой вышки рабочие и инженеры. Они стремились как можно скорее ликвидировать утечку: в эти дни заканчивалось строительство газопровода Дашава — Минск, а месторождение, где произошло несчастье, как раз и должно было снабжать прикарпатским газом столицу Белоруссии. Авария забирала миллионы кубометров газа.

Наконец буры нащупали место, где газ вырывался из глубинного пласта. Еще энергичнее заработали насосы. Раствор глины все плотнее и надежнее закрывал дорогу взбунтовавшемуся газу. Пламя грифонов становилось все меньше, оно съежилось, поблекло, и, наконец, легкий ветерок оторвал последние языки огня от земли...

Точно в срок минчане получили газ. Жаркое пламя забилось в печах заводов, под днищами паровых котлов, синими огоньками вырвалось из конфорок газовых плит. И, глядя на эти маленькие «грифончики», радуясь им, минчане, должно быть, и не подозревали, какая борьба шла за сотни километров от их города, у Карпатских гор.

АЛЬФРЕД ХАТЧИНСОН

Рисунки П. ПЕТРОВА

ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ „ПУТЬ В ГАНУ“

Книга «Путь в Гану» впервые была напечатана в Англии в марте 1960 года и через несколько месяцев была издана вторично. Причина успеха книги — ее правдивость. Это обвинительный документ против фашиствующих расистов Южно-Африканского Союза, превративших страну в тюрьму для коренного африканского населения.

Автор книги Альфред Хатчинсон, африканский журналист и один из руководителей партии Африканский национальный конгресс, был подсудимым на печально знаменитом процессе «о государственной измене» — судилище, устроенном южноафриканскими властями над прогрессивными деятелями страны. Из-за полного отсутствия улик процесс был прекращен, но Хатчинсона продолжали преследовать.

Хатчинсон любит белую женщину — Хейзел, однако, по законам ЮАС, он не имеет права жениться на ней.

В конце концов он решает бежать в Гану, куда затем должна приехать и Хейзел. С фальшивыми документами он садится в поезд и через Бечуаналенд, Южную Родезию, Мозамбик. Ньясаленд с большими трудностями попадает в Танганьику. Там его арестовывают английские власти и намереваются выслать обратно в ЮАС. Хатчинсону удается бежать и самолетом добраться до Ганы.

Публикуемый отрывок рассказывает о первой части этого опасного путешествия: Иоганнесбург — Булавайо.

* * *

Прозвучал сигнал отправления. Дрожь охватила меня. Я напряженно ждал первого толчка поезда — первого шага на моем опасном пути. У окна я увидел черного, как смоль, человека и попытался придать своему лицу такое же выражение, как у него, — спокойное, неподвижное.

Состав отошел от иоганнесбургского вокзала и нырнул в черную, пропитанную дождем ночь.

Поезд шел на запад, навстречу пустыне. Он выходил на простор, как волк, отправляющийся в дальний набег, низко стелясь по земле. Потом у него открылось второе дыхание, и он понесся с шипеньем и лязгом, как будто напал на верный след.

Звуки идущего поезда успокаивали мои страхи, рассеивали сомнения. Под стук колес и пыхтение паровоза я пытался воссоздать в своей памяти образ Хейзел. Но лицо ее дрожало и рассыпалось на бесчисленные частицы, и я никак не мог воссоединить их.

Двое полицейских болтали в коридоре, позвякивая наручниками, закрепленными на запястьях. Я вытащил из портфеля «Стар» и долгое время пытался читать журнал, держа его вверх ногами. Потом я спохватился. Я переигрывал, и это было опасно. Никогда не переигрывать, всегда быть естественным, внушал я себе.

— Чудесно провел время перед отъездом, — сказал я, обращаясь к соседке по купе. — Едва не опоздал на поезд. Пришлось уехать без багажа. Надеюсь, что его успеют подвезти к поезду в Крюгерсдорп.

— Джози [1], — кокетливо пропела девушка, — так прекрасен.

Я согласился. Иоганнесбург был так прекрасен. Это были слова песни. Я, правда, не сказал ей, что этот город прекрасен не для всех.

Человек у окна медленно листал «Зонк», разглядывая фотографии африканских звезд в купальных костюмах. Удивительное было у него лицо. Сильное, спокойное, с выражением глубокого сострадания. Ему было, вероятно, жаль бедных девушек. У него были сильные руки, которые умели надежно делать свое дело.

— Далеко едете? — спросил я его по-зулусски с ньясалендским акцентом.

— В Ньясаленд, — ответил он.

— За Блантайр или не доезжая его?

— В Салима. Туда, где кончается железная дорога и нужно пересаживаться на водный транспорт.

[1] Уменьшительное название Иоганнесбурга.

— Это, должно быть, очень далеко. Долго туда добираться?

— Около двух недель. А вы куда едете?

— В Блантайр.

Я знал, что делаю глупости. Выдавать себя за ньяса можно, но нельзя надеяться, что этому поверит настоящий ньяса.

Поезд подошел к Крюгерсдорпу. Через окно втолкнули мой чемодан и одеяла. Я взял клочок бумаги с именами и адресами для меня. Поезд стоял, мерно попыхивая. Я выглянул в окно. Друзья все еще стояли на платформе.

— Африка! — сквозь шум донесся до меня салют, и я увидел кулак с поднятым вверх большим пальцем [1].

Я воспрянул духом. Этот салют был для меня лучшим напутствием.

Рассвет. Проезжаем Зерюст. Грозовые тучи нависли над охваченным борьбой районом. Здесь правительство ведет войну против жителей за то, что женщины отказываются носить с собой пропуска. Несколько месяцев назад Теннисон Маккивейн, Роберт Реша и я приехали сюда, чтобы написать рассказ для «Нью Эйдж», и увидели людей, подавленных полицейским террором и ошеломленных носящимися над ними военными самолетами. Правительство активизировало здесь свои действия. Люди покидали свои дома и бежали через границу в Бечуаналенд.

В семь утра прибыли в Мафекинг. Мы вышли, чтобы подождать десятичасового булавайского поезда.

Станция была заполнена горняками-сезонниками, возвращавшимися домой после окончания контрактов на рудниках Витватерс-Ранда. Конвоиры внимательно следили за ними, как пастухи за стадом. На рабочих были штаны, сшитые из лоскутков, горняцкие башмаки с подковами и сомбреро всех цветов — желтые, оранжевые, черные, красные. Неко-

[1] Возглас «Африка!» и кулак с поднятым вверх большим пальцем — приветствие Африканского национального конгресса (крупнейшая организация коренного населения ЮАС). **(Прим. пер.)**

торые носили мятые рубашки цвета хаки и были босы, а один из них был на костылях. Буханки хлеба, связанные по нескольку штук, лежали на земле.

Я вытащил из портфеля рыбу, жареный картофель и буханку хлеба и предложил человеку из Салима (его звали Моисеем Банда) закусить.

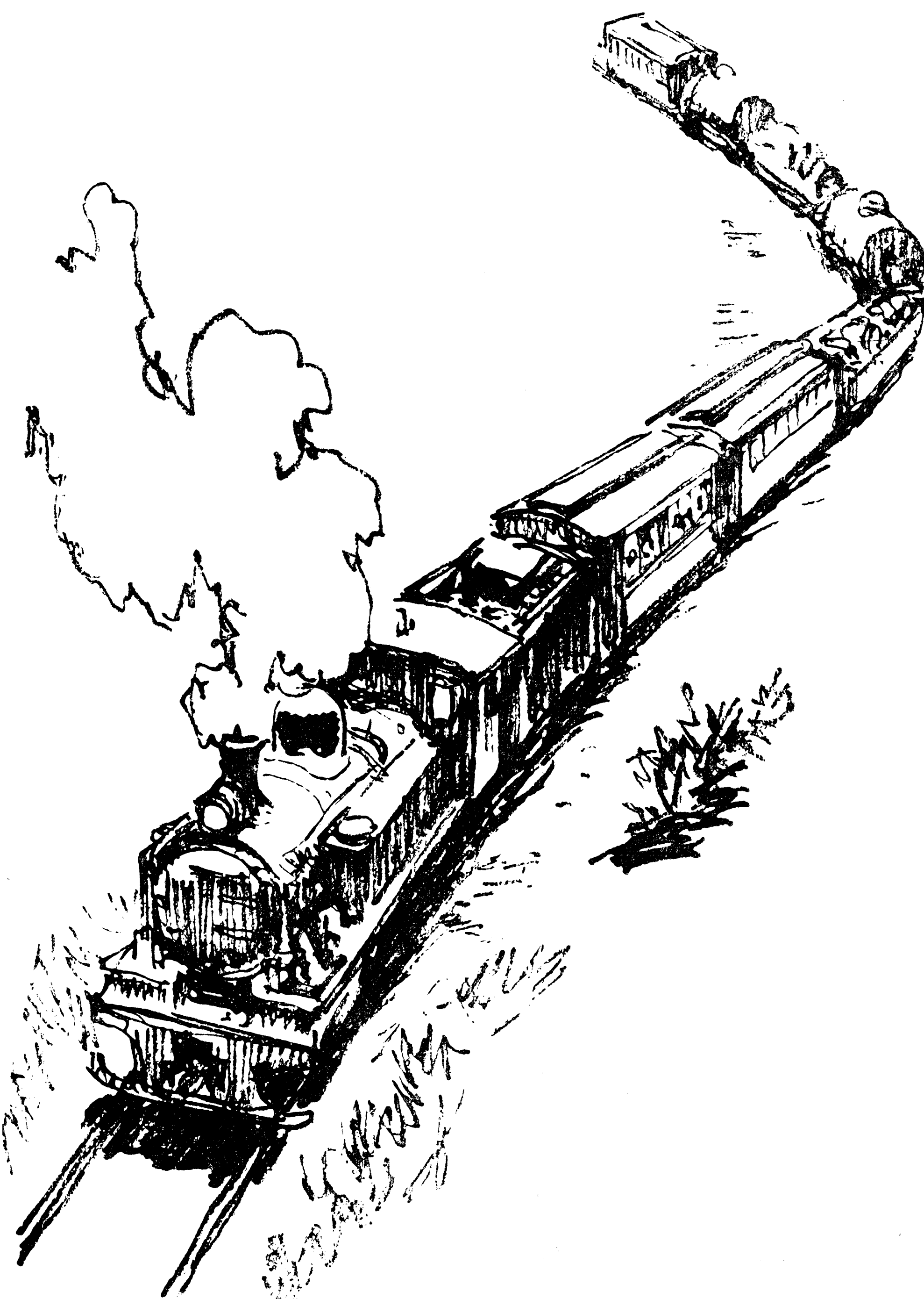
Станционный полисмен ходил взад и вперед по платформе среди горняков, изредка останавливаясь поговорить с конвоирами.

К нам подходил продавец, толкая перед собой тележку с различными товарами. Человек из Салима купил мыло и лезвия. Я тоже купил мыло и лезвия и уже хотел было взять купленные вещи с тележки, как вдруг...

— Не трожь! — закричал на меня продавец. — Не трожь! Подожди, пока тебе дадут.

Станционный полисмен направился к нам. Я потихоньку отошел к скамейке и загородился газетой.

Рев и гиканье оторвали меня от чтения. К станции подходил встречный поезд с горняками-сезонниками, которых отправляли на рудники. Окна были забиты черными лицами. Когда поезд остановился, ответные рев и гиканье раздались с платформы. Затем люди на платформе пришли в движение и полезли к окнам поезда. Угрозы, приветствия, насмешки — все это слилось вместе. Возвращавшиеся домой горняки задирали новичков, пускали в ход кулаки. Новички отвечали тем же. Станционный полисмен награждал их тумаками и затрещинами. Глаза горняков были полны страдания. Глупо, бессмысленно, ужасно. «Что сделали с несчастными людьми!» — думал я в отчаянии. А рев поднялся и упал, дикий, неопределенный, подавленный. Ругань и проклятия. Оплеухи и затрещины. Затрещины и насмешки.

Булавайский поезд пришел в десять. Сезонники подняли свои узлы на плечи и на головы и встали в ряд. В сопровождении конвоиров горняки направились к вагонам четвертого класса. Мы сели в третий класс. В купе нас было шестеро: кроме меня, ехали Моисей Банда, старик в очках, болезненного вида парень в дорогой шляпе, малый в рваном зеленом жакете и дешевой серой шляпе и старуха, ее звали Грэнни. За исключением машиниста и проводника, в поезде ехали только африканцы.

Поезд, покачиваясь, шел на запад. Мне очень хотелось знать, когда мы, наконец, достигнем границы Союза с Бечуаналендом. Земля становилась сухой и скучной, а трава и деревья — поблекшими и покрытыми пылью. Наш поезд трясся и покачивался, и мы тряслись и покачивались в нем. Мы смотрели в окна, время от времени поглядывая друг на друга. Никто не начинал разговора.

— Хе, — сказал болезненного вида парень в зеленой шляпе, — ньясалендский поезд!

С этого и начался разговор. Мы все стали жаловаться на медлительность поезда. Старик в очках сказал, что он едет уже несколько дней. Он был из Кейптауна и произнес два слова на кхоза — африканском языке, на котором говорят в этом городе.

— Человек работает только за плату на проезд, — сказал старик, захватив щепотку нюхательного табака в банке из-под «королевской обезвоженной пудры».

Мы согласились, что все мы работаем только за плату на обратный проезд домой.

Меня не спрашивали, что я собираюсь делать в Блантайре, и от этого я чувствовал себя легко. Но я с ужасом думал о границе. Если там уже знают о моем побеге, меня немедленно арестуют и вернут обратно. Поезд медленно покачивался.

Наконец мы пересекли границу. Никакого пограничного поста, ни проверки паспортов, ни таможни. Я — в Бечуаналенде. Один барьер взят.

В соседнем с нами купе ехал мужчина с женой и двумя детьми, которых он вез из Союза в Ньясаленд. Женщина и дети представляли жалкое зрелище. Дети были полуослепшие от грязи и безобразных болячек. Мухи роились вокруг их глаз, и женщина, затравленная и измученная голодом, даже не могла отгонять их.

На разъездах унылые женщины и дети, похожие на привидения в своих длинных бесформенных белых одеяниях, продавали какой-то до-

машний напиток в бутылках, чай, лепешки и куски сомнительного вида мяса. Цена была слишком высока для этого мяса, и мы, посовещавшись, решили не покупать его. Около полудня к двери подошел человек в фуражке проводника и, направив на нас носик большого металлического чайника, долго стоял молча, а затем пошел дальше. Оказывается, он продавал чай.

Остались позади Атлос, Артезиа, Габеронес, Пилейн... Иногда поезд надолго останавливался без видимой причины, белый машинист вылезал и усаживался на камень поболтать с другими белыми. Затем мы опять тряслись вместе с горняками, тракторами Масси-Харрис и цистернами с водой. Я долго стоял в коридоре, глядя на измученную жаждой землю, на скучные колючие деревья и на голые холмы.

Подошел человек, облокотился на окно.

— В Ньясу едешь? — спросил он.

Я кивнул.

— Собираешься раздобыть лошадиные амулеты?

Я неопределенно развел руками и пожал плечами, дав ему понять, что, возможно, я и ищу амулеты, которые приносят удачу на скачках.

— А, не говори мне — я знаю! Через два месяца у тебя будет лавка и автомобиль. Ньясалендские амулеты надежны, — сказал он с гордостью, — но не давай себя обманывать. Избегай городов. Не езди в Блантайр. Подальше от городов.

Мы подмигнули друг другу. Такова жизнь. Я нашел объяснение тому, что еду в Ньясаленд: да, я собирался покупать амулеты, приносящие удачу на скачках. Он все равно не узнает, что никогда в жизни я не был на ипподроме и не играл на скачках, так как нервы мои явно не годятся для этого.

В следующем купе ехала домой в Булавайо хорошенькая зулуска. Она танцевала прямо в коридоре, под два патефона, одновременно игравших в разных купе. Мужчины вздыхали, слушая патефонные пластинки, и говорили, что они уносят их «обратно туда», имея в виду Иоганнесбург, где, возможно, они никогда не были.

Болезненного вида мужчина забился в угол. Он возвращался из Союза обратно на родину в Ньясаленд.

— Когда вы уехали из Ньясаленда, сбали? [1] — спросил я.

— Давно, сбали. В 1952 году.

— Шесть лет назад! — сказал я. — Это много.

Старик обратил на меня свои очки в проволочной оправе.

— А я уже четырнадцать лет не был дома.

— Четырнадцать?

— Когда я уезжал, мой сын был младенцем, сбали. Сейчас он мужчина.

Я повернулся к Моисею Банда. Он уехал из дома шесть лет назад. Мвели, чахоточный, — шесть. Юноша Мойо — три. Старик — четырнадцать. Давно они не были дома.

В разговор вмешалась старуха.

— Я тоже из Салима, как и он,— сказала Грэнни, указывая на моего друга. — Вы можете найти там хорошую жену, — добавила она. — Только не в Блантайре. Тамошние женщины — обманщицы. Добирайтесь до Салима и берите девушку тонга. Она будет хорошей хозяйкой.

Я сказал Грэнни, что моя бабушка была тонга, как и она, и Грэнни быстро «женила» меня на ком-то, скорее всего на своей родственнице. Она пригласила меня провести несколько дней у нее дома. Теперь, с момента «женитьбы», Грэнни почтительно называла меня мквеньяна — зятем.

Потом Грэнни начала распекать юношу Мойо.

— Заблудишься ты, парень, — говорила она Мойо, который был занят тем, что придавал своей шляпе лихой залом. Эта шляпа была символом его мужественности, и весь день я наблюдал, как он возится с ней.

— Я не заблужусь. Я поеду автобусом от Лусаки до Мзимба.

— Этот ребенок заблудился, мквеньяна, — говорила Грэнни, обращаясь ко мне. — Он не знает, куда едет. Он говорит, что едет в Мзимба, но ведь этот поезд идет в Лусаку.

— Я не заблудился, — сказал Мойо с достоинством. — Я знаю, я ехал этим путем.

Мойо уехал из дома в 1955 году с группой других ребят. Чтобы избежать проверки пропусков в Пламтри, они прошли пешком по кустарниковым зарослям от Булавайо до Мафекинга. Это путешествие заняло у них месяц. Затем в Мафекинге они сели на иоганнесбургский поезд. Но Мойо не пришлось работать в Иоганнесбурге, городе его мечтаний, — его послали на ферму в Делмасе. Я спросил его, вернется ли он в Союз.

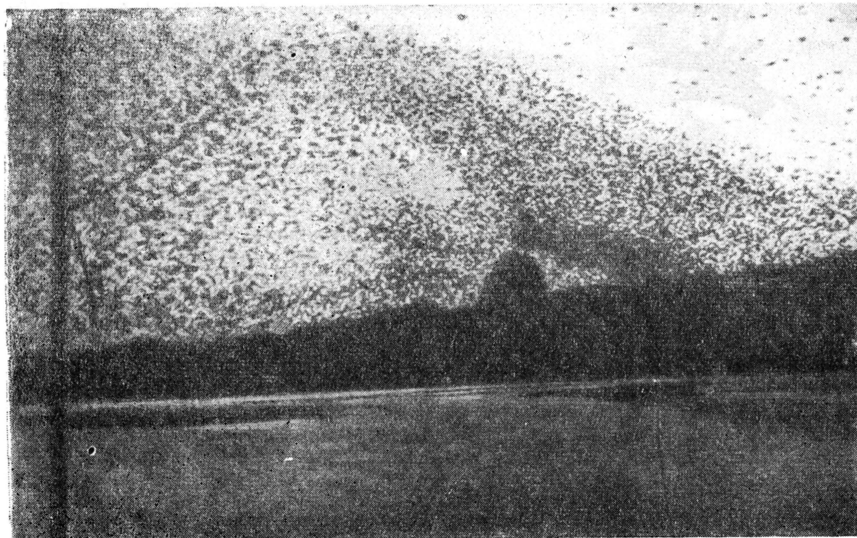
— Никогда. Устроюсь на работу в Булавайо, — ответил он.

[1] Вежливое обращение.

КВЕЛИИ И ДИНАМИТ

Африканская птичка квелия меньше нашего воробья. Но она держит в страхе земледельцев Кении и Судана, Сенегала и Танганьики. Едва солнечные лучи коснутся зеленых макушек деревьев, над лесом поднимаются черные тучи. Это миллионы квелий, покинув свои гнезда, летят завтракать на поля. Птичья стая буквально застилает солнце.

Когда-то квелии питались семенами многолетних трав, но, с тех пор как в тропических районах Африки расширились посевные площади, они предпочитают недозревшие зерна злаков. Орнитологи подсчитали: за несколько часов миллион квелий может опустошить 250 акров. Местные жители боятся этих маленьких птиц больше, нежели львов, змей и крокодилов.

С августа по октябрь квелии высиживают птенцов. Деревья и кусты в эти месяцы сплошь залеплены гнездами. Они превращаются в городки пернатых — на каждом дереве умещается до 400 глиняных гнезд.

Земледельцы целыми деревнями выходят на борьбу с квелиями: обламывают ветки с гнездами, убивают птенцов. Но можно ли уничтожить таким образом птичью колонию, которая раскинулась на площади в 150—200 квадратных километров?

В Сенегале французы подрывают гнездовья квелий динамитными шашками. Этот способ, конечно, более эффективен, однако вместе с вредными птицами гибнет и лес.

себе коренья? — спросил полицейский.

— Там множество знахарей... Вы спрашиваете, откуда они выкапывают коренья? — сказал человек, который возвращался домой. — Там бесчисленное количество знахарей, это верно.

Затем человек из Иоганнесбурга рассказал полицейскому о «законах о пропусках». Один садовник был взят за нарушение этих законов прямо в саду, где он работал, и жена долго искала его понапрасну. Слугу, который был послан в зеленную лавку, тоже забрали.

Женщина нашла обоих в полицейском участке.

— Говорят, что это прекрасный порядок, — сказал полицейский.

— Ну, тогда поезжай и убедись сам, — ответил человек, возвращавшийся из Союза.

— Нет, — сказал родезийский полицейский. — Мне и здесь неплохо.

Мойо вытащил свой чемоданчик из-под лавки и открыл его. Я заглянул внутрь. Там было старое одеяло, два или три разбитых карманных фонаря и на самом дне — несколько проросших картофелин. Он вытащил «Фармерз уикли дайэри» [1], огрызок карандаша и начал чертить зигзагообразные линии. При этом он издавал какие-то нечленораздельные звуки. Мне показалось, что я услышал, как он сказал «проклятый» на языке африкаанс, которому он, вероятнее всего, научился на картофельных полях. Затем он вынул свой билет и вопросительно поглядел на него. Мойо не мог даже прочитать, сколько он заплатил за проезд домой.

Мы приближались к Пламтри, где должны были проверять наши пропуска. Я беспокоился все больше и больше. Волнение побудило меня попросить моих спутников показать их пропуска.

Все пропуска отличались один от другого и от моего. Мне сказали, что мой вполне подойдет; он даже более внушительный, чем все остальные.

У Грэнни пропуска не было. Она разъезжала таким образом уже многие годы. «Придумывают всякие глупости», — так отозвалась она о пропусках.

В Пламтри родезийские полицейские в черных фесках и в больших черных ботинках прыгнули в поезд и потребовали предъявить пропуска. Я старался, чтобы моя рука не дрожала, когда я подавал свой документ. Полицейский взглянул на меня и вернул пропуск. Я едва не вздохнул с облегчением. Грэнни пристально смотрела на молодого полицейского.

— Какой пропуск? Я разъезжала без пропуска еще задолго до того, как ты родился! Ребенок, спрашивай пропуск у своих товарищей!

— В следующий раз не забудь пропуск, Грэнни, — сказал молодой полицейский, выходя из купе.

Итак, мы были в Южной Родезии. Кто-то прошептал по-зулусски: «Зишил». Это означало, что с кем-то случилась неприятность. Я выглянул в коридор и увидел полицейского, охранявшего дверь соседнего купе. Послали за белым чиновником. Человек, везущий жену и двоих детей в Ньясаленд, не взял пропуска для них. Меня охватил ужас. Теперь, вероятно, будет новая проверка пропусков и допросы. И нетрудно будет установить, что я вовсе не ньяса, который возвращается домой. Тогда меня арестуют и передадут обратно в Союз.

Но все обошлось — человек получил только предупреждение, его даже не оштрафовали.

Один из пассажиров начал с полицейским-африканцем разговор об условиях жизни в Союзе.

— Там нет ни кустика, ни травы,— говорил он. — Здесь по крайней мере можно спрятаться за куст. А там полицейский видит тебя за много миль.

Полицейский молча взглянул на кусты.

— Но там ведь есть ньянгас (знахари) — откуда же они добывают

В 12.30 мы добрались до Булавайо, города с дымящимися трубами, с шумными подъездными путями и депо. Я присматривался к местным манерам и безуспешно пытался быть похожим на «северянина».

Рабочие с рудников выстроились в цепочку, положив свои вещи на головы и на плечи. Конвой повел их вперед, и они тронулись, с трудом волоча ноги. Мы, «люди поверхности», таща свои пожитки, двинулись за ними. Моисей Банда отделился от меня. Ему нужно было получить вещи из багажа, и на это требовалось некоторое время. Он встал в другую очередь вместе с Грэнни. Я остался со стариком и Мвели.

Очередь медленно подвигалась вперед, а мое беспокойство росло. Но все время я убеждал себя, что если в Пламтри меня пропустили, то ничего не случится и в Булавайо... Я протянул молодому чиновнику-африканцу пропуск, не отводя глаз от его лица. Он бросил взгляд на пропуск, потом на меня. Копнулся в моей сумке, поставил на ней крестик, а потом еще один на узле с одеялами. Я поблагодарил его и подождал, пока пропустят Мвели и старика. Еще один барьер пройден.

(Окончание следует)

Сокращенный перевод
Ю. ТОМИЛИНА

[1] «Еженедельный дневник фермера».

Келабиты

В. ИСКОЛЬДСКИЙ

Высокие утесы с зазубренными вершинами вздымаются на горном плато, протянувшемся к югу от горы Муруд в северной части острова Калимантан. Каменные великаны поросли кустарником и лианами — кажется, природа специально обернула их в живую зеленую плетенку, чтобы сохранить навечно.

Утесы в самом деле заслуживают этого. Всмотритесь в проступающую сквозь листву сероватую поверхность камня. Вы увидите барельефные изображения гигантских птиц, терзающих человеческое тело. А вот на скале высечена жанровая сцена из быта охотников, изображение диковинного зверя. Кто создавал эти памятники культуры? Кто строил дольмены, встречающиеся в джунглях, сооружал сложные ирригационные системы, от которых сохранились сейчас лишь полузасыпанные каналы?

Строителями этих памятников были келабиты — коренные жители Калимантана. Еще в начале прошлого века на севере острова высадились английские колонизаторы. Постепенно они продвигались в глубь Калимантана. Так на карте появились британские колонии Саравак и Британское Северное Борнео, а также султанат Бруней, находящийся под английским протекторатом. Захватив лучшие земли под каучуковые и табачные плантации, пришельцы вытеснили келабитов и их соседей мурутов в заболоченные джунгли и высокогорные районы. Не легкой стала жизнь этих племен. Они скрывались от белых, чтобы избежать жестокой эксплуатации и непосильных налогов. Английские колонизаторы постоянно посылали в глубь страны полицейские экспедиции. В 1891 году один из отрядов карателей окружил ночью мурутскую деревню в верховьях реки Калабакау. Англичане перебили всех жителей деревни.

От многочисленного в прошлом племени келабитов осталось меньше 2 тысяч человек. В начале двадцатого века тысячи келабитов умерли от лихорадки и холеры.

Селение келабитов — это один длинный дом на высоких сваях. В нем живут все семьи, входящие в келабитскую общину. У каждой семьи свой очаг. Еще не взошло солнце, а женщины торопятся развести огонь. Разваренный рис и овощи — основная пища келабитов.

После завтрака мужчины спешат в поле, отправляются на охоту. Женщины собирают хворост, рушат рис в массивных деревянных ступках.

Келабиты отличаются высоким ростом, крепким сложением. Мужчины носят выделанную из коры деревьев накидку, расшитую витым узором. Бедра охватывают повязкой. Ноги ниже колен и запястья рук стягивают проволочные браслеты. Считается, что они укрепляют мышцы. Женский костюм состоит из короткой юбки и многочисленных украшений — бус и колец.

В северных районах Калимантана царит вечное лето, но погода неустойчива — засуха сменяется проливными дождями.

Календарь келабитов основан на прилете и отлете птиц, укрывающихся на зиму на острове. Келабиты подметили, что птицы прилетают в строго определенной последовательности. Первыми появляются стаи желтых трясогузок, позже всех — бледный дрозд. Появление желтой трясогузки знаменует начало сельскохозяйственного года. Рис лучше всего родится, если его посеять в течение первого лунного месяца со дня прилета этой маленькой птички.

В месяц дрозда наступает жатва. Следующая веха времени — отлет желтых трясогузок. Через две полные луны, после того как стая трясогузок устремляется на север, келабиты начинают готовиться к новому севу — очищают от кустарника землю, восстанавливают систему орошения.

Келабиты — искусные земледельцы. Они орошают поля с помощью сложной системы больших и малых каналов. Каждое поле делится на гряды, на них высаживается по 200—500 саженцев рисовой рассады. Земля на грядах взрыхляется острыми палками, каждый комок разминается руками. Между грядами — маленькие канавки с проточной водой.

Рисовую рассаду сажают все взрослые члены семьи. В этот период многие переселяются из общего дома на поле и живут в небольших временных хижинах. Женщины пропалывают поле от сорняков. Мужчины строят вокруг поля бамбуковый забор с ловушками для защиты будущего урожая от птиц и зверей. Особенно много хлопот доставляют пернатые вредители. По полю ходят сторожа с трещотками. Тут и там, отпугивая птиц, размахивают длинными крыльями ветряные мельницы, издающие громкий скрип и скрежет.

Наконец наступает пора жатвы. На уборку выходят всем селением. Каждое растеньице срезается небольшим ножичком. Тяжелый труд! Но в поле никогда не смолкают песни.

После уборки риса поле засаживают бобами. Затем некоторое время земля отдыхает.

В свободное от сельскохозяйственных работ время женщины плетут циновки, варят легкое рисовое вино — борак. Мужчины охотятся. Охота считается почетным занятием. Если юноша добьется удачи, он получает право называться мужчиной и меняет прежнее имя на более звучное: «Тигр», «Небесный носорог».

Главным оружием келабитов на охоте до сих пор остается духовая трубка. Английские колонизаторы, опасаясь вооруженных восстаний, запретили продажу охотничьих ружей коренному населению.

Немногие мастера владеют искусством изготовления духовых трубок. Не так просто просверлить стальной спицей отверстие в двухметровом куске твердого дерева. Малейшая ошибка — и многодневный труд идет насмарку. Когда канал готов, сама трубка тщательно обстругивается и полируется.

Кроме духовой трубки и бамбуковой коробки с небольшими стрелами (некоторые из них пропитываются растительным ядом), охотники укрепляют за спиной корзину с запасом сырого риса и сменой одежды, завернутой в небольшую циновку для ночевки. На поясе у каждого — тяжелый нож, без которого в лесных зарослях не обойтись, да небольшая коробочка с табаком, трутом и огнивом. Питьевую воду в лесах вдали от рек и родников келабиты добывают из особой породы лиан с полым стволом, содержащим много чистой и прохладной влаги.

С первыми лучами зари охотники выходят на заранее выбранный участок. Келабиты устраивают тщательно замаскированные засады. На охотника, застывшего в засаде, набрасываются муравьи, пиявки, мириады москитов. Немалое терпение должен проявить келабит, чтобы не обнаружить себя неосторожным движением.

Искусно подражая крикам животных, охотники подманивают их к засаде. Духовая трубка поражает на расстоянии в несколько десятков метров, причем действует бесшумно. Охотник закладывает стрелу в заднюю часть трубки, прицеливается и, быстро выдыхая, посылает ее вперед. Хороший стрелок легко сбивает обезьяну с верхушки высокого дерева. Крупных животных охотники убивают стрелами с отравленными наконечниками. Мясо вокруг ранки тщательно вырезается.

Возвращение после удачной охоты — праздник для всей деревни. Зато вернуться с пустыми руками — значит надолго запятнать себя позором. Во время охоты келабиты собирают даммаровую смолу, камфару.

Келабиты не только охотники, но и рыболовы. Они ловят рыбу сетями, сплетенными из веток. Время от времени келабиты устраивают общую рыбную ловлю. Рыбу глушат, отравляя воду соком, который добывается из корней растения «туба».

Мужчины нередко отправляются для обмена собранных продуктов в соседние поселения. До самого недавнего прошлого деньги не имели хождения в глубинных районах Калимантана. В качестве меры стоимости использовались в основном три предмета: соль, борак и живые быки. Стоимость дневного труда человека приравнивалась к стоимости небольшого кулечка соли, весом около ста граммов. За такую порцию соли, которая добывается из соляных источников в джунглях, можно выменять одну циновку или один глиняный горшок.

Завершение уборки урожая, удачная охота или успешная меновая сделка отмечаются общими ночными празднествами. Все присутствующие приглашаются отведать легкого рисового вина, заготовленного в больших глиняных чанах. Исполнителей веселых пантомим сменяют певцы и сказители. Юноши затевают танец, во время которого танцор стремится как можно комичнее изобразить обезьяну, передразнивающую человека.

Такие празднества любят посещать английские журналисты. Они всегда охотно расписывают их, рассчитывая создать у читателей представление о веселой и беспечной жизни племен в английских колониях на Калимантане. Но они никогда не упоминают в своих репортажах о рекордно высокой детской смертности, о том, что на полмиллиона человек, живущих на территории Британского Северного Борнео, приходятся две больницы. Не пишут они об отсутствии дорог в глубинных районах острова, о почти полной безграмотности коренного населения. Об этом они умалчивают. Ведь эти факты противоречат заявлениям английской буржуазной пропаганды о том, что британские колонии на Калимантане процветают.

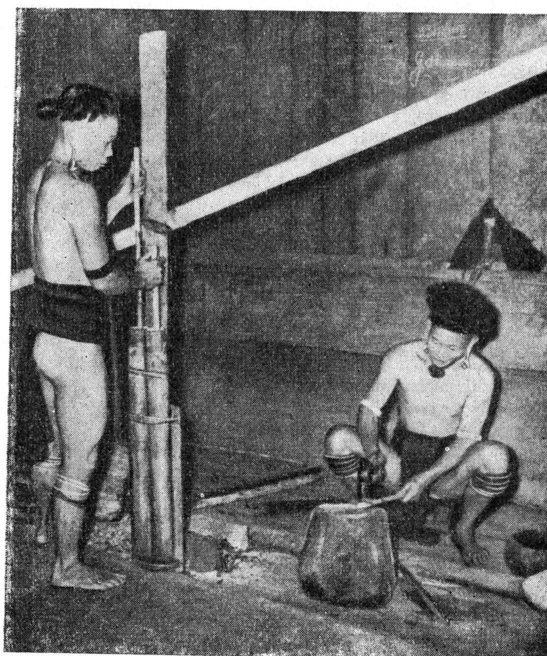

Соляной колодец в верховьях реки Трузан.

Подготовка к празднику. Юноши прежде всего заботятся о своих прическах.

В этой маленькой кузнице изготовляются мечи «паранги», незаменимые на охоте.

Высокое напряжение

В ДЖУНГЛЯХ

ПАМФЛЕТ

В. ЧИЧКОВ

Рисунки В. КОНСТАНТИНОВА

«Нефть и деньги!» — эти слова уже давно сплелись в сознании мистера Хипкинса. Когда он слышит слово «нефть», его фантазия рисует деньги; когда он размышляет о деньгах, перед глазами — нефтяные скважины, насосы-качалки, нефтеперегонные заводы.

Нефть и деньги привели мистера Хипкинса в венесуэльский город Маракаибо. Влажная жара приносит здесь немало огорчений, но зато в этом городе сладко пахнет нефтью. Нефть встретишь везде: она сочится из земли, как вода на болотном лугу, фонтанирует со дна озера Маракаибо.

Мистер Хипкинс и его компания загоняют нефть в трубы, и она течет и течет на север — в Соединенные Штаты. Там черное золото превращают в доллары. Истина проста: чем больше нефти, тем больше долларов.

Сегодня у мистера Хипкинса особое настроение. Агенты доложили, что в неисследованных джунглях на западе от Маракаибо открыты новые залежи нефти.

В этих диких местах никогда не ступала нога цивилизованного человека. На карте Венесуэлы этот район окрашен белой краской. Но... ведь речь идет о нефти. И мистер Хипкинс решил послать в джунгли экспедицию. Причем послать как можно скорее, чтобы не опередили другие нефтяные компании.

* * *

На рассвете город Маракаибо покидали два грузовика. Роберт Карр, доверенный человек мистера Хипкинса, вел экспедицию в джунгли. Сейчас он сидит рядом с шофером и тревожно вглядывается в дорогу.

— Не очень газуй! — иногда слышится сиплый голос Карра. — Шум нам ни к чему.

Грузовики миновали Центральную площадь, прогремели мимо католического собора, Биржи труда и, наконец, выбрались из города. Веселее загудели моторы, чаще замелькали километровые столбы.

Перед въездом на мост — застава.

— Буэна маньяна, сеньор! — приложив руку к козырьку, приветствует полицейский. — Куда направляетесь?

— В джунгли! — отрезает Карр. — Хотим стереть еще одно «белое пятно» на карте. Сделать съемку местности. Научно-исследовательская экспедиция!

— Разрешение!

Карр вынимает из кармана лист бумаги, сложенный вчетверо, и подает полицейскому.

«Данной экспедиции, — говорится в документе, — разрешается производить съемку местности в джунглях, западнее озера Маракаибо...»

— Эй, Франсиско! Посмотри, что у них в кузовах! — кричит полицейский своему коллеге, не выпуская из рук бумагу.

Франсиско лезет в кузов и обнаруживает там электрогенератор.

— Это зачем? — недоуменно спрашивает полицейский.

— Мы не можем без электричества, — говорит Карр.

— А это что такое? — полицейский увидел инструменты для бурения нефтяных скважин.

— Это воду добывать из земли. Без воды ведь не проживешь.

Полицейский махнул рукой и вылез из кузова.

— Ну как, Франсиско? — спрашивает коллега.

— А черт их знает! У них там напихано столько инструментов, будто они едут снимать весь земной шар. Но они ведь американцы! Они без сервиса не могут, им подай электричество и чистую воду!

Полицейский возвращает документ и козыряет. Карр едва заметно улыбается уголками рта. Дорога открыта!

Снова бежит шоссе. Наконец асфальт кончился, вскоре оборвался и проселок. Оборудование переложили с автомобилей на спины мулов и лошадей. По нехоженым тропам потянулись гуськом участники экспедиции в глубь джунглей.

Впереди проводник на лошади, с острым мачете в руке. Он рубит непокорные лианы, цепко обхватившие толстые сучья деревьев. За проводником на коне Карр. Даже здесь он не расстается с гаванской сигарой марки «Корона».

Девять других участников экспедиции, взвалив тяжелые рюкзаки на мокрые спины, устало плетутся, подбадривая себя размышлениями о хорошем заработке, обещанном мистером Хипкинсом.

В джунглях страшно. Опасность притаилась под каждым деревом, на каждом сучке. Тысячи подозрительных шумов преследуют людей. Покой пришел, лишь когда на небольшой поляне были разбиты палатки, установлен двигатель и на высоком столбе вспыхнула электрическая лампочка. Иногда в темноте джунглей показывались зеленые огоньки глаз любопытных хищников, но подойти близко звери не решались.

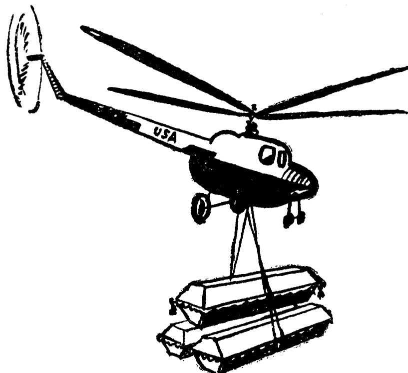
Через два дня американцы обжились на новой земле, и Роберт Карр, укрепив на поясе многозарядный

«кольт», важно прогуливался среди работающих моторов, чувствуя себя хозяином девственных лесов.

Может быть, важная осанка доверенного человека мистера Хипкинса так и не исчезла, если бы не индейцы. Индейцев никто не видел. Но они, увидев пришельцев, послали несколько стрел. Точен глаз жителей джунглей. Стрелы попали в цель.

Трое повалились на землю. Они бились в предсмертной агонии, спасти их не удалось. Стрелы оказались отравленными ядом кураре.

Мистер Карр выхватил «кольт», другие участники экспедиции достали автоматы. Началась беспорядочная пальба по джунглям. Палили без прицела — просто так, с перепугу.

Убитых американцев перенесли в палатки. Мистер Карр уселся перед рацией и дрожащими руками настроил ее на нужную волну.

— Алло! Алло! — голосил Карр. — Мистер Хипкинс! Мистер Хипкинс!

— Что случилось? — послышался, наконец, недовольный голос Хипкинса.

— Беда! У нас беда! — бестолково кричал Карр в микрофон. — Трое убиты.

— Перепились вы там, что ли?

— Индейцы убили. Отравленными стрелами. Я сворачиваю экспедицию.

— Не сметь! — грозно рычит Хипкинс.

— Нас всех перебьют, — взмолился Карр.

— Слушай меня! — властно гремела рация. — Нам нужна нефть. Передай оставшимся в живых, что «за страх» я увеличиваю плату на двадцать пять процентов. И сейчас же высылаю к вам вертолет.

— Зачем нам вертолет?

— Он привезет вам колючую проволоку. Огородите лагерь проволокой и пустите по ней ток. Понял? Убитых можете погрузить в вертолет. Мы похороним их как героев. Гуд бай!

* * *

Рано утром над джунглями застрекотал вертолет. Его ждали как манны небесной. Никто в эту ночь не спал. Все сидели с оружием в руках.

На землю сброшены мотки колючей проволоки. С земли в вертолет переправлены тела убитых американцев.

Обмен состоялся, и вертолет, как стрекоза, взмыл в небо и исчез. Люди на земле торопливо размотали проволоку и оградили лагерь. Затем по проволоке пустили ток высокого напряжения, над проволокой повесили прожекторы. Страх уменьшился.

Шли дни. Вгрызались в землю нефтяные буры. Американцы работали в касках, с автоматами на плече. Караулы зорко вглядывались в темноту джунглей и, не жалея патронов, пускали длинные очереди туда, где слышались подозрительные шорохи.

Наконец наступил торжественный день: на проволоке были найдены тела двух индейцев, убитых током. Под общее веселье тела принесли в лагерь. Мертвых индейцев рассматривали как диковинку. На них были набедренные повязки, за спиной колчаны со стрелами. На запястьях рук и на щиколотках ног — браслеты: на крепкую нить надеты какие-то высушенные плоды. Браслеты натянуты так сильно, что кожа в этих местах атрофировалась и огрубела.

На радостях открыли новые бутылки виски, рацию настроили на нужную волну, и в Маракаибо полетело экстренное сообщение.

* * *

Мистер Хипкинс широко шагал по кабинету с радиограммой в руке. Иногда он останавливался и выкрикивал:

— Возмездие! Победа!

— Шеф, — говорит один из сотрудников, — мы должны сообщить в редакции газет об этой победе. Пусть все знают!

— Правильно! — соглашается мистер Хипкинс. — Действуйте!

Дальнейшие события показали, что мистер Хипкинс принял роковое решение. Сообщение об убитых индейцах произвело в Венесуэле впечатление разорвавшейся бомбы.

Венесуэльцы стали клеймить позором представителей нефтяных компаний.

«Янки, убирайтесь вон из джунглей!» — кричали заголовки многих газет. — «Мы пустили вас добывать нефть, а вы занимаетесь уничтожением индейцев!»

В Каракасе и в Маракаибо состоялись митинги.

— Во мне течет индейская кровь, — взобравшись на трибуну, говорил молодой парень на митинге в Каракасе. — У всех у вас тоже, наверное, есть индейская кровь. Как же мы можем позволить дяде Сэму уничтожать индейцев — наших собратьев по крови?

На трибуне следующий оратор.

— Американцы называют индейцев варварами. Это неправильно, сеньоры! Варвары — это те, кто убивает индейцев электрическим током. Это делать нетрудно. Ведь индейцы не понимают, что такое ток. Правда, — оратор на минутку смолк, — теперь индейцы хорошо знают, что такое империалисты.

* * *

История завершилась неожиданно быстро. Мистер Хипкинс послал в джунгли три вертолета. На них погрузили оборудование и палатки. Участники экспедиции, поделив между собой трофеи — стрелы, браслеты, луки и набедренные повязки, — уселись в вертолеты и улетели.

И теперь, если вы спросите у венесуэльца, кто живет на землях западнее Маракаибо, он расскажет вам историю о колючей проволоке и с уважением добавит:

— Сеньор, там живут индейцы-антиимпериалисты!

Шерги — это страшные ветры, которые приносят в Марокко песчаную пыль — раскаленное дыхание Сахары. Они причиняют большой ущерб посевам, травам, лесам. Марокканцы говорят, что страшнее шерги только одно бедствие — колониальное иго.

В марте — апреле 1956 года Марокко стало независимым. Тяжелое наследие оставили молодому государству французские и испанские колониалисты: голод, нищета, невежество были уделом сотен тысяч марокканцев. Польский журналист М. Мажинский прислал в «Вокруг света» фотоочерк, который рассказывает о том, как независимая страна преодолевает последствия колониализма.

свет и хлеб

М. МАЖИНСКИЙ

ФОТООЧЕРК

Посмотрите, с каким старанием выводит буквы родного языка девятилетний Мохаммед бен Брахим, сын феллаха из окрестностей Герсифа. Пять лет назад лишь немногие дети марокканских крестьян могли посещать школу. А теперь за парты сели и дети и взрослые. Только за первые два года после провозглашения независимости Марокко число школьников в стране удвоилось. Четверть миллиона марокканцев обучаются на курсах ликвидации неграмотности. Подрастает первое поколение национальной интеллигенции — выпускники медицинского факультета Рабатского университета уже трудятся в самых отдаленных районах страны.

Марокко — сельскохозяйственная страна. 80 процентов ее жителей — крестьяне. Правительство оказывает помощь мелким землевладельцам.

Ведутся ирригационные и осушительные работы; участки на искусственно орошенных землях и на осушенных болотах раздаются крестьянам. В некоторых районах феллахи совместными усилиями расчищают от камней пустынные равнины, годные для посева. На снимке вы видите, как трудится группа феллахов в пустыне близ Сефру.

Колонизаторы не заботились о развитии марокканской промышленности. Они выкачивали из страны главным образом минеральные богатства, особенно те, которые для своей разработки не требовали крупных капиталовложений, — фосфориты и кобальт.

Правительство старается привлечь национальный и иностранный капитал к созданию промышленных предприятий. Ну, а пока приходится работать вот в таких примитивных, но зато построенных своими руками литейных...

Марокканская молодежь выступила инициатором создания «Дороги единства» — тысячекилометровой автострады, которая, пройдя через Рифский горный хребет, соединит средиземноморское побережье с центральной частью страны. Стройка началась в очень трудных условиях: каждый метр дороги приходилось отвоевывать у природы с боем...

САЛАМИНА

РОКУЭЛЛ КЕНТ

Рисунки автора

СУМЕРКИ

Темнота... Но то, что называют полярной ночью, скорее не ночь, а растянувшиеся на весь день сумерки: она наступает не столько вследствие увеличения периода темноты, сколько потому, что предрассветные и вечерние сумерки, постепенно удлиняясь, встречаются друг с другом. Когда в полдень сумерки, наконец, сойдутся, наступает полярная ночь.

Игдлорсуит обращен к северу, горы охватывают поселок с трех сторон. Даже летом солнце, проходя по небу, будто становилось на цыпочки, чтобы заглянуть через горы. Скоро это ему надоело. В середине осени началась наша «ночь». Но еще целый месяц мы жили, словно глядя из затемненного зала на освещенную сцену. Мы видели, как удлиняются тени и на горные склоны наползает долгое двухмесячное затемнение. Наступил последний день. Последняя вершина вспыхнула на мгновение и погасла. Настала полярная ночь.

Теперь не столько из-за темноты, сколько из-за других сезонных явлений, в их совокупности, у людей начинается период бездеятельности, от которой можно было бы сойти с ума, если бы долгая ночь и вправду действовала на психику так угнетающе, как об этом иногда говорят.

Море, их поле, лежит в родовых муках преобразования, и, пока не закончится его превращение в сплошной лед, у охотника лишь изредка появляется возможность покинуть сушу. Сумерки и бездеятельность. Прибавьте к этому угрозу голода, настолько реальную, что для наименее обеспеченных наступление его сдерживается только маленькими пособиями из обедневшей муниципальной кассы и в период моего кратковременного пребывания здесь — займами из банка. Эта угроза настолько реальна, что в соседнем торговом пункте, Нугатсиаке, к концу декабря многие жители были вынуждены съесть своих собак, камики и шкуры, покрывающие каяки. Всех этих трудностей вполне достаточно, чтобы вызвать у людей подавленное состояние. И все же зима здесь самое веселое время года, веселье растет с темнотой и достигает высшей точки в рождественские праздники.

Охотник.

ТЕМНОТА

Между сгущавшимися зимними сумерками и усиливавшейся мрачностью моих мыслей существовала связь.

На восточном берегу Гренландии рассказывают легенду о старике, отправившемся с сыном на юго-запад в поисках лучших мест для охоты. Они нашли такие места на западном берегу в тени гор. Время шло, и на старика напала тоска, как нападает болезнь. И дошло до того, что он стал думать только об одном: еще раз перед смертью увидеть, как солнце поднимается из океана. Тогда охотники отправились домой. Обогнув южный мыс, они достигли восточного берега и устроили здесь привал. Утром, проснувшись, старик стал смотреть, как солнце поднимается над океаном. И от радости умер.

Какое наслаждение сидеть дома и странствовать в мыслях. «Вот, — говорим мы, ткнув

Продолжение. См. «Вокруг света» № 2.

пальцем в карту, — вот сюда я бы хотел поехать. Здесь я стал бы жить». Кажется, нужна лишь свобода, какую могут дать деньги, чтобы отправиться чуть не в любое понравившееся место и жить там до конца дней своих.

Наша раса заполнила весь мир в поисках новых мест, нашла их, поселилась там. Но мало было среди этих эмигрантов таких, кто не боролся бы раньше или позже с тоской по родине. Для всего, что связано у нас с мыслями о родине, нет лучшего символа, чем солнце. В наших воспоминаниях оно занимает центральное место — такое оно теплое, такое яркое. Я старый путешественник, старый бродяга, ищущий все новых и новых мест: мне ли не знать, что значит каждый день ждать восхода солнца!

Ну, не самого солнца, так хотя бы его отсвета, отблеска на облаках, какого-то знака, что оно все же существует. И когда поздней осенью я перестал получать такие вести, когда шхуны, привозившие почту, уже не доставляли мне писем, когда, прислушиваясь, я не мог поймать шепота и уловить в нем свое имя, тогда, скажу я вам, мрак сгустился по-настоящему.

Саламина хорошо сознавала, насколько важно для меня мое солнце; я был окружен его изображениями. Мне приходилось часто рассказывать о нем, и Саламина и все наши общие друзья любили послушать о моем мире и его обычаях, о людях, его населявших. Это расширяло их горизонты; они познакомились с моими друзьями, с моей семьей, с моей фермой, с домом, с моими лошадьми и собаками. Им по-настоящему нравился мой семейный альбом. Встречаясь только с немногочисленными и знакомыми с детства людьми своего племени, гренландцы замкнуты в тесный круг; сведения о других людях и их жизни доходят к ним самыми фантастическими путями. Неудивительно, что всех их волновали рассказы очевидца о нашем мире. «Будь я богат, — сказал я, — я купил бы пароход, приехал бы за вами и забрал бы вас с собой на год». Этого срока было бы вполне достаточно, чтобы они стосковались по дому.

Оглядываясь из света на эти дни мрака, я с трудом верю, что так действительно было. Это был кошмар, да. А полярные ночи, господи, до чего они длинны!

Через двадцать четыре часа после того, как я не получил радиограммы, которую обязательно должен был получить, я начал задумываться. Это опасно. Через сорок восемь часов я недоумевал. Прошла неделя, и заработала моя способность воображать хорошее и дурное. Через две недели я отбросил — как все мы делаем — возможность хорошего и сосредоточился на самом плохом. Я перебрал все возможные страшные случайности, подбавил несколько невозможных ужасов, некоторое время возился с этими мыслями и, наконец, возвысил их до уровня наивероятнейших событий. В ноябре я был уже вне себя. Доставить телеграмму на радиостанцию в Годхавне! Мне казалось, что от этого зависит моя жизнь. Каким способом? Может быть, на юг из Уманака пойдет зимняя почта, но как пересечь пятидесятимильное морское пространство, чтобы добраться до Уманака? Никто не хотел ехать. Лучший во всем поселке гребец на каяке привел в порядок свое снаряжение, одолжил у кого-то водонепроницаемую куртку — собственной у него не было — и в течение двух дней наблюдал за погодой и морем, стоя на холме над гаванью. Потом сказал: «Нет». Деньги? Я предлагал крупную сумму. Но гренландец был слабо заинтересован в благосостоянии своей вдовы.

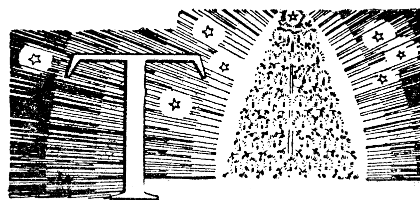
Тем временем день ото дня становилось холоднее, холод боролся с ветром, силясь заморозить море. Можно наблюдать, как замерзает океан, видеть, как он отвердевает. Вода кажется стеклообразной и малоподвижной, словно перед замерзанием она заметно густеет. И вдруг океан покрывается льдом странного вида, похожим на блины, края которых слились. Если день морозный и тихий, скоро образуется сплошной лед. Вы начинаете молиться, чтобы тихая погода удержалась. Один, два, три дня, уже неделя — все тихо. Лед в ноябре — вот удача! Охотники подправляют собачью упряжь, разминают заскорузлую сыромятную кожу, подтягивают потуже ремни на санях. С холма над гаванью наблюдатели ежечасно сообщают, что насколько хватает глаз на море сплошной чистый лед. Лед! Двери тюрьмы открыты, заключенные на острове могут свободно общаться с миром. Путешествовать, охотиться, работать. Освобождение обещает снова еду для всех и письмо из Америки для меня. Лед теперь на всю зиму, говорят молодые охотники; лед должен стоять всю зиму, говорю я. А старики покачивают головами и бормочут привычное «имака» — «может быть». «Завтра в Уманак?» — спрашиваю я Давида, каюра моей санной упряжки, когда он возвращается с холма. «Имака, — отвечает он, — или послезавтра, может быть».

Боже мой, когда же мы сможем выехать? А какой пришел следующий день! Ясный, тихий, морозный. Только угрюмые глубокие старики качали головой. Старое дурачье!

Небо постепенно заволакивали тучи; они, конечно, могли бы вызвать беспокойство, если бы не бурный оптимизм, царивший в поселке. Облачность и мертвый штиль — это могло предвещать просто снегопад. Нет, это предвещало бурю. Она бушевала всю ночь, в абсолютной темноте; она бушевала на следующий день. И когда в сумеречном свете полудня мы собрались на холме посмотреть, что она наделала, то увидели там, где был лед, открытое пространство взбаламученной воды.

Я уже говорил, что все это было кошмаром: я сам внушил это себе, закрыл глаза и заставил себя погрузиться во мрак. И все же это был такой полный мрак, что единственный испачканный листочек бумаги, принесенный мне в сочельник, засиял в этой полуночной темноте, как солнце. Взошедшее для меня солнце ярко светило на рождественских праздниках.

РОЖДЕСТВО

онким стволом рождественской елки служил бивень нарвала — сужающийся к концу скрученный костяной стержень в шесть футов высотой. Ветви были из проволоки, изящно изогнутой. Сердцевидные картонные листья были выкрашены в зеленый цвет; прикрепленные пучками на своих тоненьких черенках из пружинившей проволоки, они дрожали, как листочки осины. Елка казалась живой: она цвела яркими бумажными цветами. Она сверкала украшениями из фольги и пылала свечами. Елка была очаровательна.

Подарки завернули в папиросную бумагу, которую мы собирали вот уже несколько месяцев. Пакеты перевязали полосками цветной бумаги и красными ленточками от сигар. Подарков была целая куча.

Обед — мы готовили его в течение двух предшествовавших недель — состоял из (как бы это назвать?) целой бочки рагу. В него входили сушеная фасоль, сушеный горох, пеммикан, бекон, тюленье мясо, матак, разумеется, и мясо белухи. Рагу получилось вкусное. У нас были десятки хлебов, и мы наварили две бочки пива.

Саламина разоделась по случаю рождества. На ней был анорак из жемчужно-серого шелка, пояс в полоску, в цветах которого преобладал красный, новые штаны с великолепными аппликациями из кожи, новые камики — конечно, ярко-красные, красные серьги с подвесками и ожерелье из красных бус.

Праздничный наряд Елены[1] состоял из новых камиков и яркого ситцевого платья поверх ее одежды мальчика.

Я по случаю рождества обул новые камики необычайной красоты. Они были сшиты из тонкой черной тюленьей кожи; вверху шла кругом белая полоса в два дюйма шириной, с вышивкой по краю; спереди по голенищам тоже были вышитые полосы; узкий белый кант отмечал край завернутых снизу наверх подошв. Молодежь любит франтить. На мне был бумажный анорак бледно-голубого цвета; я подстригся и вымыл шею.

Все приоделись по случаю рождества; на гору к церкви поднималась шикарная процессия.

В полдень к нам в дом явилась премилая группа ребят: все они были умыты.

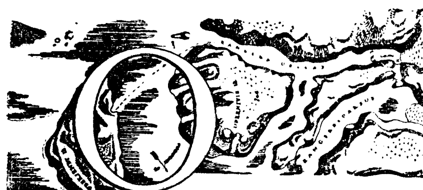
Получив конфеты и другие подарки и досыта поглазев на елку, дети вышли гуськом на улицу, и тут внезапно разразилось такое веселье, словно прошедшие двадцать минут они стояли затаив дыхание. Гренландские дети тихий народ, и они не становятся живее оттого, что родители тайком пугают их иностранцами — путешественниками вроде меня, или доктором, или начальником торгового пункта.

Взрослые — другое дело. Они могут испытывать к вам самые различные чувства: удивление, зависть, дружелюбие, презрение, но, отправляясь к вам в гости, они рассчитывают на пир и являются с хорошим аппетитом.

Как обычно, самыми веселыми были самые старые. Невольными нарушениями современного этикета, вызывавшими взрывы хохота у молодежи, или своей непринужденной радостью они поднимали настроение. «Айяя! — кричала Шарлотта, найдя среди своих подарков большую плитку табаку. — Куя, куя, куя!» Она разошлась — и никто не мог ее опередить. Если и она не вызовет оживления среди собравшихся, то уже ничто не поможет. Хорошо, должно быть, жили те, кто сейчас, ковыляя к могиле, распевает: «Спасибо!»

Пообедавших у нас гостей мы отсылаем пить кофе к Софье — блестящая затея, благодаря которой дом освобождается для следующей партии. К концу дня, когда темнота сгустилась, весь поселок стал ареной празднества. Не знаю, может быть, оно длилось и ночь, однако на следующий день оно было в разгаре. Едва мы успевали вернуться с кафемика в одном доме, как появлялся разодетый ребенок и приглашал нас в другой. Но хотя всюду сделали уборку и украсили стены доступными произведениями искусства — простыми газетными иллюстрациями в бедных домах и цветными рождественскими открытками и литографиями в богатых, — хотя снаружи висели самодельные бумажные гирлянды, а внутри у некоторых стояли самодельные деревянные елки, хотя все дома были иллюминованы свечами и снабжены — думаю, по очереди, — кофейными чашками и ложечками, и почти везде угощали пирогами, а в некоторых даже сигарами и сигаретами, короче говоря, хотя все было сделано, чтобы гости веселились, веселья не было. «Мы все разоделись, — казалось, говорил народ, — и не знаем, чем заняться». Вот вам сегодняшняя Гренландия.

В УМАНАК (ПЕРВЫЙ ДЕНЬ)

Около полуночи в сочельник — полуночи и для моей истерзанной собственными мыслями души — пришла, как я уже говорил, радиограмма. С той поры у меня была только одна мысль: ответить на нее, доставить телеграмму в Годхавн.

Одно из преимуществ Игдлорсуита перед большинством других поселений округа заключалось в надежности льда. Раньше или позже в начале зимы пролив неизменно замерзал, и море превращалось в большую дорогу к Нугатсиаку и фьордам материка.

Но в первые дни января, о которых мы рассказываем, этот кружной путь мало годился для путешествия, так как в фьордах еще не было льда. Я поднимался на вершину горы посмотреть, что происходит, но это не ускоряло дела: когда смотришь на горшок, он никогда не закипит и не замерзнет. Давид был моим оракулом.

— Завтра, — сказал он наконец, — мы трогаемся в путь.

Было прекрасное раннее утро, безлунное, но светившееся звездами и девственной белизной земли и замерзшего моря. Дымка снежной пыли, низко висевшая над землей, скорее чувствовалась, чем была видна. Сани уложены, собаки пойманы и запряжены. Готово? Пошел! Стремительным броском с горы вниз через ровный участок, через прибрежную полосу, с треском и толчками через нагромождения прибрежного льда выехали! Сани плавно скользят по равнине. Впереди из темноты возникает человеческая фигура: старый Томас осматривает свои удочки на акул.

— Инувдлуарна, Томас, — желаем счастья.

— Ивдлудло — и вам того же.

Темнота проглатывает его, мы одни. Высоко вверху, позади нас, к югу, северное сияние машет рдеющим занавесом над снежными вершинами нашего острова.

Последуйте за нами — ибо вы, как и я, новички в путешествии по Арктике — и разделите со мной, если мне удастся заставить вас, удовольствия и тревоги, восторги и усталость, все, что испытываем мы в пути.

Нас двое — Давид и я; и еще семь собак. В Гренландии обычно двое мужчин не ездят на одних санях. Но у Давида нет собак, а я не мог и не хотел путешествовать один. Два человека при хорошей дороге — это для семи собак не груз.

Собаки сразу взяли такой аллюр, что я, решив бежать позади саней, скоро совершенно измотался. Когда я, задыхаясь, бросился на сани рядом с Давидом, я был насквозь мокрый от пота. «Ты схватишь смертельную простуду», — сказали бы вы всякому, кто был бы такой же мокрый и разгоряченный, как я. Почему-то там, на севере, не простужаешься. Просто делается холодно. Мне стало холодно, и скоро я снова был на ногах, снова бежал, снова разогрелся и взмок. Жарко, холодно, жарко, холодно. Черт с ней, с осторожностью! Мыслимо ли сидеть с таким пылом внутри? С такой телеграммой, какую я вез прижатой к груди?

До Кангердлугсуака было пятьдесят миль: оглянувшись назад, когда мы огибали мыс, мы увидели южное небо, освещенное дневным светом. Здравствуй, день! И прощай! Перед нами был мрак каньона. Мы въехали, и рядом с подавляющей грандиозностью горных обрывов сразу как будто съежились до размеров насекомого. Казалось, мы ползем. И действительно, мы почти ползли. Покрытую снегом равнину сменила ледяная поверхность, ровная, гладкая, без единого препятствия, как только что замерзший пруд. Молодой черный лед был едва прикрыт белым инеем; снег, подумал я; но это была соль, выделившаяся, как я предположил, при замерзании. Железные полозья саней скрипели, словно мы ехали по стеклу. Теперь мы оба должны были положиться на свои ноги.

Мы двигались уже несколько часов, большей частью пешком,

[1] Маленькая дочь Саламины.

рысью, по поверхности твердой и неподатливой, как бетонное шоссе. Мы были обуты в эскимосскую обувь — камики. Хотя в них есть подкладка из собачьего меха и вниз набивается трава, но при той нагрузке, которую несли наши ноги, камики служили недостаточной подушкой. Мы оба начали хромать. Но когда я пытался посочувствовать Давиду, он только ухмылялся.

— Аюнгулак, — говорил он и продолжал хромать дальше.

Тьма впереди была непроницаема; часы тянулись бесконечно, бесконечными представлялись мне и мили расстояния. Впереди нас на фоне неба виднелась громадная черная масса.

— Там, — сказал Давид, — мы устроим привал.

Не помню, как мы, наконец, добрались до места, и черная масса — скала высотой около тысячи футов — оказалась рядом. Дорога была усыпана упавшими с горы камнями, и мы думали: что, если глыба свалится сейчас? Мы миновали скалу и въехали в небольшую пещеру позади нее.

— Подождите здесь, — сказал Давид и скрылся в темноте.

Я зажег спичку и посмотрел на часы. Было девять.

Вернувшись, Давид сказал, что в пещере, где обычно устраивают привал охотники, мокро. Спать там нельзя. Нужно поставить палатку.

Я совсем не умел ставить палатку на льду. Глядя, как Давид привязывает собак, я понял, что надо делать. Он взял пешню и ловко вырубил глубокий клинообразный паз во льду. Несколько таких клиньев, несколько камней, валявшихся на берегу, и сани — мы быстро поставили палатку.

Я зажег примус, поставил на него кастрюлю со снегом. Через пять минут в палатке стало так тепло, что мы начали стаскивать верхнюю одежду.

Мы ели, — что едят в книжках об Арктике? — мы ели пеммикан. Я приготовил кастрюлю пеммикана с рисом. Мы наелись досыта.

— Давид, а где же ваш спальный мешок? (Я спрашивал его об этом еще перед отъездом. «Да, — сказал он тогда, — мешок есть».)

Давид ухмыльнулся.

— У меня нет мешка, — сказал он.

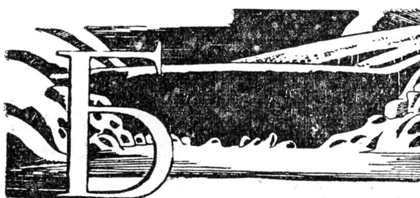
Насколько я мог заметить, у Давида всего было мало: не было спального мешка, не было мехов, очень мало одежды. Штаны из тюленьей шкуры, но под ними, вероятно, ничего, свитер и выношенный бумажный анорак, вязаная шерстяная шапка, сапоги. Вот и все. Ночь была морозная.

— Аюнгулак, — сказал Давид со смехом, — ничего.

Я отдал ему все, что только мог, залез в свой теплый спальный мешок из оленьего меха и задул свечу.

Замерзнет, бедняга, не заснет, думал я, лежа в мешке. «Хррр!» — ответил Давид.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Было около девяти часов, когда на следующий день мы снова тронулись в путь.

В поисках подходящего места для того, чтобы выбраться на берег, мы набрели на замерзшую речку и двинулись вглубь по крутому склону. Странная это была езда! Мы трогались, теряли скорость, так как собаки начинали скользить. Мгновение сани держались на месте, в то время как собаки и мы отчаянно цеплялись за лед, затем соскальзывали назад; все кончалось злобным рычанием собак и людей. Наконец, привязав к саням бечеву, в которую впрягся один из нас, и взобравшись на крутой берег речки, мы сумели помочь собакам. Преодолев крутизну, мы вышли на участок тонкого льда — оболочку, под которой было пусто, и, проваливаясь на каждом шагу, пошли по колено в воде по бегущему под этой ледяной коркой горному потоку. Дорога все время круто поднималась. Но эти трудности кончились у их источника, у озера, превратившегося в гладкую твердую снежную равнину. Собаки перешли на рысь, мы прыгнули на сани. Санная езда снова стала удовольствием.

Местность за озером была неровная: мы шли по извилистому ущелью, спускались вниз, поднимали сани, толкали их сквозь сугробы на склонах, все выше, выше. Господи, неужели это не вершина! Выше, выше, вершина наконец.

— Это вершина?

— Нет еще, — сказал Давид и кивнул головой в ту сторону, куда мы направлялись.

Я уже раньше видел этот изумрудный ледниковый обрыв.

— Разве мы должны взобраться на этот обрыв, Давид?

— Да, — ответил он.

Наш путь шел через ледник. Мое растущее благоговение перед способностями гренландских собак почти убедило меня, что собак заставят взбираться на нависший над нами ледяной обрыв; но у самого обрыва мы свернули в сторону. И все же в том месте, где собаки взобрались на ледник, подъем шел под углом почти в шестьдесят градусов. Со строением склона, скрытым от наших глаз снегом, мы познакомились на ощупь, руками и ногами; это была куча глыб, отколовшихся от ледника. То, что эта дорога на протяжении жизни многих поколений — люди давно пользовались ею в своих зимних поездках — не превратилась в пологий склон из человеческих костей, объясняется изумительными качествами гренландской собаки и ее хозяина. Вот этот подъем высотой в сто футов, из них шестьдесят невероятной крутизны. Мы взобрались на него.

Мы почти лежали ничком на этой стене и ползли вверх по снегу; в снегу опереться ногой было не на что, разве только на глыбы льда. Когда мы, наконец, достигли фьорда, было уже за полдень.

Давид, знавший эти ледяные пустыни, как мы знаем лужайку перед своим домом, опасался, хорош ли будет лед за мысом Акпатсиаит — выступом суши, ко-

Давид.

торый нам предстояло обогнуть, выйдя из фьорда. Лед был молодой, голый, все шло гладко, мы ехали, сидя на санях. Но это чувство облегчения мы могли бы сдобрить размышлениями о смерти, будь у нас к тому склонность. Лед был тонок. Настолько тонок, что Давид, всегда благоразумный, скоро слез с саней и пошел впереди. Лед прогибался под нашей тяжестью, длинная пешня при ударе проходила насквозь. Два дюйма? Может быть, три? Я не мерил. Но лед был тонкий.

Послушание гренландских собак в такие минуты производит сильное впечатление. Давид тихонько свистел, приказывая собакам остановиться. Они мгновенно останавливались и ложились, спокойно глядя, как он уходит вперед, в темноту. По сигналу, поданному почти шепотом, они опять вскакивали и направлялись вслед ему, и снова останавливались, повинуясь его тихому свисту. Мне абсолютно нечего было делать и, как я себя убеждал, не о чем беспокоиться под опекой Давида. Я растянулся на санях и вскоре задремал. Это был почти сон, пребывание на самой границе сна и сознания: в голове моей проходили цепью чудесные видения. Временами в полусне я видел неясные фигуры собак как двухмерные силуэты на светящемся темном фоне. Я не чувствовал движения. Мне чудилось, что собаки выстроились в ряд и пляшут передо мной. Но они представлялись мне человечками, а не собаками; чудными, похожими на гномов маленькими людьми. Когда мы нагоняли Давида, он нависал над нами как великан. Да, как видно, я сильно устал...

Но вот мы выбрались на крепкий старый лед, и вскоре показались огни Увкусигсата.

Куда мы денемся со всеми нашими пожитками? Куда нам пойти? Давид не сомневался, что мне будут рады в доме начальника торгового пункта, и направился туда. Когда мы вошли через калитку, дверь дома открылась, и начальник торгового пункта любезно встретил нас. С тех пор я много раз бывал гостем Флейшера и всегда встречал радушный прием. И все же, если не считать самого факта его гостеприимства и уверений его друзей, у меня нет оснований думать, что он хороший человек. Приличный, трезвый человек, хороший муж и все такое; не блестящий, не очень знающий свое дело, но честный, справедливый и порядочный—так мне говорили. Вот он перед нами: длиннолицый, мрачный. Я сказал, что он любезно встретил нас. Я солгал. Он любезно встретил меня. «Входите», — сказал он. А когда Давид сложил свою ношу в сенях, Флейшер закрыл дверь перед его носом и присоединился ко мне. У нас хоть есть кухонная дверь, в которую приглашают войти наемных работников. Впрочем, такие двери есть и в Увкусигсате, их там сколько угодно. Давид прошел через одну из них и, несомненно, сейчас уже сидел в облюбованной им кухне, рассказывая поселку новости.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Мучительный, но последний день, славу богу! Мы оба хромали от боли и смешно ковыляли за санями.

Хромающие, усталые люди, вымотавшиеся собаки и тьма, беспросветная тьма! Да что терзаться тем, что уже прошло! В десять часов мы достигли поселка, ворвались в него: собаки на последнем участке шли бегом, сани гремели, мы приосанились. Проснись, мертвый Уманак, прибыли первые сани с севера!

— Что это у вас с волосами?— спросил мой хозяин-датчанин, уставившись на меня, когда мы вышли на свет, и рассмеялся.

Мои волосы? Чем плохи мои волосы? Саламина подстригла меня вечером накануне отъезда.

«Сделай меня таким красавцем, — сказал я ей, — чтобы девушки в Уманаке влюблялись в меня с первого взгляда».

— Что с моими волосами? — ответил я хозяину. — Не знаю. Я не смотрелся в зеркало.

— Посмотрите.

Боги! Саранча или моль потрудилась над моими волосами и бросила работу, не закончив ее! Замечательная женщина Саламина, способная, по-деловому распоряжающаяся всем ей принадлежащим!

На следующее утро я уже был в конторе.

— Когда отправляется почта на юг?

— Со дня на день, скоро.

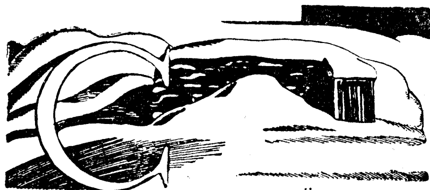
Я подал свою телеграмму. И с тем душевным спокойствием, какого достигаешь, лишь когда сделаешь все, что в твоих силах, и закончишь начатое, я вытянул ноги и откинулся на спинку стула.

...Мы направились прямо домой. Весь Уманакский фьорд уже покрылся крепким льдом. В полдень, оглянувшись на Уманак, мы увидели, что пик светится красным светом, как раскаленное железо. Солнце взошло.

Нелегка работа гренландки.

РАЙСКИЙ САД

Солнечный свет, освещающий все, лед, по которому можно ехать, работа, которую нужно делать. Работа моя — писать картины. Для этого я и приехал в Гренландию; благодаря этому, а может быть, ради этого я жил и чувствовал себя в одиночестве почти хорошо чуть ли не всюду. «Если человек, — сказал Сократ, — увидит что-нибудь, когда он один, он сейчас же отправляется на поиски и будет искать до тех пор, пока не найдет кого-нибудь, кому можно показать открытое, чтобы получить подтверждение своего открытия».

Так художник, творя в одиночестве, стремится выразить увиденное в такой форме, чтобы оно сохранилось, пока он будет искать и найдет своих друзей. Они подтвердят его открытие.

Открытия? Разве мы, писатели, поэты, скульпторы, художники, делаем открытия? Да, никто не может достигнуть большего. Лейф Эриксон, Магеллан, Кук, архитектор, построивший первую пирамиду, строитель первой арки, Гомер, Шекспир, Эвклид, Ньютон, Эйнштейн — все они открывают, раскрывают то, что было и есть: материки, законы природы, человеческую душу. Допустим, что бог создал Адама. Но открыть, словно впервые, как прекрасен божий Адам, должен был Микеланджело. И мы все вечно должны открывать, словно в первый раз, как прекрасны восход солнца, луна, ночь, равнины и горы, земля и море, мужчина и женщина, как прекрасна жизнь. И будем ли мы совершать свои открытия в привычном для всех нас родном окружении или на чужбине — в малоизвестных краях земли, мы найдем поле еще неисследованным, богатым нераскрытой красотой.

В Гренландии открываешь как будто впервые, что такое красота. Да простит мне бог, что я пытался эту красоту написать.

Я делал эти попытки непрестанно. Я прикреплял большой холст к стойкам на санях, как к мольберту, вешал мешок с красками и кистями на поперечину, клал палитру на сани. Поймав собак, запрягал их. Затем, после бешеного спуска с горы, проехав по береговому льду — неизбежное вступление к поездке, — я откидывался на оленью шкуру с небрежной ленью султана и отправлялся на свидание. Прибыв на место, я отпускал собак, устанавливал сани в нужном мне положении, раскладывал краски и кисти, принимался за работу. Чтобы рука, держащая кисть, не мерзла, я надевал подбитую пухом варежку без большого пальца; сквозь дырочку в ней я вставлял кисть и держал ее в теплых голых пальцах. Временами писать становилось очень холодно; казалось, что кровь застывает в жилах. «Это потому, — думал я, — что мы работаем головой; кровь расходуется на мозг». Лестная мысль.

Когда я хотел кончить работу, мне нужно было только поднять собак на ноги — они все время лежали неподвижно, повернуть их, покрикивая «эу, эу» (налево) или «илле, илле» (направо), аккуратно сбить их вместе, дав понюхать бич, чтобы подогнать отстающих, похлопать рукояткой по сапогу, чтобы они бежали быстрее, и мчаться домой.

В одну из таких поездок — я собирался только в Нугатсиак — я взял с собой Давида, пообещав ему разрешить пользоваться для охоты моими санями и собаками, пока я буду занят своей работой на берегу. Приблизительно в пяти милях от Нугатсиака находится остров Каррат. Башни и контрфорсы стен, высоко вздымающиеся на крутом склоне, придают острову величественный вид — вид большой крепости, охраняющей вход в волшебный край Умиамако. Мне уже давно хотелось устроить там стоянку и писать. Когда мы приехали в Нугатсиак и до моего слуха дошло, что на западной оконечности Каррата есть незанятый дом, мною овладела мысль, нельзя ли там остановиться. Я тотчас пошел к его владельцу, жителю Нугатсиака, вполз к нему, низко поклонился и остался стоять, склонив голову из уважения к его потолку и собственной голове. Потом я сидел с хозяином и его многочисленной семьей в одном из самых маленьких, низких, грязных и гостеприимных домишек, в каких мне приходилось бывать. Владелец с радостью разрешил мне пользоваться его карратским домом.

— Вам понадобится ключ, — сказал хозяин, — он торчит в замке.

То, что я отправился на другой день в Каррат с запасом провизии только до следующего утра, было просто глупостью. Едва я увидел закрытую с трех сторон долину, в которой стоял домик, и взглянул на открывающийся оттуда поразительный вид, как сразу решил побыть здесь подольше.

— Оставь меня здесь, — сказал я Давиду, — возвращайся в Нугатсиак, переночуй там, а утром привези мне еще холстов и еды: затем отправляйся куда хочешь охотиться — на пять дней.

Долинка, окруженная с трех сторон крутыми горными склонами и береговыми уступами, была хорошо защищена от господствующих ветров. Позади высились крепостные башни Каррата; впереди лежали гористые окрестности входа в фьорд Кангердлугсуак. Тот, кто поселится в таком месте, будет дышать свободно и глубоко.

Будь я один, не так легко нашел бы я этот дом, — до такой степени крохотными казались здесь вещи, сделанные человеком. Давид же, знавший это место, направил сани прямо туда, где начиналась долинка; работая бичом, погнал он собак вверх по крутому и высокому склону холма и остановился. На снежном холмике виднелась полоска дерна: это и был дом.

Нам понадобились всего одна или две минуты, чтобы расчистить снег вокруг низкого входа, повернуть ключ (хозяин оказался прав, дом был заперт), пройти по низеньким сеням из дерна и войти в дом. Мы попали будто внутрь ледяной пещеры, неясно освещенной волшебным холодным дневным светом, просачивавшимся сквозь снежный сугроб у окна и через занесенное снегом отверстие для печной трубы. Там, где сквозь это отверстие и бесчисленные щели в плоской крыше просочилась вода, висели громадные сверкающие сталактиты изо льда, что не так уж мне понравилось. А прямо под отверстием для печной трубы — печи не было — скопился лед. Стены, потолок, пол — лед, лед. Не вяжется с нашими представлениями о доме. Ничего, сойдет. Мы внесли вещи, я разжег примус, поставил на него кастрюлю со снегом, через двадцать минут мы уже пили кофе. Дом наполнился звуками капающей воды.

Давид стоял готовый к отъезду; я взял карандаш и бумагу и составил список вещей, которые мне понадобятся в предстоящие дни. Изложить мои нужды так, чтобы Павия понял, было нелегкой задачей: я дополнил свой убогий эскимосский язык художественными средствами. Затем, сказав Давиду, чтобы он привез несколько холстов из моих запасов, отпустил его.

Перевод с английского В. ЖИТОМИРСКОГО

(Продолжение следует)

ПЕСТРЫЙ МИР

САРАНЧА МЕНЯЕТ МУНДИР

Саранча с красными надкрыльями, словно облаченная в мундир английского королевского солдата, хорошо известна африканцам. В течение многих лет она терроризировала континент, совершая опустошительные налеты, с которыми по печальным последствиям не могло сравниться ни одно стихийное бедствие. В настоящее время благодаря усилиям многих африканских стран, создавших Международную службу защиты, налеты красной саранчи прекратились.

Но вот в Южно-Африканском Союзе появились разбойничьи орды бурой саранчи. Прожорливая хищница словно сменила яркий, бросавшийся в глаза мундир на маскировочную форму. Как свидетельствуют ученые, уничтожение красной саранчи «вдохнуло жизнь» в местный южноафриканский вид бурой саранчи. Стремительно размножаясь, она стала обращать в унылые кладбища зеленые оазисы сельскохозяйственных угодий. Скоро дело приняло столь угрожающий характер, что была создана государственная служба защиты. Служба защиты направляет самолеты с отравляющими веществами против крупных стай саранчи, которые уже нанесли полям значительный ущерб. Но это лишь ограничивает размеры стихийных бедствий, предотвратить же массовое размножение саранчи не удается.

Земледельцы живут в постоянном страхе за судьбу своего урожая.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

МИССИОНЕРЫ И ТЕХНИКА

Одиннадцать монахов и две монахини вступили в члены туринского аэроклуба, желая изучить вертолет.

Отнюдь не стремление срочно вознестись поближе к господу богу заставило «святых» братьев и сестер обратить помыслы к воздушному транспорту. Овладев современной техникой, священнослужители надеются проникнуть в труднодоступные районы порабощенных африканских стран, туда, где скрываются племена и народы, не желающие покориться пришельцам-колонизаторам.

«Дети божьи» проявляют немалую оперативность в методах убеждения непокорной паствы. Так, миссионеры все чаще вместе с молитвенниками и крестами берут на вооружение портативные радиоприемники с ограниченным диапазоном. Они принимают только те программы, что по своему содержанию угодны миссионерам и их непосредственным кредиторам — колонизаторам.

ЯЙЦО ПОПУГАЯ

В древнем африканском государстве Ойо (в Нигерии) правители властвовали до тех пор, пока их действия удовлетворяли народ. Но порой владыка начинал действовать во вред своим подданным. Тогда к правителю являлась торжественная делегация. В изысканных выражениях она благодарила правителя за труд и подносила яйцо попугая. На дипломатическом языке того времени это означало, что он обязан покончить с собой. Неугодный народу властелин находил в себе мужество освободить страну от своего присутствия.

Сейчас этот обычай, конечно, ушел в далекое прошлое. Но как не вспомнить о нем в наши дни, когда народы многих африканских стран получили независимость — поднесли «яйцо попугая» колонизаторам! Однако в наши дни этот ритуал справедливого возмездия отнюдь не сопровождался изысканными выражениями благодарности. Чужеземных владык просто вышвырнули вон.

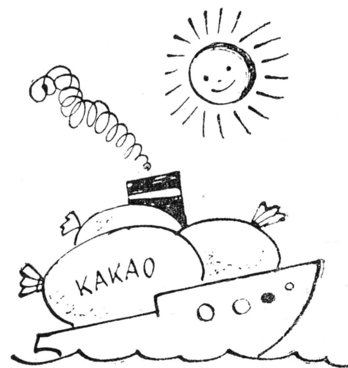

НУЖНЫ ЛИ ДОРОГИ В КАЛИМАНТАНЕ?

Площадь Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии всего только на одну пятую больше площади британских колоний на севере острова Калимантан, тогда как длина дорог с твердым покрытием в метрополии в двести раз превышает длину шоссе в этих колониях.

Единственная шоссейная магистраль в Брунее проложена в район нефтепромыслов, откуда английские колонизаторы ежегодно выкачивают миллионы фунтов стерлингов прибыли. В глубинных районах дорог нет совсем. Грузы здесь транспортируются на спинах носильщиков. Дневной труд местного носильщика оплачивается буквально горстью соли или несколькими мелкими монетами.

В период дождей вода затопляет межгорные низины на многие километры. Тогда сообщение между деревнями в глухих районах Саравака поддерживается с помощью хрупких бамбуковых мостов, переброшенных от холма к холму, а то и попросту подвешенных к стволам деревьев.

САМА ЗЕМЛЯ ПОМОГАЕТ

Впервые в истории Гана будет экспортировать какао из своей гавани, минуя Англию. Освобожденная земля будто «прочувствовала» это событие: с плантаций молодой независимой республики снят урожай в 324 тысячи тонн — **самый** высокий урожай за все время **их** существования.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

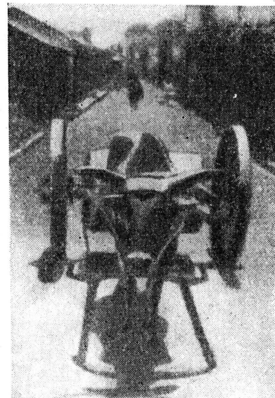
В разных странах есть проблемы, поставленные самой природой. Так, Голландия никогда не прекращает ремонта дамб, население Японии вместе со сводкой погоды внимательно слушает сообщения о состоянии вулканов, возможности землетрясения и т. д.

Республика Индия борется с целым рядом стихийных бедствий, которые считались непреодолимыми в период английского владычества, — эпидемиями инфекционных болезней, наводнениями.

Не меньшую опасность представляет и так называемое «наступление джунглей». Тропическая растительность постоянно грозит поглотить возделанные человеком посевы, непроходимые заросли дают приют обезьянам, опустошающим поля, и хищникам, нападающим на людей.

Недавно правительство Индии отправило в штат Бихар большую экспедицию, которой поручено уничтожить хищников, угрожающих селениям.

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Снимок сделан недавно в главном городе Кении — Найроби. Здесь, как и всюду в колониальных странах, два мира. Современные заправочные бензоколонки — для автомобилей колонизаторов, воловьи повозки — единственный вид транспорта для местного населения. Так же уныло тащились воловьи повозки несколько столетий назад, так же тянутся они и теперь. Десятилетия «цивилизаторской миссии» колонизаторов не изменили в этой картине ни одного штриха.

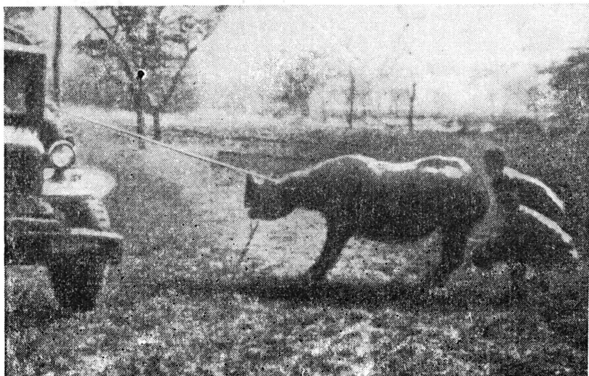
РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЯЗЫКА

Долгое время Индонезия была колонией Голландии, а во время второй мировой войны она была оккупирована Японией. Длительное иностранное влияние мешало формированию национального языка. Сейчас наиболее распространен в Индонезии малайский язык — на нем объясняется около восьми процентов индонезийцев. Остальное население, разбросанное на трех тысячах островов, говорит на двухстах диалектах.

Одна из основных проблем, стоящих перед индонезийским правительством, — создание единого языка. Этим занимается специальная «языковая» комиссия. Цель ее — разработать единый вариант «совместного» языка, общего для Индонезии и Малайи. На каждом своем заседании комиссия утверждает несколько новых слов или понятий.

Спасите носорогов!

В национальном парке Руанды истреблены богатыми туристами все носороги. Чтобы поднять престиж заповедника, приходится насильно переселять туда этих ценных животных. Их ловят в западном районе Танганьики, отделенном от Руанда-Урунди рекой Кагера. Ниже вы видите сцену поимки детеныша. Его отогнали от матери и, накинув на шею лассо, подтягивают к автомашине. Это не единственный способ, применяемый ловцами носорогов. Охотники необдуманно увлеклись транспортировкой толстокожих под наркозом. Они стреляют в них пулями, начиненными никотином. Этот способ удобнее и проще. Но под толстой кожей носорога бьется нежное сердце. И через некоторое время после водворения в заповедник носороги погибают от паралича.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

В 1865 году на тихоокеанском острове Уполу была война. Туземцам требовалось огнестрельное оружие, и немцы предложили его в обмен... на землю. Приобретение земли в обмен на оружие приняло характер горячки: с 1869 по 1872 год около 100 тысяч акров земли перешло в руки белых. А теперь немцы заявляют претензии на 202 тысячи акров земли, англичане — на 357 тысяч. Если удовлетворить хотя бы требования немцев, то для 20 тысяч жителей острова Уполу остается только половина их земли.

„Вокруг света“, год 1886

Борясь с рабовладением в некоторых африканских племенах, французское правительство основало в своей колонии Гвинее свободные деревни, куда бежали рабы туземных князей. Однако в последнее время, убегая от своих господ, рабы стали попадать в еще более тяжкое рабство колониальных чужеземцев. Оказывается, французские чиновники, пользуясь полной безнаказанностью, становились сами рабовладельцами. Туземцы-рабы, с великой опасностью спасаясь в «свободные деревни» французских колоний, попадают в объятия нового рабства. Французские чиновники считают спасающихся рабов своей неотъемлемой собственностью и становятся их полными господами.

„Вокруг света“, год 1907

Вождь индейского племени сквамишей Жозеф Капилино, преодолев трудный путь через океан, явился из Канады с жалобой к английскому королю Эдуарду. Он сообщил о произволе канадских чиновников и незаконном захвате земли колонизаторами. Обладая «мягким характером», король Эдуард заверил парламентера в том, что жалоба его будет рассмотрена по справедливости. Вернувшись в свой вигвам, Капилино созвал вождей различных племен и заявил: «Великий Белый король вернул нам все земли, горы и воды, принадлежавшие нашим отцам». Индейцы решили возвратиться на свою землю. Но путь им преградила королевская полиция. Ссылка на обещание Белого короля не помогла. Полицейские выполняли раз навсегда отданный им приказ: краснокожий, обнаруживающий малейшее поползновение на независимость, должен быть посажен под арест. Так хозяева Канады узнали цену слову Белого короля.

«Вокруг света», год 1908

В самой узкой части Малаккского пролива, на перекрестке морских путей, ведущих из Индийского океана в Тихий, расположен остров Сингапур.

Население острова вместе с народом Малайи, с которой Сингапур связан историческими и экономическими узами, с давних пор вело борьбу против британских колонизаторов, поработивших этот богатый край. В июне 1959 года английская колония Сингапур была провозглашена автономным государством в составе Британского содружества наций. Но в ведение сингапурского правительства перешли лишь вопросы внутреннего самоуправления. Оборона, внешние сношения, а также вопросы «внутренней безопасности» остались в руках англичан. Значительная часть острова оккупирована английскими войсками, здесь сохраняются британские военные базы и в соответствии с планами СЕАТО строятся новые.

Мало изменилась и жизнь простых сингапурских тружеников. В Сингапуре насчитывается более 30 тысяч подростков, ради куска хлеба готовых на любую работу, очень много безработных и среди взрослых. Об одном будничном утре города Сингапура рассказывают рисунки художника А. Тарана, побывавшего на этом острове.

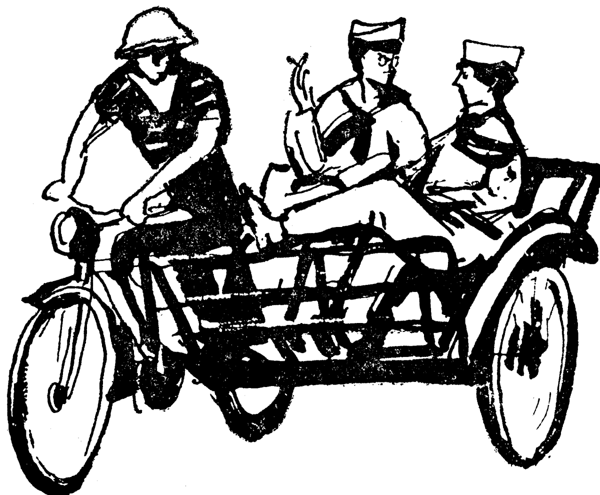
Тени

Изоочерк А. ТАРАНА

Опустела залитая огнями площадь Паданг. Не слышно шагов на разноцветных плитах набережной Кольер. Застыли в молчании здания банков, компаний, контор. Легкий ветерок разносит пьянящий аромат цветов. Спит Сингапур...

Спит, примостившись на скамейке, и эта женщина. Тысячи бездомных проводят ночь вот так — прямо на улице. Время от времени их будят пин-

ки полисменов, и тогда приходится перебираться в другое, более укромное место.

Медленно, как бы нехотя, рассеивается тяжелый туман, нависший над городом. За длинными рядами сампанов, забивших небольшую речку, показались белоснежные громады небоскребов. Сингапур встречает утро.

Первым просыпается трудовой Сингапур, город узких и грязных улиц с разваливающимися от старости домами, с сохнущим на бамбуковых шестах бельем.

По центральным улицам велорикши везут ранних пассажиров. Велорикши в Сингапуре — самый дешевый вид транспорта. А для американских моряков это к тому же и экзотика...

Сингапура

Спешат на работу портовые грузчики, рабочие доков, каучукового и оловоплавильного заводов. Уже на ногах старый кули. Сколько тонн груза перенесли за долгие годы эти плечи! Давно истлела рубашка на истощенном теле, давным-давно просят отдыха тяжелые, перевитые вспухшими венами руки.

Занял свое место и уличный торговец. Его «магазин» умещается на простыне. Часы работы — до появления первого полисмена, а покупатели такие же бедняки, как и он сам.

ЭМИЛЬ ГОЛУБ — ЧЕХ из АФРИКИ

Л. ЯКУБОВИЧ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

Было это почти семьдесят лет назад. Залы промышленного дворца в Праге, павильоны, прилегающий парк заполнены народом. Есть на что дивиться пражанам: под капризным апрельским небом в центре Европы раскинулась африканская деревня. Тростниковые хижины-тукулы, жилище вождя племени, отравленные стрелы, щиты из кожи буйволов и носорогов, огромные ступы и барабаны, шкуры неведомых хищников, фигуры людей в набедренных повязках и с ожерельями из зубов диких зверей — все это привлекало внимание и заставляло без устали повторять одно имя: Голуб, Эмиль Голуб.

Это он, чешский врач, собрал гербарии и коллекции насекомых, украшения и орудия труда, маски и посуду, шкуры крокодилов и чучела птиц. Это он, проникая в далекие уголки «таинственной, опасной, дикой» Африки, принес людям весть о развитой самостоятельной культуре африканских племен, о богатстве и величии природы черного материка.

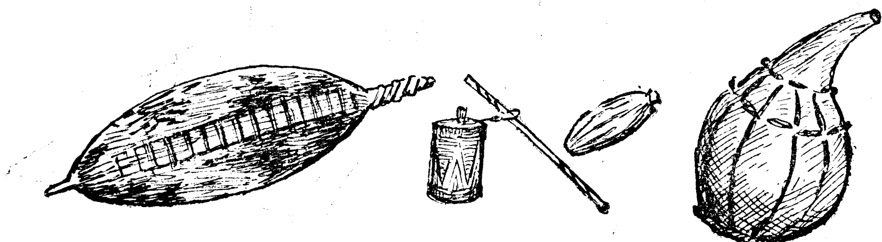
Труден и опасен был путь Эмиля Голуба. Потому что в ту пору лихорадочной разведки африканских богатств правительственными экспедициями, в пору жестоких колониальных захватов, Голуб был исследователем без высокого покровителя, исследователем, единственным богатством которого являлись знания, а верными проводниками — желание принести пользу человечеству и славу своему народу.

В августе 1872 года в центр алмазоносного района, в город хибар и палаток Кимберли, прибыл двадцатипятилетний чешский врач. Всего за полтора года до этого нашли здесь богатейшие алмазные россыпи, а «бриллиантовая лихорадка» уже забросила сюда тысячи и тысячи людей из разных уголков мира. В поисках богатства они вгрызались лопатами и кирками в землю, сгоняли негров с их земли, бичом заставляли работать на дне громадной «рукотворной» ямы Бич Холл.

Голуб не собирался искать алмазы. Он надеялся исполнить свою давнюю мечту — попасть в глубь Африки. Через несколько месяцев врачебной практики в Кимберли у Голуба накопилось немного денег, и он совершил свое первое путешествие по южноафриканской саванне.

И вот он отправляется в новую экспедицию. Позади остались река Вааль и знакомые по первой поездке места. Начались болота, и фургон, запряженный волами, не раз увязал в них.

Потом потянулась бесконечная равнина. Наверное, несколько месяцев не было здесь дождя. Сухая трава хрустела под копытами, пересохли колодцы и источники. Через несколько дней небо во-

круг стало серым, потянуло гарью: степной пожар кольцом смыкался вокруг горстки путешественников. Голуб решает: нужно прорваться через полосу горящей травы к глубокому оврагу — там пожар не страшен.

...Грузно проваливаясь в ямы, чуть не опрокидываясь, мчится запряженный волами фургон навстречу огню и дыму. Уже искры и нестерпимый жар подпаливают волосы, одежду. Начинает тлеть фургон, в котором сложены запасы пороха.

Задыхаясь от гари, путешественники гонят волов и лошадей в стену удушливого дыма — спасение только за ней, на дне оврага... И, наконец, изнуренные, обессиленные люди и животные буквально падают на землю. Наверху, в степи, все пылает; здесь сухо, но огня нет.

Выжженная, почерневшая степь с редкими лужами гниющей жижи легла на пути экспедиции. Настали тяжелые дни. Отряд, мучимый жаждой, едва мог двигаться. Но вот волы, почуяв воду, уверенно повели людей к источнику. Утолив жажду, запасшись водой, отряд готов был двинуться дальше. И тут огромная толпа вооруженных луками людей с воинственными криками окружила его; еще секунда — и воины бросились бы на пришельцев. Испуганные криками нападающих, волы метнулись в сторону, хрустнуло дышло. По сигналу Голуба его спутники разразились неудержимым хохотом. Воины застыли в изумлении. Голуб дружелюбно заговорил с ними, и скоро вся

деревня приветствовала экспедицию...

И снова все дальше в глубь страны бечуанов двигался отряд. Плоскую равнину сменяли холмы, на которых темнели редкие деревья. Стада коз и антилоп, зебры и жирафы, стаи журавлей и египетских гусей, непуганые, спокойные, подпускали путешественников совсем близко. По вечерам дневники Голуба наполнялись записями о растительности и животных, о нравах жителей и климате страны.

Однажды после долгого перехода через пожелтевшую от солнца полупустыню отряд вышел к селению на берегу пересохшей реки. Вождь племени встретил Голуба словами:

— О белый! Мы слышали, что ты знаешь волшебство исцеления. Излечи меня от мучительного кашля, и я щедро отплачу тебе.

Десятки чернокожих следили за тем, как Голуб готовит лекарство. Потом седовласый негр торжественно поднес вождю пузырек с лекарством, привязанный к концу шеста.

Лекарство помогло вождю, и скоро все больные племени устремились к врачу на прием. А на прощание Голубу подарили в знак благодарности большой самородок золота.

Чего только не приносили исцеленные пациенты: копья, кинжалы, страусовые яйца, музыкальные инструменты, трубки, буйволовые рога, сосуды из тыкв, ожерелья и многое другое. И взамен всегда получали от доктора бусы и ткани, ножи и иглы. А «гонорар» пополнял растущие коллекции экспедиции. Пожалуй, не было такого племени, где Голубу не предлагали бы остаться навсегда.

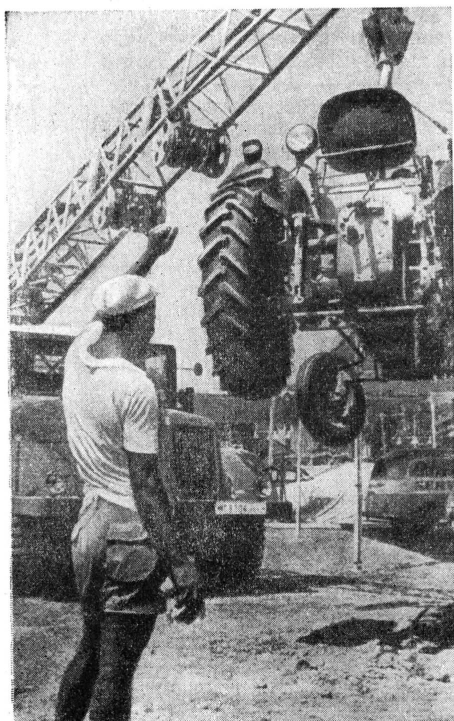
Почти полгода провели Эмиль Голуб и его спутники в дебрях Южной Африки. Но по возвращении в Кимберли его не ждали почести и лавры. Прежде всего нужно было расплатиться с долгами, снова начать лечить жителей Кимберли и — главное — готовиться к большому путешествию к Замбези, в район, почти неисследованный.

И снова — уже в третий раз! — выходит из Кимберли экспедиция под руководством Эмиля Голуба. Через Вааль, по крутому каньону реки Большая Марико к месту ее впадения в Лимпопо — Крокодиловую реку. Дальше путь лежал через неприветливую пустыню Калахари, мимо соленых озер к девственной долине у слияния рек Чобе и Замбези. На противоположном берегу, насколько видел глаз, простиралась «страна тайн».

Городок Шешеке на берегу Замбези надолго становится базой экспедиции. Голуб отправляется отсюда к водопаду Виктория, изучает окрестности. Здесь исследователь готовится к дальнейшему путешествию. Путешественник хочет добраться до истоков Замбези, потом выйти к атлантическому побережью Африки, к городу Луанда в захваченной португальцами Анголе.

Вверх по Замбези налегке, на трех пирогах движется отряд. Борьба с течением и водопадами, жестокие приступы тропической лихорадки не прерывают занятий Голуба — он тщательно наносит на карту острова, очертания берегов, расположение порогов. Но вот на одной из камен-

ДРУЖБА, НЕ ЗНАЮЩАЯ ГРАНИЦ

В самых глухих джунглях независимой Гвинеи знают и любят далекую Чехословакию. Это одна из социалистических стран, бескорыстно помогающих молодой республике. Чехословакия дает Гвинее машины, оборудование, товары широкого потребления. Чехословацкие ученые и специалисты проводят вместе с гвинейцами геологические изыскания, работают в области здравоохранения, просвещения и культуры.

Одним из звеньев, скрепляющих дружбу между двумя странами, явилась чехословацкая промышленная выставка в Конакри. На открытии ее присутствовала чехословацкая правительственная делегация во главе с министром тяжелого машиностроения товарищем Рейтмайером, который передал премьер-министру Гвинейской республики Секу Туре дар чехословацкого народа — трактор «Зетор-Супер».

Выставку ежедневно посещало более 10 тысяч человек. На ней побывали жители окрестных областей. В Конакри приезжали гости из соседних государств.

ных гряд перевернулась пирога с запасами пороха, медикаментами, едой, гербариями и коллекциями насекомых...

Изнуренный лихорадкой и неудачами возвращается Голуб в Кимберли. Два с лишним года проводит здесь путешественник, чтобы скопить деньги на доставку редкостных коллекций в Прагу.

Как победителя встречают тридцатидвухлетнего путешественника на родине. Его имя, его работы известны всей Европе. Английская пресса ставит книгу Эмиля Голуба в один ряд с дарвиновским «Путешествием натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». А сам Чарлз Дарвин присылает чешскому путешественнику приветствие. Многие географические общества избирают Голуба своим почетным членом. Выставки, лекции, выпуск книги «Семь лет в Южной Африке» — все это связывает он с подготовкой нового грандиозного путешествия.

Монархи крупнейших колониальных государств приглашают Голуба на аудиенции, награждают его орденами. Английская королева Виктория, бельгийский король Леопольд предлагают ему невиданно щедрые суммы на экспедиции. Но Голуб понимает, что за всем этим скрывается стремление захватить земли его чернокожих друзей, и отвергает предложения монархов.

Четыре года неустанного труда уходят на организацию хорошо оснащенной экспедиции. Голуб изучает географию и зоологию, ботанику и геодезию, геологию и тропические болезни. Из семисот кандидатов тщательно отбирает он шестерых умелых и закаленных спутников. Вместе с ними едет и жена Голуба, Ружена, показавшая себя стойкой, смелой, достойной своего отважного мужа.

Главная цель нового путешествия — пересечь Африканский материк с юга на север.

«Я стремлюсь не к тому, чтобы только пересечь Африку, — делится Эмиль Голуб своими планами, — я хочу шаг за шагом исследовать земли, по которым пройду, и, если мне это удастся, вернуться на дорогую родину с возможно более полными коллекциями». Задуманный маршрут в три раза длиннее маршрута экспедиции Стенли, которого сопровождали сотни вооруженных солдат.

В конце 1883 года начинается последнее африканское путешествие Голуба.

Английские колониальные власти с самого момента прибытия в Капскую колонию чинят препятствия экспедиции: они понимают, что чешский путешественник не будет служить им. Особенно усердствует английский колонизатор Сесиль Родс. Это он через несколько лет осуществит колонизацию Родезии — страны, исследованной Эмилем Голубом. Таможенники облагают багаж непомерным налогом. Месяцы проходят, пока экспедиция добирается, наконец, до Замбези. Многое изменилось здесь: там на месте деревни вырос город; а здесь вместо оживленного поселения золотоискателей — жалкие хибары; зеленые, изобилующие дичью долины стали безжизненными, только крокодилы по-прежнему кишели в Лимпопо. Потеряв всех волов, едва добирается отряд до Пандама-Тенку — последнего населенного пункта, нанесенного на карту. Здесь тоже перемены: племена, получившие от белых колонизаторов оружие, враждуют друг с другом.

Все чаще вспышки лихорадки в отряде. Умирает один из спутников Голуба, потом другой. Двоих, совершенно больных, отправляют обратно на родину. Остальные решают двигаться дальше.

За рекой Замбези еще не ступала нога европейца. В селениях жители окружают путешественников плотным кольцом, дивятся их белой коже. И снова Голуб становится врачом — за это вожди племен дают ему носильщиков, снабжают продовольствием. Но чем ближе к землям машукулумбве, тем несговорчивее носильщики. Машукулумбве не любят, когда кто-нибудь вторгается в их владения.

Их земли — обширное плоскогорье, покрытое пальмовыми лесами, посреди которого течет в болотистых берегах река Кафуэ. Эту область с опаской обошел отряд Ливингстона.

И все-таки экспедиция идет вперед. В селениях машукулумбве встречают экспедицию враждебно. Вожди распространяют слухи, что это враги из соседнего племени, окрасившие кожу известью, что в тюках пришельцев — несметные богатства. Даже талант врача не помогает: машукулумбве не принимают лекарств и с каждым днем становятся враждебнее. Однажды ночью с отрядом остается только двое проводников, остальные сбежали.

Через болота, сквозь заросли, в изорванной одежде, босые, голодные, выбираются остатки экспедиции Голуба. Спустя три недели выходят они к реке Замбези, где их восторженно как первых людей, вернувшихся от машукулумбве, встречают местные племена.

Однако местные торговцы не дают отряду Голуба ни грамма хинина, ни одежды. Больные, изнуренные, движутся путешественники на юг. Чтобы восполнить неудачу экспедиции, Голуб и его товарищи собирают гербарии, добывают чучела птиц и животных. За год пути они собирают огромную коллекцию фауны и флоры, коллекцию, далеко превзошедшую собранное Ливингстоном и Стенли.

И вот апрель 1892 года. Знаменитая выставка расстилает свои сокровища перед изумленным народом. Но буржуазия равнодушно взирает на них. А когда исследователь, ученый, путешественник предлагает выставку в дар Национальному музею, ему высокомерно заявляют, что места для всего этого не найдется.

Рушится мечта Голуба о новом путешествии. Отсутствие помещения и недостаток средств заставляют раздавать собранные сокровища музеям, школам, институтам. Только незначительные крохи былых богатств остались в Пражском музее.

Последующие десять лет, до самой своей смерти, читает Эмиль Голуб лекции о черном материке, пишет статьи и научные работы. Он остается верным своей нелегкой любви к страдающей, колонизованной, но непокорившейся Африке.

Б. ЖУТОВСКИЙ

ФОТООЧЕРК

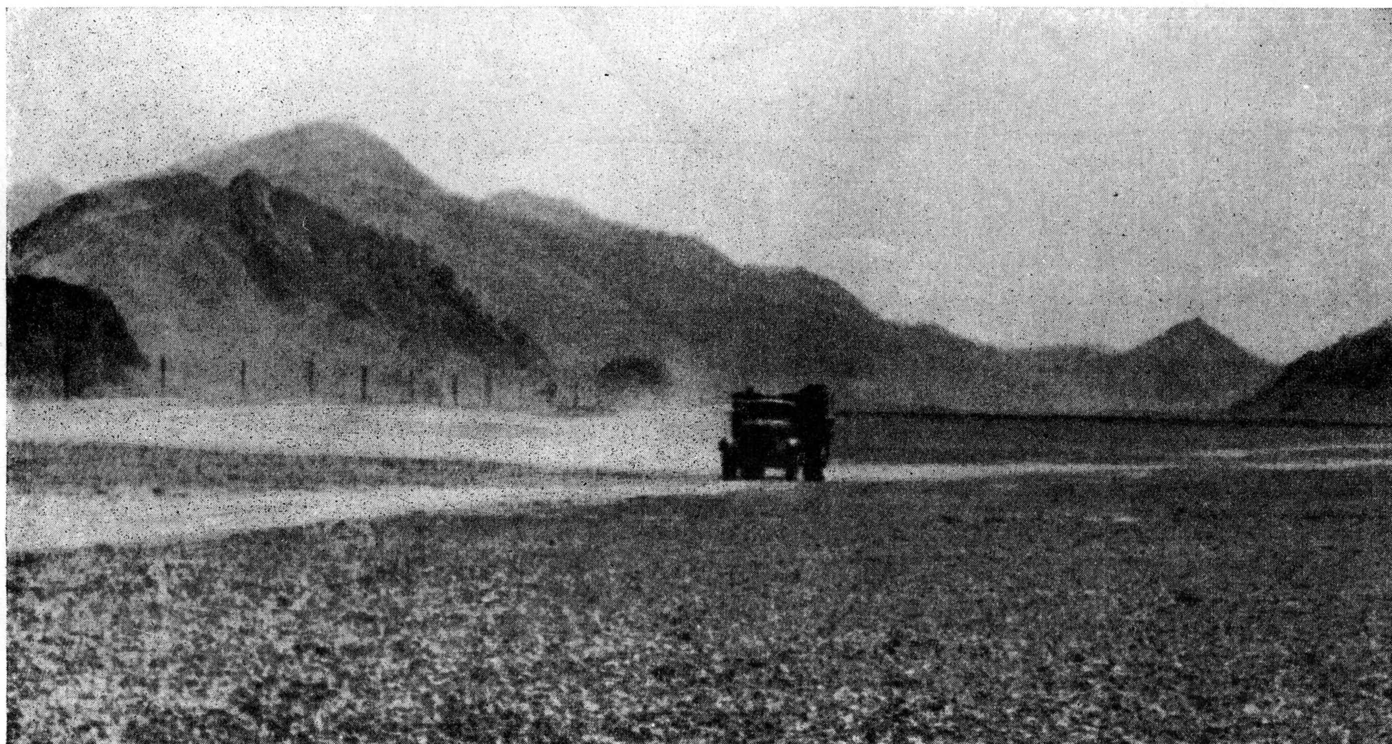
Солнце выкатывается из-за горы, и темнота убегает в урочища. Бледнеет клинок месяца. Утро сгоняет изморозь с черных камней, с карликовых кустов терескена, и морщинистая земля шелушится под первыми лучами солнца.

Мы в стране высочайших пиков, заоблачных перевалов, опасных троп. Мы на Памире. «Бом-и-Дуньо» («Крыша мира») — так называют Памир таджики.

Это был самый заброшенный уголок колониальной окраины царской России.

Шесть месяцев отнимала дорога из Средней Азии до памирского кишлака Хорог. Шесть месяцев пробирался караван по нависшим над пропастью оврингам —

ДОРОГА на „КРЫШУ МИРА"

карнизам из глины и щебня, укрепленным прутьями. Хорог — «столица» горного края. Несколько десятков глинобитных домиков, несколько сот жителей, обреченных на вечную, казалось, нищету и невежество.

Так было еще сорок лет назад.

Сорок лет — небольшой срок. Что он для древней страны, продремавшей тысячелетия? Две трещины на желтых рогах архара. Одна морщинка на лице гор.

Но эти сорок лет полны событиями, которые никогда не забудутся.

Памир помнит, как приземлился в Хороге первый самолет: недоступное стало доступным, далекое —

близким. Помнят горцы, как появились в поселке автомобили, как поднялись на «Крышу мира» строители, проложившие высокогорную автотрассу от Сталинабада к Хорогу. Шоссе рассекло неприступные скалы, соединило Памир — Горно-Бадахшанскую автономную область — с Таджикистаном.

Из года в год, из тысячелетия в тысячелетие, с редкими, как кишлаки в горах, дождями, почти не меняясь, существовали под горным солнцем черные и сухие урочища Памира. Тяжело поддавалась мотыге земля, ссыхалась, змеилась трещинами. Ослепительно черные тени лежали на ссохшейся корке — ярко светит горное солнце, сжигает все, что высаживают люди на склонах.

Памир не знал земледелия до тех пор, пока не пришли на помощь горцам советские специалисты, мастера урожаев.

Среди каменных гряд появились огороды. Заколосилась пшеница на полях. Нелегко было вырастить в горах эту культуру. Требовалось приложить много труда, знаний, настойчивости, чтобы привести воду на хлебные поля.

Кишлак Барушон долго жил без воды. Усеяны камнями улицы, даже в корни, стволы деревьев въелись камни. Где взять воду для кишлака, для колхозных полей?

Колхозные инженеры решили эту задачу. Там, в горах, еще выше кишлака, у самых вершин, они нашли озеро, полное талой воды. Если пробить канал, озерная вода оросит долину, придет и в кишлак. Но легко сказать — пробить! Не киркой же ломать скалы!

Бухают взрывы, мечется в пропасти бешеное эхо. Трасса канала — узкий желоб — медленно приближается к полям. На крутизне, над обрывами работают строители. Три урожая в год — вот цена их победы. Земля здесь щедрая, если ее напоить.

Иное время — иной темп жизни. Каждый день приносит для Горного Бадахшана много удивительных новостей.

Физики, которые, забравшись высоко в горы, «ловят» космические лучи, подвезли из Сталинабада мощный магнит. Вес его — семьдесят пять тонн. Об этом сообщают местные газеты. Об этом с гордостью говорят памирцы.

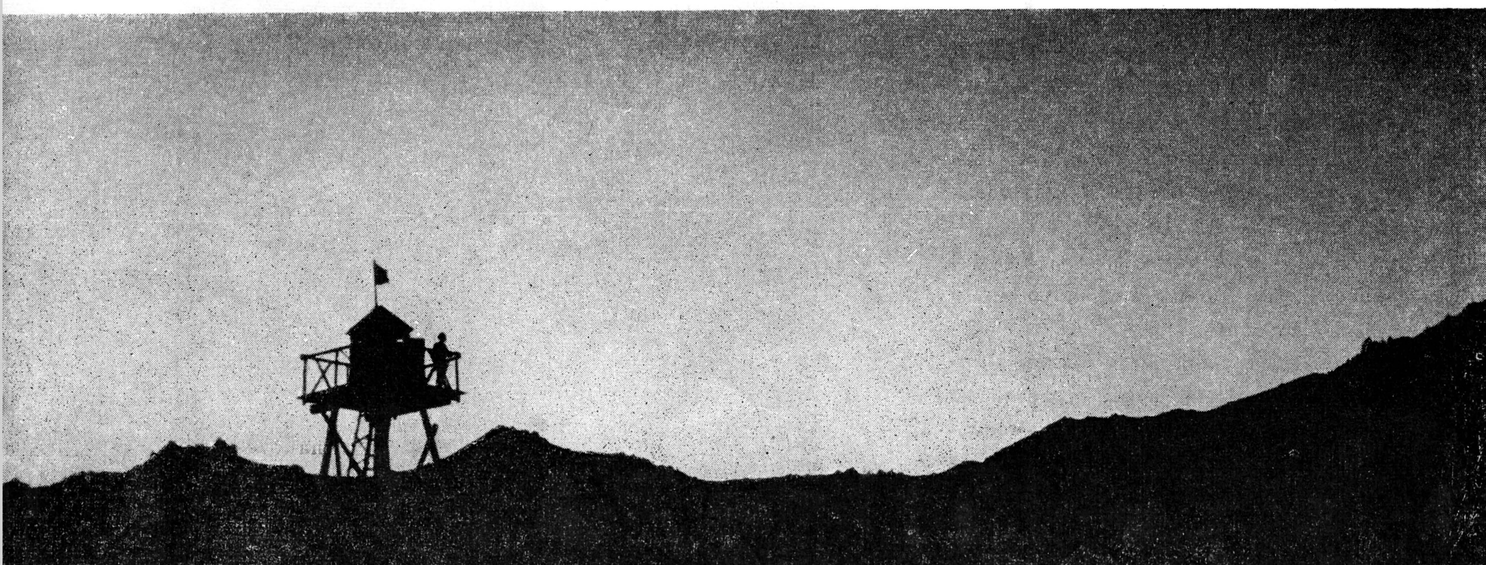

Археологическая экспедиция обнаружила пещеру с рисунками времен неолита. Это самая высокогорная в мире «картинная галерея» древнего человека.

Начала давать уголь на-гора́ (вот уж буквально «на-гора́»!) памирская шахта, конечно же, самая высокогорная в стране. Памир получил дешевое — свое, а не привозное топливо. Вход в шахту находится на высоте 5 200 метров над уровнем моря. Это высота Монблана. Сюда, через кручи и перевалы, доставили могучую современную технику, необходимую для добычи угля.

А геологи, обнаружившие на Памире крупные запасы каменного угля, продолжают поиски новых богатств, упрятанных в горах. Повсюду на «Крыше мира» можно встретить зеленые палатки, отряды изыскателей неутомимо ведут разведку будущего этой прекрасной горной страны.

Таков Памир 1960 года...

СВЕТ НАД ЧУКОТКОЙ

По-чукотски свет «кэргыкэр». Это слово сейчас в особом почете на Чукотском полуострове. Четыре десятилетия тому назад пришел к чукчам свет — даже долгая полярная ночь не может затмить его сияния.

В царской России об обитателях «далекой окраины» мало кто знал и никто не заботился. Да и что могли предпринять немногие исследователи, попадавшие в «ледяную пустыню»? То, что им удавалось рассказать о чукчах и дать им, было каплей в Чукотском море. Больше других для изучения жизни и просвещения чукчей сумел сделать В. Г. Тан-Богораз, этнограф, путешественник, писатель и революционер. Никто из прежних исследователей не знал чукотского языка, Богораз же изучил его в совершенстве. Перед ним открылись своеобразный фольклор, предания, обычаи, нравы. Последним куском делились с русским другом гостеприимные хозяева тундры. Жизнь чукчей была страшной. Их преследовали болезни и голод. Не в силах выбиться из нужды, чукчи нередко кончали жизнь самоубийством. Горечью и болью полны «Чукотские рассказы» В. Г. Тана-Богораза.

А сейчас у этого народа есть своя литература, свои писатели. Новый роман Рытхэу «Чукотская сага»[1] — это книга об утре народа. Герои романа — замечательные люди, члены колхоза, который так и называется — «Утро».

Вот директор школы Эйнес — человек со «сложным и чрезвычайно интересным характером». Это прекрасный педагог и мужественный охотник. А вот Унпэнэр — бригадир молодежной бригады охотников. Он с риском для жизни спасает попавших в бурю «людей с того берега»: так чукчи называют своих соседей — эскимосов с Аляски. Вот старый охотник Мэмыль.

«Для Мэмыля новая жизнь — это колхоз «Утро» и большая Советская Родина, это дочь Тэгрынэ, которая учится в институте, это Вамче, Унпэнэр, сотни других сыновей Чукотки, судьба которых так не похожа на судьбу их отцов; это его собственная счастливая старость. Ведь если бы жизнь не пошла по-новому, давно уже пришлось бы, наверно, Мэмылю распрощаться с нею, как это сделал когда-то его больной отец, как это делали многие заброшенные старики в бедняцких семьях. Теперь молодежь даже не верит, когда рассказываешь о жестоком обычае «добровольной смерти»...

Если охотника уносило на льдине, вспоминает Мэмыль, считали, что это воля злых духов кэле и бороться с ней невозможно. «А теперь другая настала пора, — говорит Мэмыль. — Когда Кэнири пропал, нам для поисков сразу же самолет прислали, опытного полярного летчика дали... И запрашивали его по радио три раза в сутки: «Не нашли еще Кэнири? Нет? Ну, ищите тогда, ищите, пока не найдете!» Вот какое теперь внимание к человеку!»

Чукчи учатся в техникумах, институтах, университетах. Они возвращаются на родную Чукотку специалистами. Строителями, чтобы находить совершенные архитектурные формы, используя лучшие черты яранги. Врачами, чтобы никогда не допустить эпидемий — таких частых гостей прошлого. Художниками, чтобы возродить к новому искусство косторезов. Преподавателями, чтобы ни один человек на Чукотке не остался неграмотным.

В романе Рытхэу мы видим и людей, живущих по ту сторону Берингова пролива и как бы все еще по ту сторону XX века. Это американские эскимосы, спасенные колхозниками. Печально звучит песня эскимоса: «Силы нет уже совсем в белоснежных крыльях птицы, а над ней — черная стена волны, черная стена...»

Молодым чукчам непривычно слышать полную горечи и тоски песню. Еще более непривычно прозвучал вопрос: «А сколько вы возьмете с нас за все это?» — заданный одним из спасенных.

Провожая вызволенных из беды соседей, один из чукчей задумчиво сказал: «Назад уехали, далеко назад — на целую жизнь. Как тридцать-сорок лет назад жили, так и сейчас живут. Даже, пожалуй, еще хуже стало».

Как трудно представить американским эскимосам, что у чукотского народа есть свои врачи и лечат они бесплатно, так трудно и бельгийскому профессору сразу согласиться, что чукчи такие же люди, как он, только с более высоким сознанием и более широким кругозором.

Бельгиец знакомится со студентами, направляющимися на практику в свой поселок.

«Вы говорите, что это произошло слишком быстро? — спрашивает профессора один из студентов, Гэутэгын, говоря об изменениях в жизни чукчей. — Еще бы! Уж такая счастливая судьба выпала нашему народу. Ведь в том-то здесь и дело, что мы шагнули к социализму прямо от первобытности, из темноты самой дикой жизни. Шагнули, минуя целые формации, в том числе и ту, в которой все еще пребываете вы, мосье профессор!»

Профессор и его жена не все поняли из рассказа Гэутэгына. И неудивительно.

«Ты сам говорил, что надо учитывать, откуда они приехали, — объясняет Гэутэгын своему другу. — Как-никак их страна отстала от нашей на целую историческую эпоху».

Да, на целую историческую эпоху обогнала Чукотка Бельгию! Перед когда-то отсталой окраиной открыто окно в светлое будущее коммунизма!

«Окно» по-чукотски «кэргычын», по-русски, дословно, — «светлота»!

В. НОВИКОВА

[1] Рытхэу. Чукотская сага. Изд-во «Молодая гвардия», 1960.

МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ

В одной из гор Боливии, Серро-де-Потоси, добывают оловянную руду. Вся гора изрезана ходами, добыча ведется примитивно, в шахтах не хватает воздуха. А под самой вершиной, на высоте четырех с половиной тысяч метров над уровнем моря, нет даже нормальных штреков и штолен, хозяева не тратят на них денег. Пробиваются только узкие щели. Добытую забойщиками руду складывают в кожаные мешки и привязывают их к ногам апири — восьмилетних мальчиков-индейцев, таких маленьких, чтоб могли «пролезть в любую щель».

Узкими ходами на животе и на локтях ползут под землей апири, волоча за собой на поверхность тяжелые мешки. Дети «совершенно обессилены, молчаливы и сгорблены, как старики».

Чтобы добраться к этим шахтам, горнякам приходится совершать мучительно трудное восхождение. Поэтому они стараются работать часов по шестьдесят подряд без еды и сна, лишь с небольшими перерывами. Не в силах выдержать такое напряжение, и взрослые и дети прибегают к наркотикам — жуют коку. «Кока — это страшная вещь. Она превращает человека в автомат».

«На всем нашем пути не было более ужасного зрелища и более

страшного обвинения против тех, для кого ценно все, кроме человеческой жизни, человеческого достоинства, судьбы детей», — свидетельствуют в одной из своих латиноамериканских книг[1] Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, побывавшие в шахтах Серро-де-Потоси. Неутомимые путешественники посетили множество стран на континенте меж двух океанов, интересовались самыми различными сторонами жизни. Но в центре их внимания простой народ и особенно бесправные и обездоленные индейцы.

Хозяева богатой страны, индейцы вынуждены ходить босиком по снегу, ибо им нечего надеть, за жалкие гроши, задыхаясь в гуановой пыли, таскать на спине восьмидесятикилограммовые мешки с гуано или, рискуя жизнью, на потеху скучающим туристам прыгать со скалы в море.

Индейцев шуар, живущих в эквадорских лесах, ославили как «охотников за черепами»: они якобы кровожадны по природе и без разбора убивают всех иноплеменников, тем более белых. Ганзелка и Зикмунд не поверили измышлениям расистов и решили пожить среди шуар. Их долго отговаривали, запугивали. Но журналисты не отказались от своего плана.

Увидев белых, которые пришли без оружия, готовые помочь чем можно, белых, которые дают больному лекарство, не требуя, как миссионеры, грамм золота за грамм хинина, индейцы полюбили бескорыстных чужеземцев. Им предложили гею (жилище) и жен, просили остаться в лесу, давать советы, лечить. Когда они уезжали, старейшина рода просил их взять с собой его любимого младшего сына: «Я хочу, чтобы он научился всему тому, что знаете вы...» Можно ли яснее выразить свое доверие и дружбу?

В Эквадоре путешественники познакомились с удивительной женщиной — «мамой» индейцев, Долорес Какуанго, организовавшей бесправных, неграмотных, разобщенных людей в союз сельскохозяйственных рабочих. Мешая индейские и испанские слова, рассказывала она о страшной жизни индейцев: «В некоторых районах Эквадора помещики по сей день клеймят индейцев каленым железом, как скот!»

«Борьба живет в моем сердце», — говорит Долорес. Безоружная, она одерживает верх над вооруженным отрядом, когда нужно заступиться за невинного; не обращая внимания на часовых, идет к президенту и добивается учителей для индейских школ... Мудрость и бесстрашие этой женщины сделали имя ее легендарным.

Передовые взгляды замечательных путешественников-журналистов, их благородство и бескорыстие известны во всем мире. Но именно это пришлось кое-кому не по вкусу.

В некоторых «банановых республиках» журналистов из Чехословацкой Социалистической Республики официальные власти встречали недружелюбно, мешали их продвижению...

О странах Центральной Америки рассказывается в четвертой книге очерков — «Меж двух океанов», которая в ближайшее время выходит из печати.

Сейчас экспедиция неутомимых журналистов находится в Индии. И скоро мы сможем прочитать очерки о том, как сбросивший ярмо английского капитала индийский народ строит новую жизнь.

Г. МАЛИНИНА

---

[1] И. Ганзелка, М. Зикмунд. Там, за рекою, — Аргентина. Изд-во «Молодая гвардия», 1959.
И. Ганзелка, М. Зикмунд. Через Кордильеры. Изд-во «Молодая гвардия», 1960.
И. Ганзелка, М. Зикмунд. К охотникам за черепами. Изд-во «Молодая гвардия», 1960.

ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Южно-Африканский Союз... Совсем недавно к сообщениям о происходивших там событиях снова было приковано внимание всего мира. С гневом и возмущением читали честные люди газетные строки о массовых убийствах, чинимых в этой стране белыми колонизаторами, о расстрелах мирных демонстраций, избиениях и арестах ни в чем не повинных людей. Разгул расистов достигает в ЮАС особой силы. Весь государственный аппарат, полиция, войска служат расистским громилам, бесчеловечно эксплуатирующим коренных жителей страны, попирающим их права, обрекающим их на голод и смерть.

В книге южноафриканской писательницы Филис Альтман, написанной несколько лет тому назад и недавно выпущенной на русском языке[1], перед читателем проходят трагические судьбы тех, кого белые колонизаторы презрительно именуют «туземцами».

Сын деревенского учителя Таэлэ с детских лет мечтает стать врачом, лечить больных, которых так много в его родной деревне. Он приезжает в Иоганнесбург, начинает работать клерком, пытается учиться на заочных курсах. Но уже вскоре он убеждается, что из его мечты ничего не выйдет, — утомительная работа, вечное недоедание лишают его последних сил. Отказавшись от своего призвания, он долгие годы влачит жалкое существование клерка. Нескольких безразлично-приветливых слов хозяина достаточно, чтобы усталый, разочаровавшийся Таэлэ привязался к нему; узнав, что белые служащие обманывают хозяина, Таэлэ пробует уличить их, но они обвиняют в краже его самого. Какая неслыханная дерзость: черный осмелился «оскорбить» белого! Таэлэ жестоко избивают и бросают в тюрьму. Он выходит из нее полный решимости отомстить за незаслуженную обиду. Таэлэ пытается объединить соотечественников для борьбы за свои права, но он не знает, как добиться свободы. Он погибает в неравной схватке с полицией.

Молодой крестьянин Нкози — участник второй мировой войны. Он спас на фронте своего офицера — белого и прибегает к его помощи, чтобы получить возмещение за скот, которого лишился, пока был на фронте. Тот подает ему жалкую милостыню и отворачивается от него. Нкози решает искать справедливости, но его избивают при разгоне

---

[1] Филис Альтман. Закон стервятников. Перевод с английского С. Кругерской и В. Рубина. Изд-во «Молодая гвардия», 1960.

демонстрации, наказывают ударами плети и присуждают к пяти годам каторжных работ.

Юноша Летси, земляк Нкози, приезжает в Иоганнесбург, чтобы заменить брата, который был слугой. Он работал с утра до ночи. Однажды он пошел послушать музыку к приятелю, имевшему граммофонные пластинки, но «раздался оглушительный стук в дверь, и ее широко распахнул огромного роста полицейский с дубинкой в руке... Полицейский крикнул: «Чернокожие свиньи, вы арестованы за нарушение правил!» Летси присудили к двум месяцам тюрьмы, а затем отправили работать на ферму одного белого. «Это была та же тюрьма. На ночь нас запирали... Работать заставляли много, а кто не справлялся вовремя, того лупили дубиной».

Бесправие, побои, тюрьма, избиения, убийства и полная безнаказанность убийц... В книге Филис Альтман запечатлены страшные картины жизни местного населения. Вот первые путевые впечатления юного Таэлэ, отправляющегося в Иоганнесбург искать счастья и нашедшего гибель: «Первым вставал перед глазами поселок африканцев — уродливые хижины с жестяными крышами; куски жести удерживались на месте большими камнями. На улицах группами стояли взрослые, неподвижные, безразличные ко всему, а оборванные, почти голые ребятишки бежали к поезду с криками: «Пенни, баас, пенни, миссус!» Потом появлялся вокзал, и мимо проплывали церковь и прекрасные, окруженные садами дома, где жили европейцы».

А в самом Иоганнесбурге «африканцам не разрешалось жить там, где им хочется, а лишь в определенных местах — за много миль от места работы»; им запрещается пользоваться трамваями «для белых», они обязаны иметь при себе пропуска самых разных видов: пропуск на передвижение, пропуск, разрешающий искать работу, пропуск, подтверждающий, что у его владельца есть работа, ночной пропуск от хозяина, квитанцию об уплате подушного налога. Тем, кто не имеет на руках этих свидетельств унижения и бесправия, грозят тюрьма, наручники, побои.

Плохо живется африканцам в больших городах. А в деревне? Обманчив и «мирный» покой деревни... За ним скрываются голод, болезни и нищета.

Так правят страной колонизаторы, правят по своему закону — закону стервятников. Беспросветно тяжела жизнь под их гнетом.

Но в книге звучат и оптимистические мотивы. Они связаны прежде всего с образом Дхламини — профсоюзного организатора на фабрике, где работал Нкози. Это мужественный, отважный человек, несмотря ни на что сохраняющий жизнерадостность, энергию, бодрость духа. Он терпеливо и упорно рассказывает новичкам на фабрике о профсоюзе, о том, что все рабочие, черные и белые, — братья. Недаром отзывается о нем Нкози: «Ох, и умен этот Дхламини! Все-то он понимает. Когда его слушаешь, все становится простым и ясным».

И, заканчивая свою книгу, писательница говорит о Нкози: «В будущем он узнает, что Дхламини и тысячи таких, как он, создадут настоящее справедливое общество разных рас и народов, где все люди будут свободны».

В. СЕРГЕЕВ

землю, к которой рвались белые в надежде, что там есть золото...»

«Положение аборигенов — позор Австралии, — пишет В. Маевский. — Австралийцы, которым дорога честь родной страны, требуют подлинно гуманного решения этой проблемы».

Насущным проблемам сегодняшнего дня в Австралии и Новой Зеландии В. Маевский и уделяет больше всего внимания. Он рассказывает о быте и нравах народов этих стран, их экономическом и политическом положении, развитии культуры и многом другом. Особое место отводится в книге отношениям Советского Союза с Австралией и Новой Зеландией.

«Мы,—говорит В. Маевский в своем обращении к читателям, — привыкли думать об Австралии и Новой Зеландии как об очень далеких странах. Мы — в одном полушарии, австралийцы и новозеландцы — в другом. Над нами небо с Большой Медведицей, над ними — с Южным Крестом. У нас зима, мороз, снег, у них — лето, жара. Природа сделала все, чтобы разделить нас. Но человек сильнее природы...

Представьте себе пассажирские ракеты, корабли-спутники, которые будут покрывать расстояние от Советского Союза до стран пятого континента за полчаса. Сидней станет не дальше от Москвы, чем Мытищи: вот мы и близкие соседи!»

Книга В. Маевского о далеком и близком континенте — интересная и нужная книга. Она поможет советскому читателю лучше узнать Австралию и Новую Зеландию, полюбить их простых людей-тружеников.

Книга богато иллюстрирована рисунками художника А. Карякина и фото, сделанными автором.

Я. ИВАНОВ

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ КОНТИНЕНТ

Некоторые ученые считают, что пятый по счету, австралийский континент возник на Земле первым — полтора миллиарда лет назад. «Первый или пятый» — такое название и дал своей книге известный журналист-международник В. Маевский, посетивший в 1959 году в качестве корреспондента «Правды» Австралию и Новую Зеландию. Однако вопрос о происхождении австралийского континента автор оставляет на совести ученых. Он отмечает бесспорный исторический факт: большие перемены постигли австралийский континент всего лишь за последние полтораста лет — с тех пор как британское правительство начало активную его колонизацию.

«Австралия стала ареной разгула самых дьявольских страстей, — говорит В. Маевский. — Начался период физического истребления аборигенов. Никто не знает, сколько было их на пятом континенте до прихода белых. Полагают, от 300 до 500 тысяч. Сейчас в Австралии осталось не более 30 тысяч чистокровных аборигенов и примерно столько же метисов.

Полтора века длится расправа с аборигенами.

Их расстреливали, кололи штыками, вешали, травили мышьяком, подсыпая его в еду, сгоняли с земли, сжигали их убогие хижины. Им не было места ни на побережье, ни в глухих зарослях кустарника, ни в лесах, ни в пустыне Центральной Австралии. Всюду их настигала гибель только потому, что они были темнокожими, ходили почти без одежды, пользовались первобытным копьем и бумерангом и занимали

ВОКРУГ СВЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3 МАРТ 1961 г.

Среди книг

ЖУРНАЛ „СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ“

Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР издает журнал «Советская этнография».

Журнал знакомит своих читателей с происхождением и развитием народов мира, с особенностями их жизни в прошлом и настоящем. На страницах журнала и особенно в специальном разделе «Народы мира» рассказывается о быте разных народов: о хозяйственной деятельности, жилище, одежде, пище, домашней утвари; о нравах и обычаях; общественных и семейных отношениях; о культуре, устном и изобразительном творчестве, языке и литературе.

Большое внимание уделяется процессам, протекающим в жизни народов СССР в эпоху строительства коммунизма.

В журнале публикуются сообщения об этнографических поездках к народам СССР и зарубежных стран, рассказывается об издающейся у нас и за рубежом этнографической литературе.

Журнал выходит 6 раз в год. Объем номера—12 печатных листов. Подписная цена на год — 10 рублей 80 коп.

Главный редактор журнала—член-корреспондент Академии наук СССР С. П. Толстов.

На первой странице обложки: Их родина — свободная Гвинея.

На третьей странице обложки: Африканская деревня Бангоа, расположенная на пути из Зиндера в Нгигми (Республика Чад).

Главный редактор В. С. САПАРИН

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Ковалев
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
Наш адрес: Москва, А-55, Сущевская, 21. Телефоны для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы — «Наша Родина» 2-68; иностранный 2-85; 3-58; литературы 3-93; иллюстраций 3-16; приложение «Искатель» — 3-38.
А01773 Подп. к печ. 9/II 1961 г. Печ. л 8,5 (8,5). Уч-изд. л 10,2 Тираж 180 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 2747.
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-55, Сущевская, 21

Цена 60 коп

МАТЕРИАЛЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТКРЫТИЯ

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Де Терра Г., **Александр Гумбольдт и его время.** Перевод с немецкого. 329 стр., цена 94 коп.

В книге описан жизненный путь великого немецкого натуралиста Александра Гумбольдта.

Море. Составители: В. Романовский, К. Франсис-Бёф, Ж. Буркар и др. Перевод с французского, 90 изд. л., цена 3 р. 53 к.

Книга представляет собой краткую энциклопедию знаний о море, накопленных человечеством за всю долгую историю покорения водной стихии.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Зихровский Г., **Индия осушает свои слезы.** Древняя страна на новом пути. Перевод с немецкого. 20 изд. л., цена 90 коп.

Гарри Зихровский — прогрессивный австрийский журналист. Книга — результат его недавней поездки в Индию. Автор показывает, как эта страна избавляется от тяжелого наследия колониального прошлого, перестраивает свою жизнь.

Райт Г., **В глубинах Тихого океана.** Перевод с английского. 15 изд. л., цена 66 коп.

Г. Райт, участница американской глубоководной экспедиции, рассказывает читателю о Тихом океане, о знойных островах южных морей, знакомит с увлекательной работой следопытов морских глубин.

Тазиев Г., **Встречи с дьяволом.** Перевод с французского 6 изд., л., с илл., цена 90 коп.

Автор книги с риском для жизни заснял огнедышащие кратеры многих вулканов. Публикуемые им цветные фотографии дают яркое представление о непрекращающейся деятельности этих «очагов дьявола».

СЛЕДИТЕ ЗА ПОСТУПЛЕНИЕМ НОВИНОК В КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ.

ПОКУПАЙТЕ КНИГИ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.

НА ПЕЧАТАЮЩИЕСЯ КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

